

Н. В. Чикина

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
ЛИТЕРАТУРЫ
НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**

КАРЕЛЬСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ

Н. В. Чикина

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**

Петрозаводск
2011

УДК 821(470.22)(=511.112)

ББК 83.3(2Рос=Карел)

Ч-60

Рецензенты

доктор филологических наук *Ю. И. Дюжев*
кандидат филологических наук *Т. И. Старшова*

Ч-60 Чикина Н. В. **Современное состояние литературы на карельском языке.** Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 120 с.

ISBN 978-5-9274-0483-4

Данное издание является первым в российском литературоведении исследованием карелоязычной литературы Республики Карелия. В книге представлена литература, развивающаяся на трех наречиях карельского языка: ливвиковском, людиковском и собственно карельском. Монография начинается общими разделами историко-литературного характера, после чего следуют главы, посвященные литературе рубежа XX–XXI веков. Книга предназначена для научных работников, преподавателей, студентов, а также для всех, интересующихся литературой на карельском языке.

УДК 821(470.22)(=511.112)

ББК 83.3(2Рос=Карел)

ISBN 978-5-9274-0483-4

© Чикина Н. В., 2011

© Карельский научный центр РАН, 2011

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2011

ВВЕДЕНИЕ

В данной работе речь идет о творческом опыте одной из национальных литератур России, активно действующих сегодня. Обострившийся на рубеже XXI века интерес общества к нравственным, духовным проблемам вызывает вполне объяснимое стремление авторов сохранить многовековое богатство народного и эстетического опыта, соотнести современные нравственные измерения и критерии с выработанной на протяжении веков народной моралью, раскрыть тему народа в потоке истории, подчеркнуть роль творческой силы памяти, нравственных начал в жизни, необходимость гармонического развития личности. Общий взгляд на развитие литературы народов России¹ дает возможность говорить о полноте охвата жизни, многообразии подходов к человеку и миру, интенсивности художественных поисков, разнообразии стилей.

На рубеже XXI века новый, важный шаг в своем развитии сделала и литература на карельском языке, хотя в Республике Карелия до сих пор процесс создания единого литературного языка является замедленным в силу ряда обстоятельств: ограниченной сферы его применения, явлений литературного «многоязычия», «борьбы наречий», когда у карелов литература развивается на собственно карельском, ливвиковском и людиковском наречиях карельского языка. Такого рода образование языковых «пар», а не единого национального языка доктор филологических наук Э. Г. Карху объясняет особенностями процессов этногенеза, в частности, тем, что «карелы, являясь этническим меньшинством, к тому же рассредоточены и не представляют компактной целостности. В таких условиях перспектива формирования единого общенационального языка становится проблематичной. Во многом это зависит также от функционально-коммуникативной роли языка в обществе, от его правового статуса»².

¹ Литературы народов России. XX век: Словарь / Под ред. Н. С. Надъярных. М., 2005. 365 с.

² Карху Э. Г. Малые народы в потоке истории. Исследования и воспоминания. Петрозаводск, 1999. С. 27.

По данным переписи 1989 года, на территории Советского Союза насчитывалось 130 929 карелов. Большая часть их (78 929 человек) жила в Республике Карелия и значительная группа так называемых тверских карелов – в Тверской области (23 169 человек)³. По данным всероссийской переписи 2002 года, в Карелии проживало уже 65 651 человек⁴.

На фоне возникшей во второй половине 1980-х годов стремительной активизации национального самосознания народов как движущей силы этнического возрождения углубился интерес к языковому наследию, а оно у карельского народа имело глубокие корни.

Не имея возможности в полной мере воссоздать здесь историю карельской письменности, отметим, что до революции 1917 года Карелия в глазах российской интеллигенции представлялась прежде всего краем, где возникли эпико-героические песни с их героями Вяйнямейненом и Илмариненом, отличавшиеся богатым мифологическим содержанием. Э. Лённрот записал 4 200 строк от выдающегося певца Архиппы Перттунена и затем в 1835 году на основе огромного материала подготовил издание «Калевалы». «В „Калевале“ так или иначе, нашли отражение практически все эпические сюжеты карело-финского фольклора, – отмечал Э. Г. Карху. – Книжную форму и статус целостного национального эпоса „Калевала“ обрела весьма поздно – и вместе с тем она подлинно народна; по своим мифологическим историям она архаична – но она современна по выраженным в ней мыслям и чувствам»⁵.

Но если в Финляндии фольклорно-филологическая деятельность Э. Лённрота в значительной степени способствовала развитию и совершенствованию финского языка, то в соседней Карелии до революции не нашлось столь же значимой фигуры новатор-языкотворца, который бы смог ввести в карельский язык сотни и тысячи новых слов, которых не было ни в народных диалектах, ни в церковно-книжном языке. На момент Октябрьской революции карельский язык, оставаясь главным средством общения карелов, не имел своей письменности.

³ Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 159.

⁴ Сколько нас и кто мы? // ТВР-Панорама. 2005. 3 авг. С. 6.

⁵ Карху Э. Г. Элиас Лённрот: Жизнь и творчество. Петрозаводск, 1996. С. 194.

В последующие семь десятилетий предпринималось несколько попыток создать карельскую письменность. Хотя уже в 1919 году в Карелии в ряде школ обучение шло на карельском языке, Первый Всекарельский съезд трудящихся (июль 1920 год) принял резолюцию о преподавании в школах только на русском и финском языках. И лишь в 1937 году Президиум ЦИК Карельской АССР принял решение о создании единого для всех групп карелов Советского Союза литературного языка на основе русской графики. В том же году была опубликована «Грамматика карельского языка» Д. В. Бубриха.

Литературовед Э. Л. Алто называет среди карелоязычных поэтов 1930-х годов Н. Гиппиева (псевд. Н. Лайне), Ф. Исакова, Ф. Ивачева и признает, что хотя ввиду непродолжительного периода существования литературы на карельском языке результаты были «весьма скромны»⁶ и, тем не менее, опыт развития литературы на карельском языке в 1938–1940-е годы оказался полезным, когда спустя полвека вновь встал вопрос о возрождении карельского литературного языка.

По мнению языковеда Л. Ф. Маркиановой, важно понимать необходимость сохранения и вместе с тем объединения всех диалектов и говоров как основы богатства и выразительности единой литературной формы языка. Диалектная форма языка, как известно, бытует и сохраняется на локальной территории и, прежде всего, в семье. Литературный же язык – это обработанная форма общенационального языка, обслуживающая все сферы бытия. Он может быть письменным языком, сложившимся на базе одного или нескольких местных диалектов; или чужим языком, навязанным народу в качестве формы общения⁷.

Таким образом, становление литературы на карельском языке предстает как сложный процесс. В отличие от рождения литератур других малочисленных народов России, где отправной точкой послужило создание национальной письменности, в Карелии до сих пор наблюдается существование языка в диалектной форме и дис-

⁶ Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии // История литературы Карелии в 3-х т. Т. 2. СПб., 1997. С. 112.

⁷ Маркианова Л. Следующий шаг – создать единый литературный карельский язык // Карелия. 2005. 7 июля. С. 15.

куссируются различные пути решения языкового вопроса. Если в других младописьменных литературах движение к новому эстетическому качеству шло непрерывно, то в Карелии отмечается полоса разрыва почти в полвека, когда поступательное движение литературы замедлилось. К началу возрождения роли карельского языка в 1980-е годы уже не осталось в живых писателей, активно работавших в довоенное время. Начинающим поэтам и прозаикам необходимо было накопить опыт, чтобы на новом эстетическом уровне продолжить завоевания предшественников. Все это совпало с продолжавшим углубляться в конце XX века процессом ассимиляции карелов, когда совпадение национальной принадлежности и родного языка в городах преобладало у карелов только старше 50 лет, а в сельской местности – в возрасте от 40 лет и старше, когда «массовая языковая ассимиляция превратилась в существенный фактор смены этнического самосознания»⁸. И тем не менее, в коллективном труде «Прибалтийско-финские народы России» (М., 2003) В. Д. Рягоев и Е. И. Клементьев отмечали, что в новой общественно-политической ситуации карельская интеллигенция осознала всю важность сохранения народом родного языка, как одного из факторов этнической самоидентификации и сосредотачивает свое внимание на разрешении языковых проблем: воссоздании письменности уже не на кириллической, а на латинской графической основе, обучении детей родному языку, выпуске учебных пособий, издании газет и книг на карельском языке.

На рубеже XXI века перед пишущими на одном из трех наречий карельского языка авторами открылись новые возможности для органического слияния творчества с важнейшими проблемами жизни народа, выражения народных устремлений и чаяний, представлений о прекрасном. В известной степени литература на карельском языке в этот исторический период переживает тот этап ускоренного развития, через который прошли младописьменные литературы Советского Союза в первые послереволюционные годы. Г. Ломидзе указывал, что «ускоренность развития подразумевает „выпадение“ ряда звеньев»⁹. Остаются в силе утверждения Г. И. Ломидзе, что в столь

⁸ Прибалтийско-финские народы России... Цит. соч. С. 206.

⁹ Ломидзе Г. И. Методологические вопросы изучения взаимосвязей и взаимообогащения советских литератур. М., 1963. С. 6.

сложном вопросе, как развитие литературы, особенно требуется чувство историзма, чтобы понять происхождение и характер издержек в произведениях, созданных в молодых литературах: «Эволюцию реализма, реалистического метода изображения действительности нельзя отрывать от уровня самой литературы и от уровня эстетического сознания и представлений народа. Без учета условий формирования молодых литератур многое покажется непонятым или абсолютно случайным»¹⁰.

Очевидны разницы уровней отдельных младописьменных литератур России (например, карелоязычной и литератур Поволжья – мордовской, чувашской, марийской, удмуртской). И тем не менее в каждой из них наблюдаются общие тенденции в развитии художественного мышления, отмеченные в словаре «Литературы народов России. XX век» (М., 2005): движение от всеобщего увлечения автобиографизмом к более широкому кругу собственно эпических жанров; от исторической тематики – к отображению современности; от категорий историко-описательного характера – к освоению современных изобразительных средств.

Литературоведами Карелии проделана значительная работа в плане изучения развития литературы Карелии как естественно развивающегося литературного процесса. Именно в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН был создан новый тип библиографического указателя, сочетающего библиографию с хроникой. Девять выпусков «Летописи литературной жизни Карелии» представляют собой развернутый конспект фактографического материала и воссоздают последовательный ход развития литературной жизни Карелии с 1917 по 2001 год.

Ведущим специалистом по изучению национальной литературы Карелии долгое время оставалась М. Ф. Пахомова (1926–2003). Для «Очерка истории советской литературы Карелии» (Петрозаводск, 1969) ею написаны разделы о становлении литературы в 1920-е годы, о послевоенной финноязычной прозе, о романах и повестях А. Тимонена, Т. Хуусконена, О. Степанова, Н. Яккола, У. Викстрема, П. Пертту. Она же автор «Заключения», в котором

¹⁰ Ломидзе Г. И. Интернациональный пафос советской литературы. М., 1970. С. 170–171.

есть строки, обращенные к будущим исследователям: «Осознание пути уже пройденного, ставшего историей – очень важный этап развития молодой литературы. Но не конечный. Литература, как и все другие формы общественного сознания, продолжает развиваться... В каждый последующий значительный период своей истории карельская литература будет по-новому видеть свой пройденный этап, уточняя, углубляя его трактовку»¹¹.

Исследование М. Ф. Пахомовой «Эпос молодых литератур» (Л., 1977) освещает проблему закономерностей изменения эпоса (рода) и его жанров на конкретном анализе пяти финно-угорских литератур: удмуртской, марийской, мордовской, коми, карельской. В центре внимания – проблема своеобразия жанра романа, еще тесно связанного с традиционным фольклором, соприкасающегося с эстетической системой фольклора. Последнее исследование М. Ф. Пахомовой «Жанрово-стилевые искания современной прозы Карелии» (Петрозаводск, 1981) рассматривает произведения русских и финноязычных писателей Карелии в разрезе исторической поэтики.

Большое внимание изучению фольклора и литературы Карелии уделял Э. Г. Карху. Он был одним из авторов и научным редактором «Очерка истории советской литературы Карелии». Э. Г. Карху вошел в состав авторского коллектива, которому было поручено создать трехтомную «Историю литературы Карелии» и написал первый том, посвященный карельскому и ингерманландскому фольклору, а также заключение к коллективному труду, в котором особо отметил желание ряда авторов, этнических карелов, родом из южной и средней Карелии, писать на родном ливвиковском наречии карельского языка. Исследователь обнаружил в их стихах «черты, свойственные именно раннему периоду литературного развития и пробуждения этнического самосознания. В послевоенные десятилетия это наблюдалось у севернокарельских писателей, теперь – у ливвиков и вепсов. Главное – это любовь к родной земле, к родному языку и фольклору, к культурному наследию предков... С этих ценностей начинается человек. Тем более без них немислимо существование народа»¹².

¹¹ Очерк истории советской литературы Карелии. Петрозаводск, 1969. С. 368.

¹² Карху Э. Г. Послесловие к «Истории литературы Карелии» в 3-х томах // История литературы Карелии в 3-х т. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 444.

Северные карелы и ливвики прошли один и тот же путь развития только в разные годы. Поэтому послевоенная литература северных карелов и современная литература ливвиков имеют общие особенности. В жанровом отношении это проявляется в развитии от малых форм к более крупным; в тематическом – преобладание краеведческих, автобиографических тем; в художественном – влияние народной традиции.

Следует заметить, что в трудах советского времени М. Ф. Пахомовой, Э. Л. Алто, Э. Г. Карху и ряда других литературоведов под «национальной» литературой Карелии подразумевались произведения, написанные на финском языке. Первая опубликованная после Великой Отечественной войны книга стихов на ливвиковском наречии «Край мой олонецкий» В. Брендоева и сборник рассказов на собственном карельском наречии «Лукавинки» П. Пертту – появились лишь в 1980 году.

Создание «Истории литературы Карелии» в 3-х томах (1994, 1997, 2000) стало результатом работы литературоведов Карелии. Авторы труда сделали серьезный шаг на пути объективного, подлинно научного истолкования истории многонациональной литературы Карелии.

Однако в силу того, что работа над «Историей литературы Карелии» в основном была завершена в начале 1990-х годов, авторы коллективного труда не смогли уделить внимание литературе на карельском языке, которая начала активно развиваться именно в этот период. В третьем томе указанного труда дается лишь отсылка читателя к статье А. И. Мишина «Дать начало песнопенью... (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе)», опубликованной в журнале «Север» (2000, № 10, С. 152–160).

В данной статье речь шла о преемственной близости и родстве произведений, публикуемых на трех наречиях карельского языка. Остальные печатные работы представляли собой либо отзывы и рецензии на новые книги, либо портретные зарисовки авторов¹³.

¹³ Kolomainen R. «Työ andakkua meilegi sana...» // Carelia. 2001. N:o 5. S. 130–134; Kolomainen R. Pjotr Semjonov – karjalainen mies ja kirjailija // Carelia. 2003. N:o 3. S. 123–127; Umberg A. Uutta lukemista karjalaksi: Olga Mišinan Marin kukku-kirja on nähnyt päivänvalon // Karjalan Sanomat. 2003. 30. heinäk. S. 15.

На монографическом уровне изучение литературы на карельском языке осуществляется впервые. К изучению данной проблемы нас подтолкнуло и то обстоятельство, что при всех несомненных достижениях филологической науки Карелии (исследования Э. Л. Алто, Э. Г. Карху, А. И. Мишина, М. Ф. Пахомовой и др.) до сих пор не создано обобщающих трудов и основательных исследований проблем развития современной литературы Карелии на трех наречиях карельского языка.

В литературоведении имеется опыт изучения младописьменных литератур. Во многих рецензиях, статьях, обзорах, монографиях рассматриваются аспекты литературного процесса в национальных литературах России: социальная проблематика, динамика стилевых и жанровых процессов, обновление традиций, творческая индивидуальность художника и др. Важные теоретические наблюдения и выводы содержатся в трудах ученых Отдела литератур народов России и СНГ Института мировой литературы РАН им. А. М. Горького.

В методологическом отношении представляются ценными выводы, сделанные в монографии академика РАН Г. Гамзатова «Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане» (Махачкала, 1978). Известно, что литература Дагестана развивается на различных языках, и в этом отношении культурная ситуация в этой южной республике близка той, что наблюдается ныне в Карелии. В своей монографии Г. Гамзатов рассматривает методологическую проблему перехода от признания наличия литературных традиций и их филологически-описательной оценки к раскрытию внутренней динамики возникновения и развития этих традиций, «к выявлению закономерностей формирования данной эстетической системы, своеобразия ее бытования и функционирования в собственной ареальной и национальной среде во взаимодействии с „соседствующими“ системами, с иными идеологическими и художественными воззрениями»¹⁴. Он предлагает анализировать многоязычную литературу Дагестана как форму эстетического сознания народа, «в единой многонациональной

¹⁴ Гамзатов Г. Формирование многонациональной литературной системы в дореволюционном Дагестане: Истоки, традиции и своеобразие художественной системы. Махачкала, 1978. С. 5.

зональной системе»¹⁵, что выглядит логически оправданным и научно обоснованным благодаря исторически сложившимся многообразным, длительным, устойчивым связям и взаимодействиям. При всей непохожести развивавшихся на разных языках национальных литератур Дагестана, при всей разности этнических, географических культурно-наследственных черт всех их объединяла в прошлом и объединяет в настоящем общность исторических судеб и перспективы дальнейшего развития, все возрастающая прочность духовного единства.

Так же как и в многонациональной литературе Дагестана, так и в многодиалектной литературе на карельском языке одним из решающих факторов обобщенности индивидуального творчества стала преемственная близость и генеалогическое родство фольклора и литературы, неизбежность восхождения в своем генезисе к соответствующей фольклорной общности людиков, ливвиков и собственно карелов. В равной степени национально-карельское содержание творчества писателей-карелов Николая Яккола (1905–1967), Антти Тимонена (1915–1990), Яакко Ругоева (1918–1993), Пекки Пертту (1917–1992), Николая Лайне (1920–1984), Ортье Степанова (1920–1998) – и начавших создавать свои произведения в конце XX века на трех наречиях карельского языка А. Волкова, О. Мишиной, М. Пахомова, П. Семенова и других авторов «проявляется прежде всего в том, что оно всеми своими корнями связано с родным краем, его природой, людьми, местной историей, фольклорным наследием, карельской этнокультурой в целом»¹⁶.

По этой причине с таким же успехом, как это сделал Г. Гамзатов в отношении многонациональной литературы Дагестана, можно говорить и о развивающейся на трех наречиях карельского языка литературе Республики Карелия как об определенной идейно-эстетической системе, имеющей свое национальное лицо, свою специфику. Внутри этой системы происходит взаимодействие и взаимообогащение создающихся на разных наречиях литератур, которые в специфически национальных формах отражают общие процессы жизни карельского народа.

¹⁵ Гамзатов Г. Указ. соч. С. 18.

¹⁶ Карху Э. Г. Послесловие к Истории литературы Карелии в 3-х томах... Цит. соч. С. 440.

Данную работу можно считать первым в российском литературоведении системным исследованием современной литературы на карельском языке, создающейся на людиковском, ливвиковском и собственно карельском наречиях в Республике Карелия. В ходе исследования доказывается, что литература на карельском языке продолжает развиваться, демонстрируя стремление национальной интеллигенции не допустить утраты этнокультурного наследия, сохранить важнейшую функцию культуры – поддержание культурно-языкового единства и межпоколенной преемственности.

Поскольку монографическое исследование карелоязычной литературы выполняется впервые, то исследовательские задачи в ней неизбежно сопровождаются историческим описанием становления самой литературы. Хронологические рамки исследования охватывают период конца XX – начало XXI века. Творчество авторов, пишущих на карельском языке в Тверской области и Финляндии, в рамках данной работы не исследовалось.

Автор работы имеет опыт изучения карелоязычной литературы (См. Библиографию). Принимала непосредственное участие в подготовке очередных выпусков «Летописи литературной жизни Карелии» (Петрозаводск, 2010, 2011) за 1992–2001-й годы. В качестве редактора-библиографа участвовала в публикации библиографического указателя, посвященного жизни и творчеству карельского поэта-ливвика Владимира Брендоева (Петрозаводск, 2001), библиографического словаря «Писатели Карелии» (Петрозаводск, 2006).

Работа состоит из «Введения», четырех глав и «Заключения». Во «Введении» описывается структура работы, специфика исследования. Первая глава освещает историю создания литературы на трех наречиях карельского языка. Во второй главе исследуются основные тенденции в литературе на ливвиковском наречии карельского языка. В третьей главе изучается становление литературы на людиковском наречии. Четвертая глава посвящена современной собственно карельской литературной традиции. В «Заключении» подводятся итоги исследования, выделяются общие тенденции в развитии литературы на карельском языке.

Автор выражает благодарность доктору филологических наук Ю. И. Дюжеву за помощь, оказанную при создании рукописи.

ГЛАВА 1

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Из истории создания литературы на карельском языке

Карельская литература – это литература коренных народов Карелии: русских, финнов, карелов и вепсов. До 1990-х годов в республике складывалась двуязычная (на русском и на финском языках) литература. Представители разных национальностей вносили свой вклад в литературу того периода.

Сходство исторических судеб финно-угорских народов России сказалось в известной общности некоторых явлений литературного процесса в постсоветскую эпоху, и в первую очередь в ускоренном развитии национальных литератур в 1990-е годы. Как писал П. Домокош, «новейший период развития национальных (бывших советских республиканских) литератур возьмет начало и размах с начала или середины 90-х годов»¹⁷. Этот прогноз подтвердился и в отношении литературы на карельском языке.

Термин «карелоязычная литература», т. е. литература на карельском языке, появился в конце XX века. В настоящее время карелоязычная литература в Республике Карелия развивается на трех наречиях карельского языка: ливвиковском, людиковском и собственно карельском.

Поскольку карельский язык относится к финно-угорским языкам, которые входят в уральскую языковую группу, литературу на карельском языке принято рассматривать в контексте уральских литератур. П. Домокош выделяет семь групп литератур уральских народов. Единственным членом пятой группы является карельская литература, которую ученый размещает между финской/эстонской и мордовской/ма-

¹⁷ Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / Пер. с венг. Йошкар-Ола, 1993. С. 6.

рийской/удмуртской/коми литературами. Именно к последней группе, по мнению П. Домокоша, ближе всего карельская литература¹⁸. Большое значение имели литературные традиции, которые представляют собой некий «сплав» собственно народно-поэтической традиции, русской и советской литературы, финской литературы.

Такое «срединное» расположение карельской литературы в известной мере, по мнению П. Домокоша, определяло особенности развития литературного процесса, на который исторические обстоятельства оказали более сильное влияние, чем на мордовскую, марийскую, коми литературы¹⁹. За исторически краткий промежуток времени не раз менялся территориальный статус и название Карелии (в 1920–1923 годах – Карельская Трудовая Коммуна; в 1923–1939 годах и 1956–1991 годах – Карельская АССР; в 1940–1955 годах – Карело-Финская ССР; с 1991 года – Республика Карелия).

Все это не могло не сказаться на относительно замедленном развитии национального самосознания, проблемах идентификации личности, становлении литературы на карельском языке.

В советское время общепринятым было утверждение, что «карельская литература с самого ее зарождения начала развиваться и развивается на двух языках – русском и финском»²⁰. На самом деле любое из карельских наречий, будь то людиковское, ливвиковское, собственно карельское, имело свои письменные памятники, чья история уходила в глубокую древность народа.

К числу первых памятников письменности карельского народа можно отнести найденную при раскопках в Новгороде археологом А. В. Арциховским берестяную грамоту (№ 292), представляющую связный карельский текст и датируемую XII–XIII веками. Написанная кириллицей грамота воспроизводила текст заговора:

Юмалануоли 10 нимижи
Нуоли съ хан оли омо боу
Юмола соудни иохови

Божья стрела (молния), десять имен твоих.
Стрела та она принадлежала богу,
Бог судный направляет.

¹⁸ Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / Пер. с венг. Йошкар-Ола, 1993. С. 44.

¹⁹ Там же. С. 153.

²⁰ Хурмеваара А. О национальной специфике литературы // Карельская литература: Сб. крит. ст. Петрозаводск, 1959. С. 132.

В других берестяных грамотах встречаются карельские географические названия и личные имена (Икагал, Иголай, Лейнууй, Сидуй, Муномел, Игалин), названия населенных пунктов (Лайдикола, Курола).²¹

Первая попытка создать карельскую письменность относится к XVI веку и связана с миссионерской деятельностью православной церкви в Карелии. По сообщению голландского путешественника Симона ван Салингена, посетившего Карелию в 1566–1568 годах, монах из Кандалакши Федор Чудинов «написал историю Карелии и Лапландии» и рискнул использовать для этого карельский язык, на котором еще никто никогда не писал²². Автор этой не дошедшей до наших дней истории Карелии показал голландцу карельский алфавит и свой перевод на карельский язык молитвы «Отче наш»²³.

В начале XVII века в рукописный сборник, написанный русской скорописью XVI–XVIII веков, были включены 11 текстов людиловских заговоров: от острого приступа боли, от порчи, от укуса змеи, для успеха в промыслах, удачи на охоте и т. д.

Целый ряд географических названий и личных имен встречаются в «Переписной окладной книге по Новгороду Вотской пятины 7008 года» (1500 год по новому летоисчислению), а также в «Писцовых книгах Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.» Русско-карельские словарные записи XVII – начала XVIII веков сохранились в одном из списков так называемого «Азбучного (Алфавитного) патерика» библиотеки Соловецкого монастыря и датируются серединой XVII века. В 1786 году в связи с выходом в свет словаря П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий», появляется первый наиболее значительный в то время список карельских слов (273 слова и числительные 1–10, 100 и 1000)²⁴.

²¹ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 74–75.

²² Очерки истории Карелии: В 2-х т. Т. 1. Петрозаводск, 1957. С. 102.

²³ Karjalan Kirja. Porvoo, 1910. Osa 2. S. 129; Обзор первых попыток создания карельской письменности см. в кн.: Алто Э. Л. Финноязычная литература Карелии. СПб., 1997. С. 7–8.

²⁴ Керт Г. М. Очерки по карельскому языку: Исследования и размышления. Петрозаводск, 2000. С. 18–19.

И хотя на основании имеющихся фактов нельзя делать вывод о широком распространении грамотности в Древней Карелии, можно сказать, что на карельском языке издавна писались сообщения родственникам и друзьям, составлялись различные документы (договоры, купчие и т. д.), авторами которых были, как правило, представители духовенства, феодалов и крупного купечества.

Однако же карельский язык, имеющий свою историю, так и не стал единым языком для всех карелов, поскольку в нем в эпоху сложения нации не развились процессы языкового единства, не произошла нивелировка местных диалектных особенностей, становление единых норм для всех носителей языка, не сложился единый письменный и литературный язык на общенародной основе. Три наречия карельского языка продолжали существовать в виде разных типов письменно-литературного языка, обслуживающего узкие и определенные сферы письменного обращения.

На севере Карелии торговый оборот с соседней Финляндией совершался на финском языке, а на юге Карелии завоевание внутреннего рынка происходило на русском языке. Элиас Лённрот впервые услышал руны от коробейников, которые ходили с товаром из Карелии в Финляндию и помимо прочего распространяли в крестьянской среде книги²⁵. Именно коробейники принесли с товарами старинные народные песни в дом С. Топелиуса²⁶.

Карельский язык фактически был исключен из сферы экономической и политической жизни и оставался лишь средством человеческого общения на географически ограниченных территориях, прежде всего в крестьянской среде. Как и всегда это бывает в донациональный период, в Карелии существовали разные типы письменно-литературного языка, базирующиеся на местных диалектах. Усилия отдельных энтузиастов были направлены на то, чтобы путем ошибок и проб помочь становлению единого литературного языка на общенародной основе, но этот процесс затянулся на многие десятилетия.

Несмотря на то, что письменности на карельском языке не было, «карельская тема» существовала и в финской литературе (Ю. Л. Рунеберг в поэме «Охотники на лосей» создал колоритные образы ка-

²⁵ Свинцов Д. Собирайся, народ, коробейник идет! // Петрозаводск, 2005. 31 марта. С. 11.

²⁶ Леонтьев П. Дорогами Вяйнолы. Петрозаводск, 2006. С. 4.

рельских коробейников; к карельским мотивам обращались Ю. Ахо, А. Ярнефельт, Э. Лейно, И. Кианто и др.) и в русской литературе (Г. Р. Державин, Ф. Н. Глинка, В. Г. Бенедиктов и др.).

Литературу на карельском языке в XIX веке в основном представляли переводы духовных книг, словари и образцы карельской речи. Первая книга на собственно карельском наречии – «Переводъ некоторыхъ молитвъ и сокращенного катахизиса на Корельскій языкъ» – была опубликована в Санкт-Петербурге в 1804 году по указу Святейшего Синода.

Первым печатным текстом на людиковском наречии карельского языка является опубликованное в Финляндии в газете «Suometar» в 1847 году и записанное Д. Европеусом в селе Пряжа в 1845 году «Serpoi Ilmorin starina» («Сказание кузнеца Илмаринена»).

«Азбука для кореловъ живущихъ въ Кемскомъ уездъ Архангельской губерніи» вышла в 1894 году вместе с переводом «Евангелия от Матфея» на саамском языке. Автором книг стал пастор К. Щеколдин, который входил в отдел переводов, специально образованный при Архангельской духовной семинарии. Азбука состояла из 3 частей, объемом 29 страниц. Первая часть была карельская. В ней содержался алфавит, упражнения для чтения по слогам. Во второй части – то же содержание было изложено на русском языке. Третья часть содержала 10 заповедей на русском языке, расположенных с параллельным переводом на карельский язык²⁷.

Представление о выпущенных в Архангельске в 1890-е годы карелоязычных изданиях дает статья Э. Лескинена «Karjalan kielen kohdistuneesta tutkimuksesta ja harrastuksesta» (Хельсинки, 1937).

Постепенно из среды карельского народа выделялись инициативные, думающие личности, которые острее других ощущали самобытность народной культуры и делали первые шаги по созданию литературного карельского языка. Одним из первых решил испробовать, «доступно ли карельскому языку хотя какого-либо рода стихосложение»²⁸, «природный карел», уроженец села Сямозеро Мирон Смирнов (родился в 1815 году). В своей книге «Голос Корела» (СПб., 1890) он поместил несколько песен, сложенных им

²⁷ Leskinen E. Kappale karjalankielisen kirjallisuuden historiaa. Helsinki, 1939. S. 3.

²⁸ Голос Корела. Путевые заметки и карельская поэзия Мирона Смирнова. СПб., 1890. С. 311.

на ливвиковском наречии карельского языка, и сопровождал их дословным переводом. Карельский текст передавался русскими буквами. В книге были приведены и шесть собственных лирических стихотворений автора, из которых два давались в карелоязычном (русская графика) варианте и в русском переводе, остальные публиковались на русском языке.

Среди других подвижников, способствовавших формированию письменного карельского языка, Э. Л. Алто в монографии «Финноязычная литература Карелии» (СПб., 1997) называет уроженца села Святозеро, карела по национальности Н. Ф. Лескова (который в 1891–1905 годах в петербургском журнале «Живая старина» опубликовал в собственном переводе образцы народно-поэтического творчества на карельском языке и сделал записи при помощи кириллического алфавита), а также уроженца деревни Суйстамо, карела Ййво Хяркенена, который от имени «Союза беломорских карел», издавал в Финляндии журналы на карельском языке: «Karjalainen rakinoita», 1906–1907 («Беседы о Карелии»), «Karjalan k'vij», 1908–1909 («Путешественник по Карелии») и опубликовал под своей редакцией двухтомную «Karjalan Kirja» («Книга Карелии»), 1910, 1932).

В 1893 году краевед Н. Ф. Лесков опубликовал на карельском и русском языках в журнале «Живая старина» людиковские пословицы и загадки, собранные им в Святозере, Пряже, Вешкелицах и Салменицах. Карельские тексты были написаны на основе русской графики. При этом Н. Ф. Лесков обозначил особыми знаками звуки, для которых не было соответствия в русском языке. Например, средний звук между «а» и «я» изображался как «ä»; средний между «о» и «ё» – «ö»:

Tuha silmääd, сада киведь –
Верко

Тысяча глаз, сто камней –
Съть

Kodiñ tuľovь kochienь,
tañnalä мянбвь тачиттаять. –
heyñ.

Домой приходит на возу,
а на дворь заходит охапками. –
Сьно.

В 1893 году Н. Лесков напечатал стихотворение, записанное от сказительницы из Партаниеми Катерины Туру и созданное по канонам калевальской метрики.

На ливвиковском наречии И. Хярккенен выпустил книгу стихов для детей «Aunuksen brihatsut» («Олонецкие мальчики», 1921)²⁹. На ливвиковском наречии И. Хярккенен опубликовал переводы финских поэтов С. Топелиуса, А. Киви, Э. Лейно, стихотворение русского классика М. Ю. Лермонтова «Горные вершины»; свои переводы стихов и песен он включил в книгу «Laululoi aunukselaizil» («Песни для олончан», 1921) с подзаголовком «Laulettavie da saneldavie heimokanzan laululoi da runoloi anuksen kielel kiändannyh da sobevutelluh Iivo Härkönen».

Свои труды И. Хярккенен издавал в Финляндии и при всей их значимости для развития карельского языка лишь немногие из них (особенно после революции) имели распространение в самой Карелии. Здесь в начале века книгоиздательскую и книготорговую деятельность вело учрежденное в 1907 году Православное карельское братство во имя Великомученика и Победоносца Георгия, которое ради укрепления связи карелов с православной церковью, борьбы за чистоту «православной веры» выдвигало в разряд насущных вопросов издание книг на карельском языке. Братство активизировало попытки создания кириллического алфавита карельского языка. К работе привлекались учителя и священники «из природных карелов».

Образцы карельской речи опубликовал Й. Куёла в журнале «Virittäjä» в 1918 году под заголовком «Aunuksen läänin karjalaisten arvotuksia ja sananlaskuja» («Загадки и пословицы карелов Олонецкого района»).

В 1920-е годы в условиях построения советского общества решение задачи создать официальную карельскую письменность натолкнулось на большие трудности. Несмотря на это время от времени продолжали появляться произведения на карельском языке с использованием латинской графической основы.

В 1922 году в селе Ухта (ныне поселок Калевала Калевальского района Республики Карелия) был образован литературный кружок, который возглавил Арви Пакаринен (псевд. Арви Нумми) и в который входили Н. Яккола, И. Никутьев, Р. Богданов и др. Комсомольский актив села Ухта выпускал рукописный

²⁹ Мишин А. «Дать начало песнопенью...»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 152.

журнал «Nuori gaataja» («Молодой труженик»). Редактором журнала был Н. Яккола. В 1928 году в селе Ухта было организовано литературное объединение, которое в 1930 году выпустило напечатанный на гектографе альманах «Vienan viesti».

В 1930 году издал свою книгу «Voitto on meidän» («Победа за нами») Александр Кириллов (псевдоним Kalle Jussila). Он писал на финском и карельском языках стихи и рассказы, опубликовал в 1935 году отдельным изданием пьесу на колхозную тему «Parahan briguadan brigadiiru» («Бригадир лучшей бригады»).

В объявленном редакцией газеты «Punainen Karjala» («Красная Карелия») литературном конкурсе принял участие уроженец Калевальского района Я. Ругоев, написавший балладу на карельском языке «Летчица Марина» (о карельской девочке-сиротке, которая в советское время стала летчицей). Его земляк А. Тимонен опубликовал в журнале «Rintama» («Фронт», 1932, № 12) на собственно карельском наречии «Riijonakka ta muzikka», а в 1933 году – сборник рассказов «Lentomassiina» («Самолет»). В объявленном в 1934 году журналом «Rintama» конкурсе на лучший рассказ или повесть на карельских наречиях первой премии был удостоен северный карел из Аконлахти Ййво Никутьев (1906–1937) за повесть из колхозной жизни «Marfa» («Марфа»). Уроженец села Ругозеро Ф. Ивачев в сборнике «Jauhinkivet» («Жернова», 1934) поместил рассказы на карельском языке «Jauhinkivi» («Жернов») и «Kaksi kontieta» («Два медведя»).

По творческому плану Союза советских писателей Карельской АССР на 1937 год планировалось выпустить сборники рассказов на карельском языке Александра Кириллова (5 а.л.) и Федора Ивачева (8 а.л.)³⁰. В издательском плане на 1937 год было 222 имени, из которых 148 книг на финском языке, 39 на русском и 35 на карельском языке³¹.

В августе 1937 года на республиканской лингвистической конференции в городе Петрозаводске было признано необходимым создание единого для всех групп карелов литературного языка. Постановлением

³⁰ Карельский государственный архив новейшей истории (далее КГАНИ). Ф. 3. Оп. 4. Д. 365. Л. 14.

³¹ Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004. S. 381.

ЦИК Карельской АССР от 29 декабря 1937 года была создана и приступила к работе Терминологическая комиссия карельского языка. В ее состав входили представители народного образования, научной общественности, Союза писателей республики, издательские работники³².

В 1938–1939 годах в Карельской АССР и в Калининской (ныне Тверской) области была предпринята попытка внедрить единый карельский литературный язык и письменность на основе собственно карельского диалекта и русской графики, разработанной Д. В. Бубрихом в труде «Грамматика карельского языка» (1937).

В предвоенные годы были изданы три сборника устно-поэтического народного творчества на карельском языке: «Карелиян рахвахан суарнат» («Карельские народные сказки»), «Карелиян эпическойт паёт» («Карельские эпические песни») и «Карельскойт ванханайгайзет паёт» («Карельские древние песни»). С 1938 по 1940 год в республике на карельском языке выходил ежемесячный журнал «Карелия», в котором публиковались оригинальные произведения на карельском языке, образцы карельского фольклора, переводы русских поэтов.

В 1939 году в соавторстве с поэтом Ф. Исаковым Н. Гиппиев издал книгу стихов на карельском языке «Хуондес» («Утро»).

В начале 1939 года в Карельском научно-исследовательском институте культуры под руководством карела-ливвика Н. Анисимова были разработаны новые правила литературного языка (за основу был взят ливвиковский диалект).

Знаком общенародного признания вклада народных сказителей Северной Карелии в развитие национальной культуры стал прием в Союз писателей М. А. Ремшу, М. М. Коргуева, М. И. Михеевой и др. В 1941 году в селе Ухта прошел съезд рунопевцев.

Период существования литературы на карельском языке был весьма непродолжительным, а результаты его весьма скромны. Но этот процесс имел и свои объективные положительные стороны. Записи карельского фольклора знакомили читателей с духовным опытом народа, воспитывали вкус к устному поэтическому слову. Усилилось внимание к карельскому языку и культуре. Появились лингвистические, этнографические и исторические исследования,

³² Пунжина А. В. Проблемы развития терминологии карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание. Сб. ст. Петрозаводск, 1991. С. 71.

посвященные прошлому карельского народа. Однако в условиях малого срока функционирования в качестве письменного и литературного языка карельский язык не успел закрепить и развить выработанные языковые нормы.

Так же, как это случилось с созданной в 1930-х годах письменностью ряда народностей СССР (по тем или иным причинам к 1980-м годам письменность была утрачена у половины этих народностей)³³, наступила эпоха забвения и для карельского языка.

После Великой Отечественной войны в Ухте продолжалась деятельность литературного кружка, которым руководил народный учитель Матти Пирхонен. В те годы в него входили: Пааво Антипин, Антон Биргет, Хейкки Лехто, Микко Ремшу, Василий Васара, Дарья Шахтарина, Мэри Туйску и другие. Сам М. Пирхонен писал рассказы, которые были представлены в сборнике рассказов и очерков «*Kuitin kuuluilla vesillä*» (Петрозаводск, 1973).

Тот факт, что в советский период национальная литература Карелии развивалась преимущественно на финском языке, способствовал творческим успехам уроженцев Северной Карелии. Имена Н. Яккола, Я. Ругоева, Н. Лайне, А. Тимонена, О. Степанова стали широко известны в Карелии и России. Авторы монографии «Карелы Карельской АССР» (1983) особую роль в углублении историзма и эстетического своеобразия карельской национальной литературы отводят Н. М. Яккола, который в тетралогии «*Pirttijärven rantamilla*» («Водораздел», 1946–1966) «поднимал целину в художественном изображении жизни своего народа, сомкнул в своем творчестве народно-поэтическую традицию с литературной, ввел в литературу в качестве героя целый народ со своими обычаями, традициями, нравами, своей самобытной духовной культурой»³⁴.

В том же исследовании в числе достижений советской литературы Карелии названы романы «*Kotoisilla poluilla*» («Родными тропами», 1958) и «*Me karjalaiset*» («Мы карелы», 1971) А. Тимонена, тетралогия «*Kotikunnan tarina*» («Родичи», 1969–1981) О. Степанова,

³³ Пошатаева А. В. Юрий Рытхэу, Владимир Санги: Опыт реконструкции эстетики переходных эпох // История национальных литератур: Перечитывая и переосмысливая. Вып. III. М., 1998. С. 122.

³⁴ Карелы Карельской АССР. Петрозаводск, 1983. С. 267–268.

роман «Ruokoranta» («Тростниковый берег», 1974) Я. Ругоева, повести и рассказы П. Пертту, сборник стихотворений Я. Ругоева «Omalla kynnöksella» («На своей пашне», 1972) и Н. Лайне «Lieksan lauluja» («Песни Лиэкссы», 1958) и др.

Хотя все названные выше произведения уроженцев Северной Карелии создавались на финском языке, писатели черпали темы и мотивы в родной национальной среде, в стихии народно-разговорного карельского языка. На это указывают карельские имена героев (Теппана, Ховатта, Хилиппя), географические названия мест (Венехъярви, Мунанкилахти, Аконлахти), сами названия произведений («Сказание о карелах» Я. Ругоева, «Мы карелы» А. Тимонена, «След лодки Вяйнмейнена» П. Пертту). Карельская речь звучит во всех этих произведениях.

Некоторые произведения были написаны полностью на карельском языке. Сборник рассказов П. Пертту «Vesiperän rakinoita» («Лукавинки», 1980) содержит забавные и поучительные истории из жизни карельского народа. П. Пертту написал их под псевдонимом Весиперя. На титуле книги указано, что произведения написаны на финском языке, но в действительности они написаны на собственно карельском наречии карельского языка.

В 1969 году на сцене Финского драматического театра шел спектакль по пьесе А. Тимонена «Otatko miut, Karjalan mua?» («Примешь ли меня, земля карельская?»). Позднее была поставлена пьеса Л. Нярья «Huikua raju, karjalaine» («Спой свою песню, карел»). Обе они вошли в сборник пьес «Teatterin verho» («Занавес»). Пьесы рассказывают об истории карельского народа, о его повседневной жизни.

Литература для решивших творить на карельском языке во второй половине XX века была выразителем национального самосознания. При этом, как было подмечено социологами, не являясь чем-то застывшим, раз и навсегда данным, национальное самосознание находилось в процессе постоянного изменения, испытывая определяющее влияние объективных факторов социально-экономического, политического и культурного характера³⁵.

³⁵ См.: Клементьев Е. И. Социальная структура и национальное самосознание (на материалах Карельской АССР): Автореф. канд. дис. М., 1971; Пименов В. В. Некоторые черты национального самосознания (по материалам Удмуртской АССР) // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972.

Все это не могло не способствовать выходу на писательскую арену авторов, решивших отныне создавать свои произведения на родном карельском языке, среди которых первопроходцами стали Владимир Брендоев (1931–1990) и Пааво Лукин (1922–1988). Оба они, начав с традиционной для младописьменной литературы «деревенской тематики» построения произведений на фольклорной основе, перешли затем к более сложным жанрам: лирическим и юмористическим стихам, рассказам.

Безусловно, что оба автора, чувствуя себя выразителями национального самосознания, находились под воздействием распространенных в их этнической среде взглядов и суждений относительно наиболее типичных для членов их этноса свойств и особенностей, отличавших их от людей других национальностей³⁶.

Литераторов беспокоила происходящая в общеэтническом масштабе языковая ассимиляция у карелов. Поэтому, создавая свои произведения на ливвиковском наречии карельского языка, они стремились в первую очередь, чтобы читатели-карелы осознали всю важность сохранения земляками родного языка. Писатели ставили целью своей работы помочь этнической самоидентификации карельского народа.

От стихов о деревенских буднях В. Брендоев переходил к стихам-раздумьям, разнообразил метрику стихов, рифмы, интонации. Ему удавались переводы стихов А. Кольцова, М. Лермонтова, М. Исаковского и особенно С. Есенина (близких ему по духу, по своей напевности).

В первый поэтический сборник В. Брендоева «Anusrandaine» («Край мой Олонецкий», 1980) вошли более тридцати собственных стихотворений автора, три обработки народных песен и двенадцать переводов. Стихи были опубликованы на латинице и на кириллице (в дальнейшем В. Брендоев пользовался только латинским шрифтом). Прекрасные пейзажи родных мест были овеяны глубоким лирическим чувством:

³⁶ См.: Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания (опыт разработки по материалам Карельской АССР): Автореф. канд. дис. М., 1978. С. 6–7.

Rakkahat rannat, vedrehet vedyöt,
Kivizel ruoppahal kuuzi da pedäi.

Yliči yöhyön valgiazen valvon,
Päiväzen nouzendua pienyössäh
palvan.

Päiväine pystih sugahih pitkih,
Kastiežen kuynalil kibriädy itköy.

Любимые берега, чистые воды,
На каменистом бугре лишь ель
да сосна.

Всю ночь белую не сплю,
Восходы солнца с детства
караулю.

Солнце выпускает щетины лучей,
Плачут слезами росы.

(Перевод Э. Алто)

В стихотворениях «Oh, synnyinrannan valgei koivu...» («О белая береза родного берега...») и «Oi, kuldlehti koivahaine...» («О моя золотиственная береза...») лирический герой всей душой чувствует неразрывную связь с «малой» родиной, с родным Олонецким краем, с нелегкой судьбой народа. По стилю стихи поэта близки карельской лирической песне. Вместе с тем в них ощущается воздействие русских народно-поэтических традиций (например, стихотворный цикл «Častuškot» («Частушки», 1983).

В книгу стихов «Hiilau huoli» («Горячая забота», 1983) вошли лирический цикл «Sinun ikkoinal» («Под твоим окном») и фольклорный цикл «Kansanpajolojn sovituksii» («Обработки народных песен»). Обращаясь к сокровищнице национального искусства своего народа, поэт утверждает мысль о неразрывности нравственности с благополучием Родины («Miehii tunnen kahtu luadu...» («Знаю мужчин двух сортов...»)).

Сборник «Kadajikko» («Можжевательник», 1986) получил название по включенной в него поэме, в которой воспеты сила и стойкость карельского народа. В стихах звучит любовно-восхищенное отношение поэта к своему ливвиковскому роду-племени, к упорству, негибамости, выносливости земляков.

Будучи ярким представителем национальной поэзии, В. Брендоев любил обращаться к своим крестьянским «корням»: вводил в стихи народную лексику, употреблял и переосмысливал народные обороты речи, использовал фольклорную символику. Верность деревенской тематике, песенно-речевому обиходу карельской деревни проявилась в его книге рассказов «Kulmil» («На постое», 1988).

О плодотворном умении В. Брендоева выявлять в своем творчестве художественные достоинства ливвиковского наречия карельского

языка писали Э. Алто, Э. Карху, А. Мишин; об этом же свидетельствовали и посмертно опубликованные поэтические сборники В. Брендоева «Runoja» («Стихи», 1991), «Kodoimual» («На родине», 2006).

И не случайно авторы «Истории Карелии с древнейших времен до наших дней» (2001) в первую очередь поэту Владимиру Брендоеву отдают заслугу «возрождения карелоязычной поэзии»³⁷. Вслед за В. Брендоевым в литературу вошло новое поколение пишущих на карельском языке литераторов.

В силу ряда причин карельский народ, с его ярко выраженным этническим и историческим самосознанием, обладавший структурно и функционально развитым языком, длительное время не имел своей письменности.

Влияние русского и финского языков приводило к тому, что литература на карельском языке существовала то на кириллической графической основе, то на латинской. До сих пор карельский литературный язык находится в стадии формирования; произведения национальных авторов создаются на людиковском, ливвиковском и собственно карельском наречиях карельского языка. Для ученых, изучающих младописьменные литературы Севера, стало очевидным, что «слияние языков – дело не одного года и не одного десятилетия. И процесс этот должен нести естественный характер»³⁸.

Начиная с 1990-го года в Карелии вышло два коллективных сборника: «Omi! pordahil» («У родного крыльца», 1999) и антология карельской поэзии «Karjalan raģin» («Карельская речь», 2003). В коллективный сборник «У родного крыльца» были включены произведения прозы и поэзии на всех трех наречиях карельского языка, и было представлено творчество 25 современных авторов. После выхода этого сборника, А. И. Мишин написал: «...несмотря на все недостатки создаваемых на карельском языке произведений, карелоязычная письменность и литература существуют»³⁹.

В антологии «Карельская речь» были представлены литературные произведения писателей-карелов конца XIX – начала

³⁷ История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001. С. 820.

³⁸ Огрызко В. Звуки языка родного. Магадан, 1990. С. 114.

³⁹ Мишин А. «Дать начало песнопенью...»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 160.

XXI веков. Данная книга является собранием произведений устного народного творчества, поэзии, прозы и драматургии на карельском языке. В нее включены произведения не только писателей, проживающих на территории Республики Карелия, но и авторов из Тверской области и Финляндии.

Перед составителями (А. И. Мишиным и А. Л. Волковым) стояла трудная задача – собрать имеющийся материал, обработать его согласно современным нормам и требованиям карельского языка (часть произведений опубликована на кириллице), а также сделать отбор произведений за период длиною почти в два века. Антология «Карельская речь» дает представление о том, как развивалась литература на карельском языке в разные годы своего существования.

К IX Международному конгрессу финно-угорских писателей, который прошел в 2006 году в городе Петрозаводске, был выпущен альманах «Taival» («Путь»). Это первый альманах на карельском языке, который был выпущен за всю историю создания карелоязычной литературы. В него были включены произведения прозы, поэзии, переводы на карельский язык, произведения для детей, критическая статья. Среди авторов альманаха как известные карелоязычные писатели А. Волков, З. Дубинина, О. Мишина, М. Пахомов, Р. Ремшуева, так и молодые – Н. Антонова, Э. Горшкова, А. Усова и другие. Произведения авторов Тверской области представлены С. Тарасовым, Л. Громовой и Н. Балакиревым. Следующие выпуски альманаха «Taival» вышли в 2009 и 2011 годах.

О преемственности в развитии литературы на карельском языке свидетельствуют многие исторические факты, которые позволяют зафиксировать некоторые рубежи в ее продвижении к сегодняшним достижениям. Первый из них – это датированные XIII веком письма на бересте. В последующие века идет накопление культурного наследия и появляются первые печатные издания на карельском языке. Далее, в 1917–1938 годах формируется литература на латинской графической основе. За этим периодом, в 1938–1940 годы, следует попытка внедрить единый карельский литературный язык на кириллической графической основе. Позднее в 1940–1970-е годы писатели-карелы создают свои литературные произведения на финском языке с использованием диалогической речи на карельском. Наконец, в первой половине 1970-х годов (благодаря усилиям В. Брендовой) появляются первые

публикации на ливвиковском наречии карельского языка. Что же касается последнего десятилетия XX века и начала XXI века, то в это время выдвинулись из читательской среды новые одаренные личности, которые приняли эстафету из рук старшего писательского поколения и сделали многое для развития национальной литературы и в целом культуры карельского народа.

Проблема национального художественного самосознания

Эта книга посвящена современной карелоязычной литературе, т. е. литературе 1990-х годов. «Грань веков» – это всегда переход к чему-то новому. Например, русская литература на рубеже XVIII–XIX веков и XIX–XX веков пережила существенные изменения. В историю литературы позднее эти периоды войдут под названием «золотой» и «серебряный» века русской литературы. От творчества современных карелоязычных писателей будет зависеть, как впоследствии назовут этот период в истории литературы Карелии. От их достижений и художественных открытий зависит будущее карелоязычной литературы. Конечно, карелоязычная литература еще не достигла таких высот в развитии как русская, но все равно даже на этом этапе она заслуживает исследования.

Развитие литературы на карельском языке тесно связано с проблемой национального художественного самосознания. Проблема включает в себя несколько аспектов, о которых и пойдет речь в этой главе.

Изучая литературу прошлого, исследователь опирается на уже имеющиеся оценки творчества автора, так как они проверены временем и устоялись. Общеизвестны имена тех, кто входит в ряд классиков. С современной литературой совсем по-другому. Объективные оценки творчества сформировались лишь в отношении давно работающих писателей старшего поколения. Но как раз таких писателей среди карелоязычных авторов уже нет в живых. Прервалась связь поколений писателей. Зато мы, современники, способны воспринимать литературу конца XX века непосредственно в момент ее создания.

В последнее десятилетие XX века в дискуссиях вокруг «национального» вопроса у нас в Карелии на первый план вышли проблемы возрождения языка и культуры, национального самосознания карельского

народа, что означает «осознание себя в качестве и роли полноправного, самостоятельного субъекта исторического развития»⁴⁰.

Одним из составляющих элементов культуры является литература. С возрождением письменности на карельском языке, появилась и литература. Само появление литературных произведений было результатом проявления национального самосознания: «Я карел, могу говорить и писать по-карельски».

Поскольку карелы двуязычны, то для них типично некое двойное самосознание: они думают по-карельски и по-русски. По мнению писателя Кьела Весте, «двуязычность, явление положительное, так как оно ведет к полиидентитету, мозаичности»⁴¹.

С публикацией произведений на карельском языке возникли проблемы с популяризацией данной литературы. Основное население Республики Карелия говорит по-русски. Владеющие карельским языком, чаще всего проживают в сельской местности. Но здесь обнаружилась другая проблема. Карельское население старшего поколения, владеющее языком, не умеет читать на латинице. А современная литература развивается именно на этой графической основе. Вследствие этого большинство произведений и авторов остаются неизвестными для массового читателя.

Выбор между латиницей и кириллицей оказался очень важным вопросом для карелов. Этот аспект явился также выразителем национального самосознания. Некоторые южные карелы (ливвики и людики) отдают предпочтение кириллице. В своих аргументах они говорят, что карельская письменность на латинице для них воспринимается как чужой (финский) язык. Ливвики считают своим родным языком карельский язык. И русский, и финский для них всегда были чужими, но русский язык на кириллице, поэтому ближе кириллическая основа. Людики активно используют в качестве письменного языка и латиницу, и кириллицу.

Совсем другая ситуация у северных карелов. Они воспринимают карельский язык на латинице без особых проблем. Русский язык для них «язык-друг». Роль финского языка в развитии карельской лите-

⁴⁰ Султанов К. Национальное самосознание и ценные ориентации литературы. М., 2001. С. 20.

⁴¹ Этот безумный разумный мир: (литература современной Финляндии). СПб., 2000. С. 18.

ратуры обуславливалась помимо прочего тем, что в течение длительного времени он воспринимался северными карелами как культивированная, обработанная форма языка, соотнесенная с их родной речью. Достаточно четко это проявляется в деревнях, где карелы обучались на финском языке.

Термин «национальное самосознание» появился в социологической литературе в начале 1920 годов. По мнению Л. Тойдыбековой, понятие «национальное самосознание» одними исследователями трактуется как акт национальной самоидентификации, другими – как отражение содержания самосознания нации⁴².

Одним из аспектов национального художественного самосознания является создание единого литературного языка. На данном этапе литература в Республике Карелия существует на трех наречиях карельского языка: собственно карельском, людиковском и ливвиковском. Литература на карельском языке развивается и в Тверской области. Таким образом, пишущие на карельском языке поэты и прозаики сегодня имеют возможность создавать свои произведения на том наречии, которым они владеют. Тем самым появляется возможность не только сохранять язык, но и развивать литературу на нем.

Однако это затрудняет формирование единой литературной традиции на карельском языке. Только в 2007 году был создан единый алфавит для северных и южных карелов в Республике Карелия. Это первый шаг к возникновению единого карельского литературного языка на отдельно взятой территории. Л. Маркианова в своем докладе на V Всемирном конгрессе финно-угорских народов, который проходил в городе Ханты-Мансийске в июне 2008 года, высказала сожаление о том, что до сих пор не создано единого карельского языка⁴³.

Проблема формирования единого литературного языка тесно связана с национальным художественным самосознанием. По мнению писателя А. Волкова, «никогда людики не начнут писать по собственно-карельски, а собственные карелы – по-ливвиковски»⁴⁴.

⁴² Тойдыбекова Л. Марийская языческая вера и этническое самосознание. Joensuu, 1997. S. 40.

⁴³ Markianova L. Karjalan kielen kehitysnäkymät // Carelia. 2008. N:o 8. S. 141.

⁴⁴ Volkov A. L. Tämänpäiväine karjalankieline kauniskirjutus // Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Респуб. науч.-практ. конф. 26–27 июня 2007 г. Петрозаводск, 2007. С. 26.

Те особенности литературы, которые связаны с проблемами, встающими сегодня перед карельским народом, нам ясно видны и понятны. В этом и содержится ответ на вопрос о формировании единого литературного карельского языка.

Здесь хочется привести слова чешского ученого Й. Юнгмана. В своих сочинениях он проводил мысль о необходимости соблюдения, как закона, единого письменного языка: «Единство литературы, единство языка, единство нации того требует, чтобы письменный язык соблюдался бы, как закон, иначе каждая провинция, каждый край, каждый город, каждая деревня, каждая семья имели бы свой кое в чем отличающийся язык... Для того, чтобы письменный язык мог укрепляться, существовать, расцветать, приносить плоды, каждая частица нации, каждый человек в отдельности кое в чем должны отказаться от своего местного языка и пользоваться общим языком. Человек должен относиться к общему языку, т. е. к письменному, как к закону, даже, если он не вполне совпадает с его собственным языком»⁴⁵.

По мнению А. Р. Джендубаева, «язык является одним из нациообразующих элементов, однако не входит в структуру национального самосознания. В силу сложившихся обстоятельств человек может не знать языка своей нации, но национальное самосознание может сохранить»⁴⁶.

При этом следует учитывать, что понятие национального сознания не сводится только к языку, а должно рассматриваться комплексно. По всему миру распространен английский язык, но это не значит, что человек, свободно владеющий им, чувствует и ощущает себя англичанином. Например, англоязычный писатель У. Сароян остается выразителем самосознания армянского народа. Что же касается писавших на финском языке Н. Лайне, П. Пертту, Я. Ругоева и других – то они остались в нашей памяти выразителями национального самосознания карелов.

Однако если учесть, что язык является составной частью национального самосознания, то проблема все-таки существует. Этнограф В. Бондарчик, размышляя о состоянии белорусского языка,

⁴⁵ Jungmann J. Zápisky. Praha, 1973. S. 78.

⁴⁶ Джендубаев А. Р. Религиозное и историческое в национальном самосознании: Дис. ... канд.ф.н. М., 1991.

отмечал, что «с потерей языка нация не погибает», «потеря языка – это один из этапов потери национального самосознания»⁴⁷.

О силе национального самосознания карелов говорит и тот факт, что даже среди самих карелов идет конкретная самоидентификация. В настоящее время, наряду с общим этнонимом «карелы», например, ливвики называют себя «ливвиками», т. е. свою этническую принадлежность тесно связывают с наречием, на котором говорят.

Ливвики отличают людиков от собственно карелов и наоборот. Эта особенность объясняется и языковыми различиями. Северные карелы скажут: «Говорю по-карельски, в то время как ливвики и людики: „Говорю по-ливвиковски (по-людиковски)“». Такое самосознание, видимо, тоже мешает объединению наречий. В этом его сила и слабость одновременно. Карелы не осознают себя единым целым.

В 2008 году в Пряжинском районе проводилось социологическое исследование среди людиков. Им задавался вопрос: «Вы людик или карел?». Более 20 % информантов назвали себя людиками, более 60 % – карелами, а 10 % вообще не могли ответить на вопрос. В представлении информантов людик значит русский⁴⁸.

Понятно, что литература на карельском языке будет отвечать требованиям национальной литературы, когда будет выполнено одно из главных условий – создан карельский литературный язык. Но здесь хотелось бы привести слова М. Бахтина, который подчеркивал, что «творческое сознание автора-художника никогда не совпадает с языковым сознанием»⁴⁹.

Литература на карельском языке слабо пополняется молодыми творческими дарованиями. У молодежи другие ориентиры. Карельский язык у них, в большинстве своем, выученный. Если современные писатели-карелы (представители старшего поколения) реализуют себя в творчестве, то для молодых представителей эта область не кажется привлекательной. Всеобщая урбанизация привела к тому, что у нового поколения нет той тяги к родовым

⁴⁷ Бондарчик В. К. Должна жить концепция единства восточных славян // Вопросы истории. 1989. № 5. С. 11.

⁴⁸ Kovaljova S. Karjalan kielen tulevaisuus karjalaisten näkökulmista: Esitys «Valittu karjalaisuus»-seminaarissa. Joensuu, 11.12.2008.

⁴⁹ Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979. С. 168.

корням, нет желания вернуться в деревню, они не испытывают ностальгии по ней. Нет всего того, что вдохновляет на творчество представителей старшего поколения.

С позиций современной карелоязычной литературы классиками стали писавшие на финском языке Н. Яккола, А. Тимонен, Я. Ругоев, О. Степанов, П. Пертту. На современном же этапе сложно сказать, кто из ныне пишущих на карельском языке станет классиком карелоязычной литературы. Перед нами живой литературный процесс. Это позволяет отметить основные тенденции в развитии карелоязычной литературы на рубеже веков, используя для их конкретного освещения определенные писательские имена и произведения.

Проблема национального художественного самосознания тесно связана с вопросом сохранения и передачи литературного наследия. Только писатель-карел может, с полной ответственностью исследовав народную жизнь и национальный характер, передать его в художественной форме, тем самым, способствуя духовному возрождению своего народа. К сожалению, возникают трудности с передачей эстафеты от старшего писательского поколения – к молодежи, пишущей на карельском языке.

Проанализировав произведения современных авторов, можно сделать вывод о том, что карелы еще не определились в своем пути. Это видно на примере творчества А. Волкова, М. Пахомова. В их произведениях часто встречаются вопросы о судьбе карельского народа, его пути в истории. Ответов на эти вопросы пока нет.

В современной карелоязычной литературе нет таких тем и сюжетов, которые отражали бы крупные социально-политические явления, произошедшие в это время в России. Нет произведений, касающихся распада СССР, войны в Чечне и т. п. В то время как в русской литературе и, например, в литературах Поволжья они есть.

Современное общество требует от авторов активной жизненной позиции, умения быстро реагировать на изменяющиеся условия жизни. Но национальное художественное самосознание – это хрупкая структура, которая не может быстро перестраиваться. На это требуется время.

Общность экономических связей, территории, языка, а также национальные особенности культуры и психологии порождают

сознание национальной общности – полноценное самосознание. Национальное самосознание, возникнув, становится важным условием существования и развития нации, которая объединяется уже не только объективными связями, но и связями, основанными на самосознании в широком смысле, включением в себя сознания этнической общности, приверженности к национальному языку, территории, культуре, определенное отношение к другой нации, чувство национальной гордости⁵⁰.

В писательском кругу поэты обычно отличаются особой душевной хрупкостью и ранимостью, их творчество в наибольшей степени зависит от жизненных обстоятельств, в которые автор поставлен судьбой. В произведениях современной карелоязычной литературы проступают беды и боли, дела и заботы народа и, как итог, человеческой личности.

Современные карелоязычные авторы обращаются к фольклорным традициям, принципам, техническим приемам, к праисторическим, вошедшим в плоть и кровь карельского народа воззрениям на природу, сущность человеческого бытия. И соответственно – к народно-мифологической образности и символике, а также и к религиозным образам и символам в тех случаях, когда этого требуют интуитивное мировосприятие художника и проблематика его произведений.

⁵⁰ Философский энциклопедический словарь / Ред. кол. С. С. Аверинцев, Э. А. Араб-Оглы, Л. Ф. Ильичев и др. М., 1989. С. 405.

ГЛАВА 2

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЛИВВИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Эстетика жизненной правды в произведениях писателей-ливвиков конца XX – начала XXI веков

Подмеченные Ю. Я. Барабашом «признаки переходной ситуации с переплетением старого и нового, умирающего и нарождающегося – подлинного и мнимого, плодотворного и пустоцветного...»⁵¹ характерны и для ситуации, сложившейся в литературе на карельском языке. На волне национально-культурного возрождения в литературу вошли люди, обладавшие разным жизненным и творческим опытом, по-иному относившиеся к опыту советской и западной культуры. Но при всей пестроте мировоззренческих концепций, писавшие на карельском языке прозаики и поэты были верны эстетике жизненной правды. Они понимали, что основной массив их читателей живет в карельских селах и деревнях, и стремились в простой, естественной форме выявить народное, общечеловеческое содержание, близкое «человеку на земле».

Наибольшие успехи в этот период пришлось на долю литературы, развивавшейся на ливвиковском наречии карельского языка⁵². На то были свои причины, и в том числе – достаточно широкое распространение ливвиковского наречия в близких к Петрозаводску Олонецком и Пряжинском районах.

Прежде чем перейти к жанрово-образной специфичности литературы на ливвиковском наречии карельского языка, следует хотя

⁵¹ Барабаш Ю. Я. К проблеме «концы–переходы–начала»: В связи с одной сквородинской реминисценцией у И. Котляревского // История национальных литератур: Перечитывая и переосмысливая. Вып. III. М., 1998. С. 13.

⁵² Роль карельского языка сегодня: Мнения накануне V съезда карелов Республики Карелия // Карелия. 2005. 7 июля. С. 17.

бы вкратце представить ее общее направление, познакомить с произведениями и судьбами разных прозаиков и поэтов, раскрыть картину развития литературы в постсоветскую эпоху.

Карельские писатели единодушно признавали, что заронил искру любви к своему языку в их сердцах именно Владимир Брендоев⁵³. Не случайно, что В. Брендоеву посвящены стихотворения пишущих на ливвиковском наречии авторов «Nouzemu» («Восход») П. Семенова, «Otatgo kadrilih?» («Пригласишь меня на кадрили?») В. Киуру, «Vladimir Brendojevan mustokse» («Памяти Владимира Брендоева») А. Волкова, И. Савина.

Естественно, что начавшая формироваться на латинице письменность карелов-ливвиков не могла обойти литературу христианского просвещения, переводы церковно-религиозных книг. Известно, что просветительство всегда является «строительной площадкой» перехода к литературе нового типа, исторически необходимой ступенью эволюции национального художественного сознания – от фольклора к собственно литературным формам⁵⁴.

На ливвиковском наречии с помощью Института перевода Библии (Финляндия) были изданы «Jiesuksen elaigu» («Жизнь Иисуса», 1991), «Jevangelii Markan mugah» («Евангелие от Марка», 1993), «Jevangelii Matfein mugah» («Евангелие от Матфея», 1997), «Apostoloin ruavot» («Деяния святых Апостолов», 1999), «Jevangelii Lukan mugah» («Евангелие от Луки», 2000), «Uuzi Sana» («Новый Завет») и «Lühüt tieduoandai kniigaine Uvven Sanan lugijoile» («Приложение к Новому Завету», 2003). В 2002 году к 775-летию крещения карелов по Лаврентьевской летописи в Петрозаводске был опубликован «Malittusana» («Молитвослов»). В разные годы переводчиками Библии выступали Л. Ф. Маркианова, З. Т. Дубинина, В. Д. Рягоев, Т. В. Щербакова. Был осуществлен перевод на ливвиковское наречие фильма «Иисус».

Всплеск карельского национального самосознания, надежды, порожденные событиями 1980–1990 годов, привлекли писателей-ливвиков к активному участию в журналистской и педагогической

⁵³ Карель: пути возрождения: («Круглый стол» журнала «Север» в Петрозаводске) // Север. 1991. № 12. С. 122.

⁵⁴ Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М., 2001. С. 96.

деятельности. После того, как 8 июня 1990 года в Петрозаводске вышел первый номер газеты «Ома Муа» («Родная Земля»), на ее страницах стали печататься материалы на ливвиковском наречии карельского языка.

Большое значение для создания единой литературной нормы языка имели переводы русской классики. В 1998 году А. Волков опубликовал книгу «Ven'an runot» («Русские стихи»), в которой были представлены его переводы на ливвиковское наречие произведений Г. Державина, А. Пушкина, М. Лермонтова. В новую книгу переводов А. Волкова «Vellen süväin» («Сердце брата», 2001) вошли произведения 68 авторов. Помимо поэтических переводов А. Волков на страницах газеты «Ома Муа» опубликовал перевод повести А. Пушкина «Туһу» («Метель»). Богатство родного языка представлено в переводах П. Семенова (рассказы М. Зощенко в книге «Идаizen vuottajes») («В ожидании ужина», 2001); повести А. Пушкина «Kapitanan tütär» («Капитанская дочка», 2005).

Конечно, все эти произведения были известны карелам в первую очередь на русском языке. Но переводчики стремились показать читателям, что мировые художественные сокровища могут звучать и на карельском языке. Благодаря переводам, они оттачивали свой поэтический язык.

Такое использование художественных достижений других народов способствовало зарождению и становлению литературы на ливвиковском наречии, развитию и совершенствованию практики художественного перевода, обогащало национальную культурную жизнь.

Характерное для 1990-х годов широкое вовлечение национальных языков в общественно-политическую и культурную жизнь способствовало осознанию писателями-ливвиками возрожденческих функций национальной литературы. В феврале 1998 года при Союзе писателей Карелии было создано литературное объединение «Karjalaine Sana» («Карельское Слово»), в которое вошли Александр Волков, Зинаида Дубинина, Ольга Мишина, Николай Назаров, Иван Савин, Петр Семенов и другие. Целью объединения было «развитие и совершенствование карелоязычной литературы на всех основных диалектах карельского языка и объединение

усилий для создания в будущем единого литературного языка»⁵⁵. На заседаниях объединения обсуждаются новые рукописи произведений, созданных на карельском языке.

Как это и свойственно младописьменной литературе, именно в жанре поэзии работало большинство карельских авторов. Что же касается прозаиков, то они шли в литературу от заметок в газетах, очерков, коротких рассказов. Для тех и других материалом для вдохновения служила, как правило, сельская среда. Любовь и уважение к деревне, как к колыбели национальной самобытности, пронизывали и прозу, и поэзию. Объектом художественного внимания писателей-ливвиков была жизнь простых людей, история народа.

Поскольку, по словам Б. В. Томашевского, «поэзия ... гораздо национальнее прозы»⁵⁶, вся поэзия на ливвиковском наречии развивалась в конце XX века под знаком сплочения, консолидации карельского этноса, защиты социальных, экономических, национально-культурных интересов народа. Два направления – гражданское и лирическое – взаимодействовали в процессе формирования поэтического творчества на пути к слиянию личного и общественного начала.

Идея сохранения уникального исторического и духовного наследия, самобытных языковых традиций карельского народа вдохновляла поэтов на создание многих стихотворений, посвященных красоте и богатству родного языка («Kirjukieli» («Письменный язык») Клавдии Алексеевой, «Livvin kieli» («Язык ливвиков») Прасковьи Федоровой, «Livvin kieli – rahvahan mieli...» («Язык ливвиков – мысль народа...») Ирины Кудельниковой). Об этом же писал А. Волков в стихотворении «Meijän kieli» («Наш язык»):

Kieli rahvahal paginan andau,	Наш язык не наречье, не говор,
Ilmai keilettäh kuolou miän mieli,	Наши мысли без речи мертвы.
Oma kieli miän nimilöi kandau.	Жизнь сама невозможна без слова,
Vezi, leiby da suolu – miän kieli...	Как без воздуха, хлеба, воды...

(Перевод А. Волков)

⁵⁵ На пути к переписи. М., 2003. С. 180.

⁵⁶ Томашевский Б. Стих и язык. М.; Л., 1959. С. 28.

В стихотворении «Kaivoine» («Колодец») З. Дубининой автор обращается к проблеме карельского языка. Это стихотворение было опубликовано в 1989 году в журнале «Punalipru» («Красное знамя», № 9, С. 149) и стало первой публикацией автора. З. Дубинина призывает оставлять язык чистым, так же как и колодец. О проблеме преподавания карельского языка в школах З. Дубинина пишет в стихотворении «Karjalazen muaman lapsi...» («Ребенок карелки...»):

Karjalazen muaman lapsi	Ребенок карелки
Ven'alazeh školah astuu,	В русскую школу шагает,
Ven'an sanoil meile vastuu...	Русскими словами нам отвечает...
Opastammo školas kaikkeh,	Мы учим в школе всему,
Emmo omah kieleh vaiku.	Только не родному языку ⁵⁷ .

Одним из активных современных писателей-ливвиков является Александр Лукич Волков. Он родился в деревне Эссойла Пряжинского района Карельской АССР в 1928 году. На русском языке опубликовал книгу стихов «Маленькая Дессойла» (1993), а вскоре стал писать на родном ливвиковском наречии. Свое мастерство он оттачивал на переводах русских поэтов – Сергея Есенина, Александра Яшина, Николая Рубцова, Евгения Евтушенко, Андрея Вознесенского. В 1997 году вышла книга стихов А. Волкова на ливвиковском наречии карельского языка «Pieni Dessoilu» («Маленькая Дессойла»), а на следующий год книга стихов и переводов «Ven'an runot» («Русские стихи», 1998). О расширении горизонта художественного мира поэта свидетельствовали книги: «Вечный огонь=Iguine tuli» (2000), «Vellen süväin» («Сердце брата», 2001), «Поздняя осень» (2003); «Järvet Karjalan» («Карелии озера», 2003); «Слово о ливах» (2004, 2008), «Тихое небо» (2008), «Venches» («В лодке», 2008).

А. Волков насыщал лирику чувством личной причастности к судьбе карельского народа, и стихотворение А. Волкова «Iguine tuli» («Вечный огонь») – это раздумья о судьбах Карелии: «Kusbopäi tulit, Karjalu?» («Откуда пришла ты, Карелия?»), «Kui sinä elät, Karjalu?» («Как ты живешь, Карелия?»), «Kunnebo lähtet, Karjalu?» («Куда ты идешь, Карелия?»). На поставленные

⁵⁷ Здесь и далее без дополнительного указания подстрочный перевод Н. В. Чикиной.

в триптихе вопросы, мы находим ответы в другом стихотворении А. Волкова «Runon juuret» («Корни песен»):

Leibiä malitunkel syön	Выйду к церкви, поклонюсь,
Runolaudah nuaglua lyön.	За Отчизну помолюсь.
– Kuspäi mostu nuaglua tuonnet?	– Где к молитве той дороги?
– Omas muas da kieles suan net.	– В языке родном, в народе.

(Перевод А. Волков)

Для А. Волкова характерны емкая строфа, стремление к народному афористичному языку. Повышенная эмоциональность, агитационный пафос некоторых его стихов вызваны страстным желанием отстоять право карельского народа на сохранение родного языка и национальной самобытности.

Паузная форма трехстопного дактиля в двустопных стихотворении «Karjalä-muamo» («Мать Карелия») А. Волкова заставляет по-новому звучать привычную метрику.

Основная тема произведений А. Волкова – природа родного края с привычным для лирики поэта образом озера. В стихотворении «Karjalan järvet» («Озера Карелии») поэт сравнивает человеческую жизнь с озерами.

Karjalan järvet –	В наших озерах –
Vedoidu tävvet,	Галечный шорох,
Mamizen silmät,	Мамина песня,
Siniset ilmat,	Ширь поднебесья,
Armahat huulet,	Милые очи,
Suvizet tuulet,	Белые ночи,
Loittoine purjeh,	Темные бури,
Aldoloin burheh,	Парус в лазури,
Keviälöin siähüöt,	Грозы да росы,
Talviloin jiähüöt...	Снег да торосы...

(Перевод А. Растргуев)

Вновь к образу озера А. Волков обратился в стихотворении «Järvi» («Озеро»), где в размышлениях о нравственном потенциале человека он ставит в пример карельское озеро, которое сохраняет свою чистоту и красоту, радуя человека своей незамутненной первозданностью.

Таким, по мнению поэта, и должен быть современник – чистым в помыслах, в служении вечным идеалам и чаяниям народа.

Любимому озеру Сямозеру посвящено стихотворение «Siämärvi». Стихотворению свойственна простая, естественная интонация, лаконизм и почти плакатная четкость оценок. Стихотворение начинается с описания радостной сопричастности автора родной земле:

Kalastajua sydäin käsköy	Рыбачью душу далью манят
Inžuniemeh, Ruvan vongah	Инж-наволок, Судак-губа
Azan'okas vihmu kastau	И Аза – мыс в седом тумане
Järvi vetty luvvol longau...	И Дессойла, моя судьба...

(Перевод А. Волков)

Подчеркивая обновление деревни, А. Волков основное внимание уделяет природе, чтобы читатель попал под обаяние ее безмятежного мира:

...Kajai huondesor'al čiihuou.	...Здесь чайки на заре канючат,
Kivirannas aldo räškiäy.	Волны извечный шум в ушах,
Tuynel ruogo hil'l'ah hiivou,	Моторов рев и визг уключин,
Hännäl haugi vetty pl'äškiäy...	Шершавый шорох камыша...

Лирическая тема любви к «малой родине» отчетливо связывается с исполненной патриотических чувств темой незыблемой преемственности поколений:

...Voitgo Ruočin suareh soudua?	...Но Вы найдите остров «Руочин» ⁵⁸ ,
Mustan, saneli miän didi:	Я помню, сказывал мне дед,
«Täs, täs ruočči surman löydi,	Что там, на прибережной круче
Perdi ruoččii joga kivi...»	Был поколочен наглый швед...

В XII–XVII веках русское и карельское население Карелии активно боролось с внешними врагами. Одними из них являлись шведские захватчики. Предания об этом сохранились как в русском, так и в карельском фольклоре, но больше преобладают среди карельского населения. Данное обстоятельство объясняется особенностями исторических условий, сложившихся на территории

⁵⁸ «Руочин» – шведский остров на о. Сямозере.

нынешней Карелии, в силу которых тяжесть набегов со стороны шведов испытывали на себе прежде всего карелы⁵⁹. Цитируемый выше отрывок свидетельствует о расправе над шведами. Карелы деревни Сямозеро до сих пор хранят устные предания об острове Руочин, на котором было сражение со шведами⁶⁰.

Еще одно, посвященное озеру Сямозеру стихотворение «Minun Siämärvi» («Мое Сямозеро»), было опубликовано в сборнике «Järvet Karjalan»:

Siämärvi. Suaret da kallivoniemet,	Сямозеро. Острова и скалистые мысы,
Rannikol – rosat da küläizet pienet.	На побережье – деревушки маленькие.
Kümmeenii, sadoi tiä igäizii nimii	Десятки, сотни лет здесь названия
Muamaizen maijonke süväimeh	С молоком матери в сердце
imiin...	впитаны...

А. Волков подчеркивает, какую существенную роль в его духовном развитии сыграла карельская деревня, где с детства запали в его душу народные песни и живой разговорный язык, где он впитал фольклорную образность, любовь к миру природы.

Для А. Волкова образ нашего современника – это человек-патриот. Главным героем его поэзии является человек, радующийся встрече с другом и размышляющий о своем назначении, любящий свое маленькое село и понимающий, что на нем лежит ответственность за судьбу карельского народа.

О родной деревне Падройле пишет О. Мишина в одноименном стихотворении. Автор пишет о том, как хорошо жилось в деревне, но потом пришла война, мужчин и мальчиков поубивало. Когда настал мир, никого не осталось в деревне. И деревни не осталось, одно название только. Память автора хранит воспоминания об озере и лесе, и сердце летит домой.

Среди других поэтов-ливвиков привлекает искренностью чувств, простотой естественно льющегося стиха творчество Зинаиды

⁵⁹ Криничная Н. О взаимодействии русской и карельской традиции в преданиях о борьбе с внешними врагами: (из опыта структурно-типологического изучения фольклорных связей) // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М.: Наука, 1979. С. 84.

⁶⁰ Лебедев М. Деревня Сямозеро // Родные сердцу имена: сб. материалов респуб. конкурса по карел. топонимии. Петрозаводск, 2006. С. 155.

Тимофеевны Дубининой (1934). Доминантой ее поэзии является природа, которая для автора – источник неисчерпаемой красоты и вдохновения. Солнце, ветер, лес – это поэтические составляющие художественного мира З. Дубининой. Стихи ее отличаются напевностью, точным описанием природной стихии, как в стихотворении «Kõnzu tuulou» («Когда дует ветер»). Не случайно многие из стихотворений поэтессы положены на музыку. Романтическому строю поэзии З. Дубининой соответствует индивидуальность лирического героя, склонного к замкнутости, уединению («Järvirannale üksin tulen...») («На берег озера одна приду...»); «Istut üksin ikkunpieles...» («Ты сидишь один у окна...»); «Üksinäine küünäl silmäs...» («Одинокая слеза на глазах...»).

Раздумья о родном селе, о жизни односельчан, о своих старших товарищах по перу и своей собственной жизни соседствуют с частым обращением автора к миру природы. Автор оставляет своего героя один на один с озером или лесом, летней ночью или ветром. И в этом обращении с природой, в уединении острее и ярче раскрываются духовные искры жизни лирического героя. Весьма показательным в этом плане стихотворение «Ikkunah kaõn...» («В окно смотрю...»). Закат солнца, отсутствие в доме детей, – это и жажда человеческого тепла, и вера в людское участие. И лирический герой стихотворения верит в то, что он не одинок в бескрайних просторах природы.

Обращение к образу солнца в творчестве З. Дубининой не случайно. Солнце становится как бы одним из действующих лиц. Закат солнца – это и закат в жизни героя; одиноко садится солнце и герой одинок; и наоборот, солнце весело светит, наблюдая за праздничным народом.

Деревенская тематика близка и поэту Васе Вейкки (псевд.; наст. имя Василий Савельевич Иванов). Он родился в 1958 году в деревне Онькулица Олонецкого района Карельской АССР. Учился на факультете журналистики в Ленинградском госуниверситете. Работал в газете «Олонецкая правда» и собкором газеты «Комсомолец». Печатался в журналах «Север», «Carelia» («Карелия»), «Kačjalan heimo» («Карельское племя» (Финляндия)), в газетах и коллективных сборниках. В 2003 году В. Вейкки выпустил книгу избранных стихов «Eloksen dorogat» («Дороги жизни»).

Первые профессиональные советы В. Вейкки получил от В. Брендоева, и верность заветам своего учителя наглядно проявилась в цикле «Armas kodii, armas randu» («Дорогой дом, дорогой берег») из его первой поэтической книги.

Живя интересами времени, В. Вейкки не уходил от вечных тем: семейных отношений, любви («Kezähuondes» («Летнее утро»), «Pieni tüttö» («Маленькая девочка»), «Muçoi» («Жена»).

Стремясь занять активную позицию в мире, который весь был пронизан противоречиями «смутного времени», В. Вейкки с полемической остротой в стихотворении «Linnan elos» («Городская жизнь») поднимал проблему пьянства:

Puoli linnua viinua müü,	Половина города вино продает,
Toine puoli viinua juou,	Другая половина вино пьет,
Üksi puoli kuldua suittau,	Одна половина золото копит,
Toine puoli kalmah puuttuu...	Другая половина в могилу ложится...

Показательно, что в этом стихотворении выражено стремление В. Вейкки писать правду о своем народе, пусть и не всегда приглядную.

Типичное для крестьянской поэзии отношение к городу как к источнику зла пронизывает стихотворение Н. Назарова «Sizären itkuvirzi» («Плач сестры»), которое было написано на смерть брата Семена. Полагая, что его брат умер в городе «от тяжелой работы, водки и душевной тоски», хотя был хорошим плотником и мог бы счастливо жить в деревне, поэт заканчивает каждое четверостишие вопросом: «Mikse lähti veikoi linnah?» («Зачем отправился брат в город?»).

Если духовная ценность города в стихах В. Вейкки и Н. Назарова ставилась под сомнение, то деревенский мир карельских поэтов был олицетворением добра, любви, сочувствия. Естественно, что поэты использовали различные компоненты народно-поэтической традиции, что особенно ощутимо в стихотворениях К. Алексеевой «Tuskurajo» («Печальная песня»), З. Дубининой «Kalevala» («Калевала»), Н. Антоновой «Tsokki» («Чокки»).

«Печальная песня» К. Алексеевой написана в форме плача с использованием троекратного повтора, что характерно для фольклора. В стихотворении З. Дубининой «Калевала» речь идет о земле

Калевалы, которая, как известно, является страной традиционного карельского фольклора. «Чокки» Н. Антоновой – это шуточное стихотворение, написанное хореистическим шестисложником.

Основоположник коми литературы И. А. Куратов подчеркивал важность соответствия синтаксического строя стихотворной фразы правилам родной речи⁶¹. Как известно, карельский язык, как и родственный ему финский, имеет постоянное силовое ударение на первом слоге и для него предпочтительнее хорей и дактили. Однако такие поэты, как А. Волков и В. Вейкки, нередко пользуются ямбами и амфибрахиями. В этих случаях им приходится прибегать к односложным словам, не попадающим под ударение в начале стихотворных строк. Например, «Ken sanou?» («Кто сказал?») у В. Вейкки, «Meijän kiändörunot» («Наши переводы стихов») А. Волкова.

По мнению литературоведа А. Мишина, обращение карелоязычных авторов к традиционным стихотворным размерам – естественный этап в развитии младописьменной литературы. Не случайно так называемая калевальская метрика и калевальские параллелизмы (одна строка повторяет другую другими словами с тем же синтаксисом) встречаются в карелоязычных стихах довольно часто⁶². Это «Matkas» («В дороге») Зинаиды Дубининой, «Mutti» («Пес Мутти») Ирины Кудельниковой, «Lehtien lennändü» («Полет листьев») Ольги Мишиной и другие.

Разнообразие метрики двустушией наблюдается у поэтов-ливвиков в стихотворениях на различную тематику. Например, четырехстопным дактилем написаны стихотворения: «Miihin kaivo» («Колодец Михи») Пекки Вахроева и «Vahnus» («Старость») Александра Савельева.

Трехстопный хорей стихотворения Веры Сидоровой «Lähten Suomeh» («Еду в Финляндию») хорошо передает комическую ситуацию отправки в соседнюю страну деревенского богача на сватовство⁶³.

Общий взгляд на мир, характерный для поэтов-ливвиков, объясняется сходством биографий: большинство из старшего писательского поколения вышли из деревни, познали тяготы военного или послевоенного детства, прошедшего на территории Карелии в

⁶¹ Куратов И. Лингвистические работы. Т. 2. Сыктывкар, 1939.

⁶² Мишин А. «Дать начало песнопенью...»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 157.

⁶³ Там же.

соседних деревнях или районах. Эта общность социальных условий, хотя и обуславливала некоторое однообразие тем и образов первых книг писателей-ливвиков, но и сцементировала взгляды этого писательского поколения на жизнь и литературу, обусловила народно-поэтическую основу их поэзии.

Иные тенденции литературного процесса (активное сближение «серьезной» поэзии с популярными жанрами) наблюдаются в творчестве молодых поэтов-ливвиков, стремящихся говорить занимательно о главном.

Среди молодых писателей-ливвиков обратил внимание критики Сантту Карху (псевд.; наст. имя Александр Медведев). Он родился и вырос в Беломорске, где окончил среднюю и музыкальную школы. Род Медведевых происходит из села Ведлозеро Пряжинского района. Карельский язык С. Карху выучил в детстве, его бабушка говорила с ним только по-карельски. Именно бабушка привила ему любовь к карельскому языку, к духовной культуре народа⁶⁴.

Свой путь в литературу С. Карху начал в 1980-е годы с участия в работе молодежного литературного объединения «Tandem» («Тандем») при журнале «Punalippi» («Красное Знамя»), выходившем на финском языке. С. Карху опубликовал в журнале стихи на карельском языке и в 1988 году стал победителем поэтического конкурса молодых авторов. В 1991 году в Финляндии вышел учебник «Äidinkielen käsikirja» («Справочник родного языка»), в который вошли отрывки из стихотворения С. Карху «Mustas kois» («В черном доме») как примеры ливвиковского наречия карельского языка.

В Карелии, Финляндии и Эстонии С. Карху известен более как певец, и его творчество занимает особое место в культуре Карелии. Вместе с группой «Talvisovat» («Зимние одежды») он выпустил компакт-диск под названием «Pahoin brihoin rajatukset» («Песни плохих парней»).

Его произведения публиковались в сборниках «Sano, tuuli» («Скажи, ветер», Хельсинки, 2002); «Väinämöisen paluu» («Возвращение Вайнямейнена», Петрозаводск, 2002).

⁶⁴ Bogdanov J. Santtu Karhu, runoa todellisuuden, absurdiuden ja idyllin rajamailta // Carelia. 2007. N:o 11. S. 116.

По мнению К. Салламаа⁶⁵, в лирике С. Карху сильный критический аспект. Пример тому – стихотворение «Keldaine kuu» («Желтая луна»): «Yksinäzen hongan juures/ On pienen rahvahan luut» («Меж корней, в скалу вонзенных одинокою сосною, как луна желтеют кости прежде жившего народа»); пер. с карел. А. Воронина). Данные строки перекликаются со строками из «Калевалы». В руне «Месть Куллерво» сообщается о том, что сгорело все, только «камни очагов остались да высокая рябина».

Свои первые шаги в литературе на ливвиковском наречии делает и Лена Корнякова (родилась в Петрозаводске в 1984 году). Она закончила школу в селе Коткозеро Олонецкого района, была победительницей районной и республиканской олимпиад по карельскому языку. Основной темой ее рассказов являются вопросы взаимодействия современника с природой и окружающей средой. Л. Корнякова – постоянный автор газеты «Oma Mua». Ее рассказ «Tiähtet» («Звезды») был опубликован в сборнике «Väinämöisen paluu».

Особо следует остановиться на развитии национальной литературы для детей. Рождение детской карелоязычной литературы происходит одновременно со взрослой литературой. На волне «защитного национализма» стали творить для юных читателей в том числе преподаватели детских садов, школ, вузов, что было вызвано отсутствием необходимого литературного материала на карельском языке для работы с детьми и желанием поскорее заполнить эту нишу. Все это стимулировало писателей-ливвиков к созданию новых произведений с надеждой, что они найдут своих читателей среди младшего читательского поколения.

Всего с 1990 года были изданы следующие книги для детей: П. Лукин «Mindäh kägöi kukkuu» («Почему кукушка кукует», 1990); В. Брендоев «Sana, kulttu muaman suus» («Слово, услышанное из маминых уст», 1991); В. Лукконен «Paha-ozane kalastus» («Неудачная рыбалка», 1992); З. Дубинина «Silmükaivoine» («Родничок», 1995); П. Лукин «Iče minä» («Я сам», 1996); О. Мишина «Ratoi» («Колесо», 1996); Т. Щербанова «Pajun kukkazet – keviän viestib» («Ивовые цветочки – вестники весны», 1999) и «Enne Rastavua» («До Рождества», 2000); О. Мишина

⁶⁵ Sallamaa K. Poetry as Creator of an Ethnofuturistic Consciousness // Summaria acroasium in sectionibus. Pars III. Folkloristica & Ethnologia. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia & Ethnic Historia. Joshkar-Ola, 2005. S. 193–194.

«Piäsköin korgevus» («Ласточкина высота», 2002); Т. Щербакова «Armahile bunukoile» («Любимым внукам», 2002); О. Мишина «Ruskei zor'aine» («Алая зорька», 2005); В. Вейкки «Ken andoi kažile silmät da hännän» («Кто кошке глаза и хвост дал», 2006); З. Дубинина «Minun livvin linduzile» («Моим ливвиковским птичкам», 2006); Т. Щербакова «Kačo da vardoiče» («Спаси и сохрани», 2006); Л. Туттуева «Poine» («Радость», 2007); Н. Сеницкая «In'aine» («Иришка», 2008); О. Мишина «Городская фамилия» (2008); Т. Щербакова «Marjuškan ilot» («Марьюшкины радости», 2010) и «An'oilе da Ven'oilе vunukkazil armahil» («Анечке и Венечке – любимым внукам», 2010). Предназначенные для детей, эти книги воспитывают любовь к родному краю, карельскому языку, природе.

В 1995 году Институтом перевода Библии была опубликована на ливвиковском наречии «Bibllі lapsile» («Детская Библия»). Перевод осуществила З. Дубинина.

Ольга Федоровна Мишина (1933) долгие годы трудилась учителем в школе. Ее книга «Ласточкина высота» на Республиканском конкурсе «Книга года Республики Карелия – 2002» была удостоена 2-й премии в номинации «Лучшая книга для детей».

Одно из самых глубоких чувств поэзии О. Мишиной – чувство родины. Родина для нее – это деревенька, где она родилась и выросла, люди, что живут вокруг, и безымянная лесная речушка, и юная березка, нежно шепчущая что-то родное. Это знакомое оживает в ее стихах новыми гранями и воспринимается как вновь открытое, превозданное, присущее только этому поэту.

Стихи и рассказы О. Мишиной адресованы детям дошкольного и младшего школьного возраста и посвящены фауне и флоре родного края. Юный читатель узнает новое о птицах, животных, цветах, деревьях, камнях. Радостным приятием жизни отмечены стихи: «Kuldukukat» («Золотые цветы»), «Piäsköin korgevus» («Ласточкина высота»), «Sikourei» («Цикорий»), «Kimaleh» («Пчела»), «Tikku mečas» («Дятел в лесу»). Не может не запомниться детям образ цветущего цикория: во время дождя он словно закрывает свои синие глаза.

Похожая литературная судьба у Тамары Васильевны Щербаковой (1944). Она родом из деревни Тукса Олонецкого района и с детства говорит на родном языке. После окончания школы и

педагогического института 35 лет учила детей математике, русскому и карельскому языкам, писала сказки и рассказы для детей.

Рассказ Т. Щербаковой «Ивовые веточки – вестники весны» построен в форме диалога главного героя – мальчика – с Морозом. Мороз показан с характерным признаком – с белой бородой. В рассказе используется традиционное карельское обращение *Kuldaine Rakkaine* (золотой/дорогой Мороз). Благодаря сюжету произведения дети узнают о взаимосвязях в природе и о том, каким образом ветки ивы извещают о приходе весны.

Попробовал свои силы в детской литературе В. Вейкки. Его юмористическое стихотворение «*Sanažet*» («Словечки») написано пятистопным хореем и знакомит детей с животным миром. Помогает освоению грамоты стихотворение «*Abeği*» («Букварь»). Не избегает В. Вейкки и считалок («*Peitos*», «Прятки»). Им же написана и пьеса для детей «Кто кошке глаза и хвост дал».

На детскую аудиторию рассчитаны и положенные на музыку такие песни С. Карху (вместе со своей группой «*Talvisovat*» он их нередко исполняет), как «*Čibi-čibi linduine*» («Чив-чив птичка») и колыбельная «*Magua pikkarazeni*» («Спи, моя маленькая»). Сборники фольклора и стихов для детей «*Turu-turu-tuššii...*» («Туру-туру-тушшии...», 2005) и «*Kolo-kolo kotasie*» («Коло-коло котасие», 2006) также предназначены для знакомства детей с родным краем, окружающим миром.

В целом поэзия на ливвиковском наречии в конце XX – начале XXI веков всецело осознавала себя непосредственным выражением «возрожденческих» устремлений карельского народа, была отмечена художественной простотой выражения, смело шла на прямой разговор, откровенный диалог с читателем.

Развитие стилистической системы карельского языка в поэзии, прозе и драматургии в постсоветскую эпоху

По сложившимся в Советском Союзе представлениям вплоть до конца 1970-х годов карельский язык относили к «бесписьменным финноугорским языкам»⁶⁶, и поэтому в 1957 году А. Г. Хурмеваара

⁶⁶ Дешериев Ю. Д. Языки народов СССР // Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 422.

говорила о национальной специфике карельской литературы, имея в виду книги, написанные на финском языке. Это само по себе ставило барьер в научном осмыслении природы карельского языка, его лексики, уровня развития различных стилей, его синтаксических возможностей. А. Г. Хурмеваара утверждала, что «в жанровых особенностях той или другой литературы, в приемах композиции и сюжетосложения, в системах стихосложения, в метрах и ритмах больше интернациональных, нежели национальных особенностей»⁶⁷.

Когда Г. Ломидзе в книге «Единство и многообразие» писал, что «некоторые литературы, если взять к примеру литературу Карельской АССР, по молодости своей еще не сумели обнаружить в полной мере все качества своей национальной специфики»⁶⁸, то в этом высказанном замечании речь шла прежде всего о том удивительном для Карелии феномене, когда в национальной республике с проживанием в ней около ста тысяч карелов художественная литература развивается только на русском и финском языках.

И только в постсоветскую эпоху, когда признание культурно-языкового фактора стало элементом национальной политики России, когда структурами властей Карелии были поддержаны концепции и программы развития национальной школы, возрождения культуры и языков карелов, когда был издан ряд поэтических и прозаических произведений на наречиях карельского языка, появилась определенная основа для изучения литературы как национально-самобытного явления.

При этом следует сразу отметить, что при всей неповторимости литератур народов России существуют общие точки зрения на понимание национальной специфики: обращение к национальному фольклору; к народному мышлению и мировосприятию; использование изобразительно-выразительных средств родного языка; глубина раскрытия этнического и исторического облика народа, его нравов и традиций. Об этом любой исследователь найдет немало интересного в «Истории советской многонациональной литературы» (в 6 т., 7 кн., 1970–1974, главные редакторы Г. И. Ломидзе, Л. И. Тимофеев), в трудах Отдела литератур народов Российской

⁶⁷ Хурмеваара А. О национальной специфике литературы. Указ. соч. С. 130.

⁶⁸ Ломидзе Г. Единство в многообразии. М., 1957. С. 98.

Федерации и СНГ ИМЛИ им. А. М. Горького «Национальное и интернациональное в советской литературе» (1971), «Способность к диалогу» (в 2-х ч., 1993), «История национальных литератур: Перечитываемая и переосмысливаемая» (вып. 1–4, 1995–2004), «Нация. Личность. Литература» (вып. 1, 1996; вып. 2, 2003) и др.

Разделяя научные постулаты, высказанные в перечисленных выше трудах, обратимся к конкретному анализу поэзии и прозы на ливвиковском наречии карельского языка, чтобы тем самым, пусть и с запозданием, ответить на высказанное в 1957 году пожелание Г. Ломидзе будущим исследователям карельской литературы «обнаружить в полной мере все качества своей национальной специфики».

Поэтический язык каждой литературы во многом определяется грамматическим строем национального языка. Особенно легко обнаруживается это в поэзии⁶⁹.

Предметом изображения в карелоязычной поэзии чаще всего становится природа. Образы деревьев, озера, ветра и т. д. вызывают определенные ассоциации, мысли, чувства, воспоминания. Одной из особенностей карелоязычной поэзии является ее тяготение к символическому. Символика как составная часть образной системы пронизывает всю поэзию. Первое, что бросается в глаза при чтении поэтических произведений карелов-ливвиков – это устойчивый интерес к символам-топосам, таким как лес, стихия, дорога.

Символика как поэтическая категория – явление сложное, требующее комплексного подхода⁷⁰. Истоками карельской символической поэзии являются богатейшие пласты фольклора и таинственный мир народной мифологии. Отсюда вырастает близкое к романтическому типу мышление, характерное для символизма, трагическое переживание социальных и духовных коллизий конца века, доверие к вековым культурным ценностям, господство лирико-стихотворного начала с сознательной установкой автора на выявление символического смысла изображаемого.

Символика поэзии не отвлеченная, а конкретная, зримая. В поэзии символами выступают явления природы, и так они и воспринимаются

⁶⁹ Пархоменко М. Н. Многонациональное единство советской литературы. М., 1978. С. 27.

⁷⁰ Степанова А. С. Об особенностях поэтики причитаний // Карельские плачи. Специфика жанра: (Избранные статьи). Петрозаводск, 2003. С. 29.

маются – в своем основном качестве. Но автор концентрирует на них внимание и заставляет воспринимать как символы. Символы в поэзии формируются на основе национального опыта. Национальный опыт обращается и к опыту других народов, оттого символика карелоязычной литературы понятна не только читателю-карелу.

Одним из традиционных образов ливвиковской поэзии является образ могучего дерева как воплощения силы и стойкости человеческого характера. Жизнь человека сравнивается с жизнью дерева. Он подобно дереву сроднился с родной землей и чувствует ее боли, как свои. Гибель дерева – смерть человека. В стихотворении «Lerru» («Ольха») А. Волков сравнивает дерево по стойкости с солдатом:

Kui se orboi väistäy alduo	Что волн, ветров не испугалась,
Tuhat kerdua vägevembia?	Хоть их слабее в тыщи крат,
Kui ei vuatoroppu kaldua	Не сорвалась и не упала,
Tämän niškua vembelelleh?	Стоит, как на войне солдат...

(Перевод А. Волков)

Через образ крепкой ольхи, которая оберегает соседей по лесной чаще, просвечивает образ самого близкого поэту человека – матери, отдавшей жизнь заботе о детях.

Даже когда поэты-ливвики рисуют привычные читателю образы ольхи, березы, рябины, осины, они сопрягают «предметное» содержание образа и его переносного значения.

Образы березки, березового леска, березовой рощи под пером поэтов становятся воплощением красоты, молодости, чистоты помыслов, как это характерно и для традиционного народного представления о березе. Этот привычный смысл не сводится к однозначной логической формуле, не становится словом-сигналом, а нередко обретает и социальное своеобразие в размышлениях поэтов о неприятии собственнических форм общества. Не случайно одна из книг З. Дубининой носит название «Белая березовая роща» (2003). В нее вошли как оригинальные произведения на карельском языке, так и переводы с финского языка на карельский. Дубинина использует образы народной поэзии, раскрывая свой духовный мир.

Пишут о березе и другие авторы. Так, духом народной поэзии пронизано стихотворение «Koivu» («Береза») О. Мишиной.

Однако символика, обычно связанная в народной поэзии с любовной лирикой, приобретает здесь социальное значение: уже в первой строфе образ березы ассоциируется с тяжелой судьбой белоствольной красавицы:

Hil'ah kazvau	В тишине растет
Koivu valgei,	Береза белая,
Kuori valgei,	Кора белая,
Oza vaigei.	Доля трудная.

Параллель, проведенная поэтом, имеет своим источником народную поэзию. Мишиной понятна своеобразная боль деревца. По мнению Е. Марковой, у Ольги Мишиной березка, олицетворяющая Родину-Россию, несмотря на ножевую рану, продолжает жить⁷¹.

Если для поэтессы «береза белая» олицетворяет идеальную сущность мира, его красоту, то для хозяйствующих субъектов она представляет интерес лишь как источник березового сока. Сознательная установка автора на выявление символического смысла изображения передана в описании «плачущей» березы:

Vilu vezi	Холодная вода
Oksis tippuu,	На ветки капает,
Lehtis	На листьях
Žemčugoinnu tippuu	Жемчугом висит.

Природа для Мишиной – это живое существо, чуткое и все понимающее. Оно легко ранимо, к нему необходимо бережно относиться. В таком отношении автора к природе видно и ее хозяйская рачительность, и то трепетное отношение к природе, которое было характерно для карелов испокон веков.

Судьба красавицы-березы, ставшей всего лишь «деловой» древесиной, для автора это и показатель общего неблагополучия в отношениях человека и природы. Между тем для карельского народа, привыкшего вольно жить среди озер и лесов, судьба

⁷¹ Гендер в творчестве современных писателей коренных народов Европейского Севера России: Учеб. пособие. Петрозаводск, 2005. С. 14.

природы неразрывно связана с жизнетворчеством, с духовной свободой, с высоким чувством любви.

Именно соединение экологических проблем с проблемой сохранения цельности личности и составило то новое, что внесла в разработку проблемы национального характера О. Мишина.

Труженик-карел, привыкший к обращению с лесом, с природой, особенно чутко в сопоставлении мира человеческого с миром природы. Взять хотя бы такие примеры из поэтической практики поэтов-карелов, как сравнение молодых людей с ягодами или лесными птицами. Именно через нераздельно слитые с карельской природой образы поэт И. Савин создает образ любимой в стихотворении «Sinun muotokuva» («Твой портрет»):

Sinun silmät – pohjattomat kaivot,	Твои глаза – бездонные колодцы,
Sinun kulmat – linnun lendoh lähtö.	Твои брови – птица в полете.
Huulet buite rooza – kukan algu,	Губы как бутон розы,
Sanat sinun – piäsköilinnun pajo.	Слова твои – ласточкина песня.

Народная поэтика часто используется в художественно-изобразительных средствах произведений, особенно в описании внешности героини. Карельская девушка в представлении поэтов-ливвиков – красивая, румяная, с русой косой. В этом образе отражены национальные особенности женской внешности. Художественное обобщение у поэтов-ливвиков достигается через изобилие деминутивных форм слов. Существительные и прилагательные часто заканчиваются уменьшительно-ласкательными суффиксами типа суффикса *-ine* как это происходит в песне А. Волкова «Karjalan neičöi» («Карельская девушка»):

Karjalan nuori tütöine,	Карельская молодая девушка,
Čomaine, piäčköinjüttüine,	Красивая, с щебетанием ласточки,
Näbeihüt, valpastukkaine,	Привлекательная, светловолосая,
Rožaine – guskeikukkaine...	Личико – красный цветочек...

В таком изображении карельской девушки ясно проступает связь с народной поэзией, с миром национальной образности, и не случайно эпиграфом к песне служат строки из карельской народной песни «Itköy neičš» («Плачет девушка»).

Сравнение девушки с ласточкой тоже навеяно устным народным творчеством: в карельских сказках, эпических песнях, лирике женский образ часто бывает представлен образом птицы (уточка, курочка), а в причитаниях птица символизирует девушку-невесту, незамужнюю дочь.

Подобная устойчивость черт этнического сопоставления, традиционное представление о «национальном» характере и внешнем облике, которые на уровне обыденного сознания связываются с общностью родства, являются, по мнению А. Кожанова, одной из самых главных форм осознания внутриэтнического единства⁷².

Яркая национальная окраска текстов характерна и для описания времен года: «Sügüzü mečas» («Осень в лесу») З. Дубининой, «Sügüzü» («Осень») И. Кудельниковой, «Suvaičen sügüzü...» («Люблю осень») П. Федоровой.

При всей традиционности образов стихи обычно насыщены метафорами. Так в стихотворении «Keldaine sügüzü» («Желтая осень») И. Савин сравнивает желтые листья с мелкими монетами:

Keldaizet kolikot	Желтая мелочь
Asfal'tua müö.	По асфальту.
Mustenou taivas –	Чернеет небо –
buite on üö.	будто ночь.

В стихотворении «Tuuli» («Ветер») И. Савин пишет: «Tuuli keldaizil lehtil mustua asfal'tua pühkiü» («Ветер желтыми листьями вытирает черный асфальт», пер. с карел. А. Мишина).

Необычные образы использует в своей поэзии С. Карху. В стихотворении «Syvysharmavus» («Седина осени») автор пишет: «Izärpäiväine urpoi jo pilvimereh...» («Отец-солнышко утонул уже в море туч...»). Город представлен живым существом:

Tuulen viheldys linnan kouhkot jo täyttäy dai alevuu
Linnan harmavus savuu hengittäy, tervah kui kylys juo...

Свист ветра легкие города уже наполнил и утихает
Город дышит серым дымом, смолу как в бане пьет...

⁷² Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания. Цит. соч. С. 18.

В стихотворении В. Вейкки «Tuli gu neidine čoma...» («Пришла, как девушка красивая...») осень представлена в образе девушки. И далее, наращивая впечатление об осени-девушке, автор пишет: «Neidizel garbalohuulet, / Keldaine kassu on pitkü...» («У девушки губы-клюковки, / Желтая коса длинная...»).

В стихотворении В. Вейкки «Talvi» («Зима») это время года предстает в образе Деда Мороза: «Tuli mies.../ Šuapku piäs/ Kerpi käis.../ Sellän tuan/ Reppu piäl...» («Пришел мужчина.../ Шапка на голове/ Палка в руке.../ За спиной/ Мешок...»). Сюжет стихотворения схож с финским народным хороводом «Pakkasukko» («Дед Мороз»). В другом стихотворении «Ižändü-talvi» («Хозяин-зима») это время года уподобляется властелину природы:

Sovat da tukat ižändäl valgiet,	Одежды и волосы у хозяина белые,
Nimi on ižändäl – Talvi...	Имя у хозяина – Зима...

Говоря о художественном богатстве образов поэтов-ливвиков, остановимся на распространенном в их творчестве образе ночи. Следует отметить, что мотив ночи в других литературах разрабатывался вначале в поэзии романтиков. У карелов-ливвиков, ночь, в отличие от романтического мирозерцания, имеет негативный оттенок (она обычно – темная и холодная). С такими образами ночи мы встречаемся в поэзии З. Дубининой, И. Савина и В. Вейкки.

Ночь в стихотворениях этих поэтов вызывает чаще всего негативные чувства, чувства тревоги и одиночества. Порой названия самих стихотворений подчеркивают это: «Unetoi üö...» («Бессонная ночь...») З. Дубининой, «Unet» («Сны») В. Вейкки. Для поэтов ночь – это не просто способ уединения, бегство от мира, это особое состояние души.

Влияние устного народного творчества, в частности причитаний, прослеживается в любовной лирике. Поэты-ливвики используют в своем творчестве постоянный эпитет или слитное словосочетание. При этом эпитет и определяемое слово неотделимы, что характерно для южнокарельских причитаний⁷³. Наиболее известное в причитаниях словосочетание «riäčköilunduizet pajattamah» («ласточки-птички

⁷³ Степанова А. С. Об особенностях поэтики причитаний // Карельские плачи. Специфика жанра: (Избранные статьи). Петрозаводск, 2003. С. 28.

поют») вошло в поэзию ливвиков. А. Волков и И. Савин вторят друг другу, сравнивая девушку с ласточкой, а ее речь с щебетанием: «*Сomaine, piäčköinjüttüine...*» («Красивая, с щебетанием ласточки...») у А. Волкова и «*Sanat sinun – piäsköilinnun rajo...*» («Слова твои – ласточкина песня...») у И. Савина.

В современной поэзии наблюдается некоторое однообразие стихотворных размеров и повторяемость рифм, однако расширяется тематика стихов, с поисками новых форм.

Что же касается драматургии на ливвиковском наречии, то она представлена пьесой О. Мишиной «*Paginat čuassuloin rinnal*» («Разговор при часах»), которая была опубликована в книге «*Marin kukku*» («Цветок Марии», 2003). Две героини встретились в перестроечное время и на протяжении пьесы ведут разговор «о времени и о себе».

Еще одна пьеса создана молодыми авторами Ольгой Карловой и Натальей Антоновой «*Tule, kuldoi, bes'odale...*» («Приходи, золотой, на беседу...»). В основу сюжета положена история проведения в прошлом деревенских молодежных вечеров. В целом же драматургия карелов-ливвиков еще только приобщается к процессу художественного осмысления социально-психологических проблем.

По пути к художественному богатству образа, его многозначности, к постижению полной истины бытия шла в постсоветскую эпоху и проза писателей-ливвиков. Творя на карельском языке, они опирались на творчество писавших на финском языке группы талантливых писателей, коренных карелов, родом из рунопевческих деревень Виэны, Беломорской Карелии. Это Николай Яккола (1905–1967), Антти Тимонен (1915–1990), Яакко Ругоев (1918–1993), Пекка Пертту (1917–1992), Ортъе Степанов (1920–1998). Как отмечал Э. Г. Карху, эти прозаики-карелы «писали на финском литературном языке», однако их севернокарельские эпические корни и их этнокультурное самосознание столь сильно выражены в их творчестве и являются для них столь определяющим, что правомерно говорить в локальном масштабе о зарождении новой литературной традиции⁷⁴.

Как и в прозе их предшественников, в прозе ливвиков наблюдаются различные формы фольклоризма (стилистически-речевой, соци-

⁷⁴ Карху Э. Г. Послесловие к «Истории литературы Карелии» в 3-х томах // История литературы Карелии. Т. 3. Петрозаводск, 2000. С. 440.

ально-этнографический), несущие в себе важные сведения о народных источниках вдохновения писателей, о природе их дарования, о тесной связи с родными корнями, с карельским фольклором.

Так, большинство сюжетов для своей книги «Ruadajat» («Труженики», 1998) Петр Семенов нашел в фольклоре. Его излюбленная тема – бытовая сказка. «Kaŕjalazet kois da Piiteris» («Карелы дома и в Петербурге») – название первого цикла книги «Труженики» – указывает на занимательный характер ситуаций, в которые попадают семеновские персонажи: торговцы, деревенские жители, ищущие работу в городе, возвращающиеся из царской армии солдаты. Все они крестьянского происхождения, простодушны, жизнелюбивы.

Герой рассказа «D’engukukkaro» («Кошелек с деньгами») молодой деревенский парень из Южной Карелии Олеша по дороге в город находит работу в крестьянской семье, зарабатывающей продажей скота в Петербурге. Однажды Олеша находит на дороге утерянный хозяином кошелек и без раздумий возвращает его владельцу. Такой поступок для него естественен и обязателен, как и верность патриархальным деревенским устоям с их законом «не брать чужого». Устойчивый уклад крестьянской жизни автор противопоставляет распаду связей между людьми, индивидуалистическому мировосприятию.

В рассказе также проявляется этническая функция литературы – идет конкретное указание на национальность. Рассказ начинается словами: «Suvikarjalaine briha...» («Южнокарельский парень...»). Этот момент подчеркивается автором сознательно. Данная функция литературы прослеживается и у других авторов. Обычно в произведениях идет указание: «один карел» или «швед», или «русские» и т. п.

Рассказ А. Волкова «Moskovu tapoi» («Москва сгубила»), повествует о судьбе деда автора, оказавшегося в городе и пережившего там тяжелые испытания. Тема пагубного влияния городской жизни на крестьянина имеет давнюю историю в зарубежной и русской прозе, и А. Волков не открывает здесь новых пластов жизни, а лишь следует давно сложившейся литературной традиции.

В образе деда Григория Акимовича сконцентрированы лучшие черты крестьянства – трудолюбие, честность, забота об общественном благе. Достоверность, жизненность образа главного героя проистекает из самого взгляда автора на характер деда, в принципах раскрытия которого А. Волков ориентируется на народные

истоки. Это проявляется в сочетании драматического и комического в раскрытии характера.

Вот как описывает А. Волков рассказ деда Григория о московском метро: «Se on muan ual, kävüimmö, rauku, ülen pitkät pordahat... onnuakko kummendü kerdua pitkembät miän saraipordahii, jallat katkieu – kuni nouzet. A ühtes kohtas kummu-kummu – porras iče heitüi muan ual... odva hüpätä lattiel ehtiimmö...» («Это под землей, ходили, нора, очень длинные лестницы... однако раз в десять длиннее наших, по которым въезжаем на сарай, ноги переломашь, если не поднимешь. Да чудо-чудо – лестница сама под землю уходит... едва на пол прыгнуть успели...»).

Отстаивая самобытность литературы, прозаики-ливвики З. Дубинина, А. Коппалов, О. Мишина, Н. Назаров, З. Савельева, П. Семенов, П. Вахроев, В. Вейкки, А. Волков разрабатывают принципы нового литературного языка на основе народной разговорной речи, неисчерпаемой сокровищницы народной культуры и фольклора. Писатели тяготеют к социально-бытовой прозе из крестьянской жизни, пытаются показать ее стиль, взгляд на мир и язык. Ввиду своеобразия исторического пути карельского народа в современной национальной прозе заметное место заняла проблема «земля и человек». В основу почти всех значительных произведений, созданных ныне, взяты конфликты, так или иначе связанные с сельской жизнью.

Опираясь на традиции реализма, проза на ливвиковском наречии ратует за единство и самобытность карельской культуры, за необходимость обращения к истокам изучения своих культурных ценностей. «Без местного колорита в обстановке, без национального элемента в действующих лицах никак не могут обходиться настоящие романы, настоящие повести, – писал Н. Г. Чернышевский. – Без местных красок и без национальных обычаев, мыслей, национальности характеров в действующих лицах нет ни вида реальности – правдоподобия – в действии, ни осязательности в действующих лицах»⁷⁵.

Своего рода национальной романтикой овеваны обращенные к фольклору и крестьянской жизни очерки и рассказы П. Семенова, А. Волкова, О. Мишиной, имеющие, как правило, автобиографический характер. Авторов привлекает познавательная способность

⁷⁵ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. Т. XII. М., 1949. С. 129.

искусства, техника традиционной повествовательной прозы, неспешное сюжетное развертывание, что позволяет воссоздать жизнь карельского народа в ее зримых чертах. С этнографической точностью они рисуют национально-самобытную жизнь земляков, коллективные ценности деревенской общины, судьбу своего поколения. Стиль и язык обретают простоту, лаконичность, сдержанность.

Этими качествами отличается ставший литературным дебютом Анатолия Коппалова сборник очерков-воспоминаний и «боек» «*Žilčoi muheloittau*» («Новинка ухмыляется», 2004), повествующих о жизни обитателей деревни Новинка Олонецкого района Республики Карелия.

В центре рассказов О. Мишиной неизменно судьба простого человека, народная жизнь без прикрас. Героиня рассказа «*Maigin kukku*» («Цветок Марии»), боясь опоздать на работу и опасаясь сталинских репрессий, рискнула в бурю перебраться через озеро на моторной лодке. Только случай спасает ее, да еще цветок в консервной банке, который подарила Марии ее сестра на память о родной земле. В финале рассказа о судьбе прижившегося в семье цветка спустя годы узнают внуки и правнуки, осознающие нетленность человеческих ценностей.

Стремление осмыслить события собственной жизни характерно для повести в новеллах «*Nast'a*» («Настя») О. Мишиной. В отличие от мемуаров автор сосредотачивает свое внимание на становлении истории своей души и не опасается прибегнуть к вымыслу, чтобы читатель получил художественно яркое представление об ушедшем «советском» времени. В центре повести в новеллах «Настя» – не просто традиционное для классических автобиографий описание, а решение определенных философских, социальных и психологических проблем.

Героиня повести Настя стала свидетелем репрессий в 1930–1940-х годах; во время войны потеряла родителей и попала в детдом; позднее, получив педагогическое образование, посетила родную деревню и увидела знакомую по прошлому картину бесхозяйственности, безразличия властей к простому человеку.

Возвращение к детству в художественной системе повести в новеллах «Настя» есть форма нравственного самоанализа через историю взаимоотношений с окружающим миром, правдивое изображение народной жизни.

Детство для О. Мишиной – это не только время страданий, но и время приобретения духовных ценностей. Хотя жизнь в интернате оставила в душе девочки глубокий и горький след, но и здесь ей встречаются люди, которые помогают преодолеть синдром сиротства, ощутить кровную связь своей судьбы с судьбой карельского народа.

Главное внимание направлено на творческое осмысление и поэтическое выражение обогащенных временем собственных детских и отроческих воспоминаний военных лет. Повесть писалась О. Мишиной уже в зрелые годы, и автор стремится осмыслить прожитую жизнь как целое, передать атмосферу послевоенного времени путем личностного переживания минувших лет. При всем драматизме сиротского детства повзрослевшая героиня повести находит в той поре своей жизни добрые, лирические моменты, когда она была по-девичьи счастлива.

Интересно описание купания детей в новелле «Teriämbi toizeh randah puutut, et ku uronne» («Доплывешь, если не утонешь»). Сестра главной героини Аня учит Настю плавать: «Ota pieluspiäliline, tävvendä se ilmal i uidele randua müöte, nevou Anni. Nast'al ei himota randua müöte uijella: pieluspiälizen puzuri on suurembi i ilmu püzüü hätkembäh, no uidelet vai käil, toizel käil pidäü piettiä puzuri, a se püorittelehes vai ühtel kohtal...» («Возьми наволочку, наполни ее воздухом и плавай по берегу, – советует Аня. Настя не хочет по берегу плавать: наволочный пузырь большой и воздух держится дольше, но ты гребешь только одной рукой, другой надо держать пузырь, только крутишься на одном месте...»).

В своей попытке вернуться в собственное детство О. Мишина обнаруживает, что это были, может быть, самые значительные и памятные отрезки жизни, определившие ее мироощущение, отношение к людям и обществу в последующие годы.

Повесть состоит из новелл, которые выстраиваются в одну сюжетную линию и по своему содержанию сосредоточены вокруг судьбы карелов-ливвиков, их национально-этнической определенности, особенностей быта, нравов и привычек. Конфликт простого человека с властью, судьбоносные столкновения героини с действительностью пересекаются с семейно-родовыми патриархальными установками.

У карелов есть обычай украшать зеркало полотенцем с вышивкой. Это традиционное украшение карельского дома. В новелле «Zirkalo-

käzipaikku» («Зеркало с полотенцем») описан комичный случай, который произошел с героиней повести. Она по ошибке вытерла об это полотенце руки. «Häi ei ehti ni sanou: „Nügöi voitto mennä käzii pezemäh“, kui Nast’a nouzou i astuu pühkimäh käzii. Gošt’aine hüvin pühki čomah käzipaikkah i kalan razvat, i maksat, i mähändät, kudamat tartuttih hänen käzih. Buabahgi ei ehtinüh sanua löüdiä, ku nägöü: hänen vunukkaine pühkiü ligahizet käit čomah zirkalo-käzipaikkah...» («Она не успела сказать: „Сейчас можете идти мыть руки“, как Настя поднялась и пошла вытирать руки. Гостя вытерла о красивое полотенце и рыбий жир, и печень, и икринки, которые пристали к ее рукам. Бабушка не находит слов, когда видит: ее внучка вытирает грязные руки о красивое полотенце на зеркале...»).

Добрым отношением карелов-ливвиков к традициям своего народа проникнуты и юмористические рассказы О. Мишиной из книги «Kuldaine ildu» («Золотой вечер»), где недостатки и слабости героев чаще всего оказываются продолжением их достоинств.

Особенно ценимые карелами-ливвиками такие понятия, как «дом», «семья», «земля» отличают мироощущение героев.

Для современных писателей-ливвиков, творящих в атмосфере роста национального самосознания, важно подчеркнуть в своих произведениях общность языка, территории, особенностей жизни и быта, характера и культуры своего народа. Не случайно они так часто обращаются к своему прошлому, работают в жанре художественно-документальной прозы.

В книгу «Pieni Dessoilu» А. Волков включил очерк «Livvin taloit» («Дома ливвиков»), а в приложении к книге познакомил читателей с историей своей деревни. Другой очерк-рассказ А. Волкова «Died’oit» («Деды») из коллективного сборника «Omit pordahil» («У родного крыльца», 1999) повествовал о смерти прадеда Макара и о том, как четыре брата делили наследство. В этих имевших этнографическое содержание материалах автор оставлял себе право комментировать происходящее.

В частности, он описывает происхождение своей фамилии: «Onnuakko Makoi, Makar Tarasovič ei tiije, kuspäi sai famiilein Volkov. Zuakkunua müö häin sai hukkuu peittohaudah, kuduan pohjah libo piäle azetti rauhnuu da möi Anukseh hukan nahkuu. Sentäh Volkovakse puututtihi hänen pojat da bunukat meissäh. Enne se famiili oli vai kirjois,

a küläs livvikse vie minuu lapsennu kurruttih: „Makoin Vas’an Lukin Šura“. («Однако Макар, Макар Тарасович не знал, как получил фамилию Волков. По бывальщине он получил волчью яму, на дно и сверху которой клал падаль, и продавал в Олонце волчьи шкуры. Поэтому Волковыми стали называть его сыновей и внуков. Раньше эта фамилия была только в книгах, а в деревне по-ливвиковски меня в детстве еще называли: „Макаров Васин Лукин Шура“).

В период формирования художественной словесности и очерк, и рассказ занимают особые позиции, поднимая проблемы гражданского и нравственного состояния среды.

У сторожа лесозавода Ивана Никутьева из рассказа Н. Назарова «Suarel» («На острове») дилемма: остаться в Карелии или уехать по приглашению брата в Финляндию. Сюжет распадается на эпизоды. Достоинство рассказа – его язык, возвращающий к жизни многие колоритные карельские слова. В финале у читателя не остается сомнений, что карел Никутьев не покинет родную землю.

Сторожом работает и герой рассказа Пекки Вахроева «Тор» («Топ»), написанного в форме обращенного к собаке монолога. Прозаик с беспощадной правдивостью рисует картину современной жизни, когда происходит расслоение народа на богатых и бедных, когда люди-бомжи и собаки-бомжи роятся в одних и тех же мусорных баках.

Форму устного рассказа используют Петр Семенов, Анатолий Коппалов, Вася Вейкки в юморесках («Kui minä lettuu pastoin» – «Как я блины пек», «Pasible manjana» – «Пасибле маньяна»).

П. Семенов первым из карелоязычных писателей обратился в своих произведениях к теме оккупации Карелии в годы Великой Отечественной войны. Его рассказ «Hirvei yö» («Страшная ночь») повествует об этом. Сам автор в годы войны был ребенком. В рассказе через восприятие шестилетнего мальчика Микку передан драматизм ситуации (в крестьянский дом врываются пьяные финские солдаты и в ожидании матери (отец Микку на фронте) располагаются играть в карты). Страх ребенка за жизнь свою и матери сопрягается с беспросветной темнотой ночи, когда, казалось бы, уже никто не может спасти беззащитную семью.

Мальчика спасает мать, которая в рассказах карелов-ливвиков обычно является защитницей семейного бытия, православной веры и этики, любви и добра.

В рассказе П. Семенова «Страшная ночь» представлено два образа финнов: положительный и отрицательный. В роли отрицательного выступают пьяные финские солдаты, ворвавшиеся в дом и оставшиеся поджидать хозяйку. В роли положительного выступает финский офицер, которого приводит хозяйка для умирения солдат. Здесь использован метод антитезы. П. Семенов не отходит здесь от сложившейся традиции.

Образ женщины современной карелоязычной литературы – это любящая мать, верная подруга, хорошая хозяйка. Такова героиня рассказа З. Дубининой «Brihačšaine da Stalin» («Мальчик и Сталин»). Потеряв мужа в годы сталинского террора, женщина-карелка испытывает еще один удар судьбы: ее сын случайно наступает на оставшуюся в земле от военного времени мину и погибает. В память о мальчике остался лишь нарисованный им портрет Сталина и его слова: «Müö voitimme fašistoi, gu meil on Stalin... Nügöi meil rodieu hüvä elaiju...» («Мы победили фашистов, потому что у нас есть Сталин... Теперь придет хорошая жизнь»).

По мнению А. Мишина в этом рассказе «косвенно, но все-таки читателю навязывается мнение связи сталинского режима с гибелью мальчишек на минах после войны», но «рассказу не хватает глубины осмысления»⁷⁶.

На первый взгляд, действительно в рассказе нет открыто выраженного протеста, обличения Сталина, которого можно было бы ожидать от убитой горем матери. Глубина осмысления ситуации – в том, что поведение крестьянки отражает те свойства карельского народа первой половины XX века (патриархальность, религиозность, «смирение», «общинность»), которые принципиально отличали его от разобщенности, всеразлагающей материальной силы, обездушивания, «обезбоживания» западно-европейской цивилизации.

Можно неодобрительно относиться к смирению женщины-карелки, осознанию непоправимости свершившегося, но эта философия непротivления злу насилием имеет истоки в библейских заповедях. По мнению героини рассказа, на все воля божья, и о смерти сына она с христианским смирением говорит: «Jumal otti»

⁷⁶ Мишин А. «Дать начало песнопенью...»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 159.

(«Бог взял»). И видит спасение в охранении сердца от ненависти: «Pidäü eliä, pidäü tirpua, pidäü avvuttua toine toizele, pidäü uskuo. Ken vie avvuttau meile gu ei Jumal» («Надо жить, надо терпеть, надо помогать друг другу, надо верить. Кто еще поможет нам, как не Бог»). Рассказ написан верующим человеком.

Являясь наиболее распространенной в прозе карелов-ливвиков, малая эпическая жанровая форма – рассказ – обычно включает нравоописательное содержание, раскрывает бытовое и гражданское состояние социальной среды карельского общества, опирается, как правило, на автобиографические, документальные сведения. В меньшей степени рассказ создается на основе творческого воображения, когда в нем раскрывалось бы становление характера героя.

Для писателей-ливвиков народность искусства заключается прежде всего в раскрытии исконной национальной самобытности карельского народа, что определяет их интерес к крестьянской жизни земляков, к воспеванию сохранившейся в глухих местах Карелии заповедной природы. Писатели охотно заимствуют и наследуют в своих произведениях мотивы, образы, поэтику народного поэтического творчества. Но как это обычно и бывает, прозе ливвиков мешает порой натуралистическое описание жизненных явлений без их глубокого осмысления и художественного обобщения.

Преодолеть подобное простое подражание жизни писатели пробуют на пути расширения тематики литературы, новых приемов и средств художественного изображения жизни. Так, О. Мишина свою повесть «Настя» строит как цикл рассказов, объединенных общностью персонажей. Жанр лирического цикла стихов разрабатывает А. Волков в «Liivin virtet» («Слово о ливах»), где размышления автора о судьбах ливов подчинены единому субъективно-эмоциональному началу. Наконец, и первый в истории младописьменной карелоязычной литературы роман П. Семенова «Puhtasjärven Maša» («Маша из Пухтасъярви», 2004) тоже по композиции близок циклу рассказов, что можно рассматривать как желание автора быть ближе и доступнее эстетическим и социальным вкусам читателей, основная масса которых еще только приобщается к чтению художественной литературы на карельском языке.

Роман «Puhtasjärven Maša», в котором более тридцати действующих лиц, охватывает события коллективизации, Великой Отечест-

венной войны, послевоенных репрессий. Действие романа начинается с событий 1920-х годов и происходит на территории Карелии в родной деревне автора Родинъярви и близлежащих населенных пунктах: Пухтасъярви, Крошнозеро, Пряже, Петрозаводске.

Старшему поколению карелов-прозаиков принадлежала основная заслуга в разработке историко-революционной тематики. Именно в 1960–1980 годы были завершены многолетние работы Н. Яккола, А. Тимонена и О. Степанова над романами о революции и гражданской войне, о становлении Советской власти в Карелии.

Роман «Puhtasjärven Maša» посвящен крестной автора – Евдокии Ивановне, судьба которой, судя по всему, легла в основу истории жизни главной героини. История индивидуальной судьбы Маши прослеживается с детства до последних дней ее жизни.

В названиях каждой из 13 глав произведения «Puhtasjärven Maša» подчеркивается характерный для романной формы факт, что повествование сосредоточено на судьбе отдельной личности в процессе ее становления и развития: «Lapsestus» («Детство»), «Školavuvvet» («Школьные годы»), «Ižänmuallizen voinan alku» («Начало Великой Отечественной войны»), «Suomelazien keskes» («Среди финнов»), «Omien tulduu» («Когда наши пришли»), «Petroskoin türmäs» («В петрозаводской тюрьме»).

Первые страницы романа воссоздают повседневную семейно-бытовую жизнь карельской деревни 1920-х годов, пока еще не тронутую социальными катаклизмами. Маша и ее сверстники ловят рыбу, пасут коров, нянчат детей, собирают ягоды, участвуют в праздниках Рождества и Пасхи. Как это было характерно для написанного на финском языке повествования Н. Яккола «Водораздел» (1949–1968), «на первом плане – этническое, коллективно-народное содержание»⁷⁷. Это характерно для ранней стадии литературного развития.

Далее действие романа переходит через рубеж 1930-х годов, рассказывается о бедствиях напех созданного в Родинъярви колхоза, когда крестьяне, ничего не получая на трудодни, кормились от личного подсобного хозяйства и когда смерть единственной коровы означала и крах всех семейных надежд.

⁷⁷ Карху Э. Г. Послесловие к «Истории литературы Карелии» в 3-х томах. Цит. соч. С. 441.

Как писал М. Бахтин, «одной из основных внутренних тем романа является именно неадекватность герою его судьбы и его положения. Человек или больше своей судьбы, или меньше своей человечности»⁷⁸. Этой «неадекватностью судьбы» отмечена история жизни героини романа. Такие ее человеческие качества, как честность, совестливость, трудолюбие, не приносят ей успеха в жизни. Счастливым эпизодом детства вспоминается ей день, когда за работу по найму в чужой семье ей подарили новое платье. В остальном же вся жизнь прошла в материальных недостатках, невзгодах, в борьбе за элементарное существование. И когда Маша успешно окончила семь классов и подумывала об учебе в педучилище, нужда заставила остаться в деревне, помогать кормить семью.

С известной полнотой очерчен в романе образ старика-карела Редькина: «Rötkin Vas'a-died'oi oli erinomaine ristikanzu. Hänel oldih lühüökse leikatut harmuat tukat da turbei pardu. Vas'a-deid'oi oli madalkazvoine. Häi talvel dai kezäl käveli kuantançois kološšoinke da korgiemban iččendäh koivahazes vestetün savakonke... Vas'a-died'oi oli madal iäni. Häi ainos pagizi vagavasti, iče oli juro da oigemieline ristikanzu, oigevustu puolisti ainos loppussah. Sidä periä küläs kaikin suvaittih händü»... Vas'a-died'oidu küläs silmien tagan mindählienne kaikin nimitettih Rötäkse. Se Rötkü-nimi tiettih toizisgi külis. Tiettävaine, silmis händü kučuttih Vas'a-died'oikse libo Vas'a-veikoikse. Külän rahvas kai oli ruvettu käättämäh Vas'a-died'oih liittüjii sananpolvii. Ezimerkikse, ken gu ruvennou puolistamah mittumuatahto oigevustu, hänele sanottih: „Olet üksivagavaine gu Rötkü!“ («Деда Вася Редькин был странным человеком. У него были коротко подстриженные седые волосы и густая борода. Деда Вася был низкого роста. И зимой и летом он ходил в валенках с калошами и с березовой палкой выше своего роста... У деда Васи был низкий голос. Он всегда говорил тихо и был человеком правильных взглядов, всегда защищал правду до конца. Поэтому все в деревне его любили... За глаза деда Васю называли Редькой. Это имя, Редька, знали и в других деревнях. Конечно, при встрече его звали дед Вася или Вася-брат. Жители деревни даже стали употреблять поговорки про деда Васю.

⁷⁸ Бахтин М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. С. 479.

Например, когда кто-нибудь начинал отстаивать правду, ему говорили: „Ты серьезный, как Редька!“).

Героиню романа привлекает трудолюбие старика-карела: он вяжет сети, делает сани, шьет и чинит детям обувь. Вообще, занимается всеми теми хозяйственными делами, которыми из покоя веков занимались старики. Для Маши, как и для читателей романа, образ старика-карела Редькина олицетворяет лучшие черты старшего поколения карельского народа.

В изображении событий Великой Отечественной войны на территории Карелии П. Семенов отбирает реальные факты: бомбежки финскими самолетами пряжинских деревень, эвакуация населения на баржах по Онежскому озеру. Останавливается прозаик и на судьбе тех, кто оказался в оккупированных финской армией селах (глава «Среди финнов»).

Исследование женской судьбы в романе способствует раскрытию нравственной красоты и величия советского человека в трудные годы войны. Образ карелки Маши – это образ, отличающийся высокой человечностью, силой духа и нравственной чистотой. Ей, как и другим женщинам, пришлось заменить в колхозе ушедших на фронт мужчин, самоотверженно работать на полях и фермах.

В изображении исторических событий П. Семенов не столько затрагивает проблемы становления характера героев, сколько дает чисто документальное воспроизведение реальных фактов и явлений, часто в сопровождении прямой авторской оценки, как это происходит в главе «Когда наши пришли» (о возвращении беженцев на Родину): «Elaigu müös kiändi härrinmukin... Nügöi se eigo murdane mejjän niškoi...» («Конечно, все хорошо понимали – снова произошла перемена в их жизни, но только не могли хорошо разобратся какая»).

Автор точен в изображении языковой среды южнокарельской деревни, где взрослые и дети хорошо говорили по-карельски и многие не знали русского языка. Эта особенность ненавязчиво подчеркнута в сцене встречи с солдатами Красной Армии: «Brihačut Mikku da Vas'a ainos punottihes heijän luo. Heijän kel saldatat paistih da armahasti heidü nimitettih „sinočki“, ga brihačut eibo ellendettü, mih se sana menöü, hüdö duumaittih se on paha sana» («Мальчики Микку и Вася

всегда вертелись вокруг них. Солдаты с ними разговаривали и ласково называли „сыночками“, да мальчики не знали, что это слово означает, они думали это плохое слово»).

Явными чертами очерковости, когда эпизоды связываются лишь внешней, причинно-временной последовательностью, отмечены картины возрождения колхозной жизни, организации машинно-тракторной станции. Но и здесь автор находит детали, дающие представление о тенденциях развития социальной жизни (когда мальчики Вася и Микку пошли в школу в Крошнозеро и перебрались в интернат, их лишили там бесплатного питания как живших на оккупированной территории).

П. Семенов старается отбирать такие явления, в которых наиболее отчетливо и активно проявляются существенные особенности жизни его земляков. Эмоциональным авторским отношением отмечены картины восприятия жителями карельской деревни известия о Победе: «*Nos se oli ruadopäivü, ga kerras muutui pruazniekakse, kudamua vuotti kai muailmu, a Ven'al se oli Voitonpäivü!*» («Хоть это был рабочий день, да сразу сменился на праздничный, которого ждал весь мир, а в России это был День Победы!»). Прозаик, сам в детстве переживший это великое событие, сравнивает День Победы с праздником Пасхи: столь велики были радость и надежды людей на светлое будущее.

В главе «*Luageriguadolois*» («На лагерных работах») действие романа переносится в другие регионы России – Республику Коми, Мордовию и Свердловскую область. Здесь показан тяжелый труд лагерников, среди которых также оказалась главная героиня.

Присутствие автора дает о себе знать в лирических отступлениях, в эмоциональной заинтересованности судьбами героев, в прямом диалоге с карелоязычной читательской аудиторией.

Сюжетную разработку повествования о событиях П. Семенов соединяет с лирической исповедальностью в изображении любовных чувств героини романа, ее верности в ожидании возвращения мужа с фронта, переживаний и страстей других персонажей романа. Самой большой радостью в жизни Маши стало рождение сына Ромы. Автор видит в этом главный смысл жизни героини.

Завершается роман кратким перечислением общественно-политических событий, происходящих в стране и влияющих на жизнь

простых людей. Распался Советский Союз, республики, входившие прежде в его состав, стали теперь заграницей. Жизнь простого народа ухудшилась.ROME не платили зарплату. Состояние здоровья Маши с каждым днем ухудшалось, но она продолжала следить за ситуацией в стране. Как бы подчеркивая неизбежную смену политического строя в России, смену старых устоев новыми, П. Семенов завершает роман смертью Маши.

Явления народной карельской культуры изображены П. Семеновым с сочувственно-уважительным отношением к ним. Традиционное национальное бытие раскрыто с опорой на устное народное творчество, в частности, поговорки: «Nikonzu älä peitä omii peroloi» («Никогда не прячь свои умения»), «Kieli Kijevah vedäü» («Язык до Киева доведет»), «Priäžän randu, gu pal'as rindu» («Пряжинский берег как голая грудь»), «Jalgu – sie, toine – tiä» («Одна нога здесь, другая – там»). В языке используются типично карельские фразеологические обороты: «čuurukaššilii kandamah» («мешок с песком таскать»), традиционные обращения карелов: *kuldaine* («золотой» в значении «дорогой человек»), *gukkaine*, *rukka* («бедняжка»).

Созданный на ливвиковском наречии карельского языка роман П. Семенова свидетельствует о неразрывности стилевой традиции, уже сложившейся ранее в произведениях коренных карелов (писавших по-фински) Н. Яккола, А. Тимонена, Я. Ругоева, П. Пертту, О. Степанова. Более того, обнаруживается цепь преемственности, усвоение устойчивых характеристик предшественников, в творчестве которых «диалект служил этнокультурной припиской» и наблюдалось «преимущественное внимание не к отдельной личности с ее индивидуальной судьбой, а к самым основам народной жизни»⁷⁹.

Сильной стороной романа П. Семенова является изображение народных характеров, воссоздание национальной жизни в различных ее проявлениях – это праздники, народные игры, трудовые будни, быт, обычаи и нравы карельского народа, судьба лучших его представителей на крутых переломах истории XX века.

⁷⁹ Карху Э. Г. Послесловие к «Истории литературы Карелии» в 3-х томах. Цит. соч. С. 441.

В целом же проза карелов-ливвиков свидетельствовала о постепенно углублявшемся идейно-эмоциональном осмыслении общественно-исторических характеров, стремлении литературы охватить значительные социальные пласты национальной жизни.

Поэзия, драматургия и проза на ливвиковском наречии карельского языка формируется в сложном взаимодействии фольклорных и литературных традиций и отражает процесс становления национального самосознания в современном мировоззрении карельского народа.

Пока преждевременно говорить о поисках новой формы (усложнении сюжета и композиции, эксперименте, повороте к условным формам художественного изображения, таким как притча, гротеск, введение фантастического элемента). Тем не менее литература на ливвиковском наречии карельского языка в конце XX – начале XXI веков обрела зримые черты национально-самобытного явления. В члены Союза писателей были приняты А. Волков, В. Вейкки, З. Дубинина, О. Мишина, П. Семенов. Стал традиционным фестиваль карельской литературы «Täs sunnynrannan minun algu...» («Здесь Родины моей начало...») имени В. Е. Брендоева, проводимый в городе Олонце. Жители Олонецкого района гордятся тем, что В. Брендоева считают родоначальником карелоязычной литературы.

Происходит становление лирической поэмы и реалистического романа. Усиливается разнообразие художественных деталей, мотивов, сюжетных поворотов, ситуаций, граней образа. В своем творчестве писатели-ливвики опираются на национальное культурное наследие, ратуют за его развитие. Их поэзия, драматургия, проза сильны своей гуманистической направленностью и жизненной правдой.

ГЛАВА 3

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Творчество М. Пахомова

Литература на людиковском наречии карельского языка в своем историческом развитии прошла путь от малых форм лирической поэзии до крупного стихотворного произведения с повествовательным сюжетом – поэмы Мийкула Пахомова «*Luudimua*» («Земля людиков»). Поэзия и проза карелов-людиков пока не стала заметным явлением, определяющим развитие жанров в литературе на карельском языке, но уже сегодня благодаря усилиям М. Пахомова она вступила в новую фазу своего диалога с мировым искусством, стала известна не только в России, но и в европейских странах. В частности, стихи М. Пахомова переведены на английский, вепсский, русский, финский и шведский языки; они вошли в изданные в 1995 и 2002 годах в Хельсинки сборники «*Mies joka luki runon*» («Человек, прочитавший стихи») и «*Sano, tuuli*» («Скажи, ветер»), а также в антологию писателей Баренц-региона «Здесь начинаются дороги» (Архангельск, 2001), опубликованную в нескольких европейских странах на разных языках.

Народная поэзия является органическим элементом историко-литературного процесса на всем его протяжении. Творческая энергия, сконцентрированная в фольклоре карелов-людиков, безусловно, сохраняет значение и в современной литературной жизни; она питает вдохновением поэзию Мийкула Пахомова, пишущего на людиковском наречии карельского языка.

В каждой младописьменной литературе есть свои лидеры, которые не только непосредственно участвуют в создании письменности, но и становятся классиками национальной поэзии и беллетристики, утверждают в новой литературе идущие из прошлого многие национальные мотивы и традиции, и обогащают их новатор-

скими поисками художников-творцов. Есть такой лидер и в литературе на людиковском наречии карельского языка – Мийкул Пахомов, о жизни и творчестве которого и пойдет речь в этой главе.

Мийкул Пахомов (настоящее имя Николай Николаевич Пахомов) родился 14 февраля 1967 года в Петрозаводске. В семье говорили на людиковском наречии карельского языка. Род Пахомовых происходил из людиковского села Кууярви (ныне – село Михайловское Олонецкого района Республики Карелия), расположенного недалеко от северного берега реки Свири. Его мать, кандидат филологических наук Майя Федоровна Пахомова (1926–2003), была исследователем литературы Карелии, много лет трудилась в Институте языка, литературы и истории Карельского филиала академии наук СССР.

В 1989 году М. Пахомов закончил Петрозаводский государственный университет, где обучался на отделении финского языка и литературы. С 1989 по 1991 годы работал в Институте ЯЛИ КФ АН СССР. Изучал людиковское наречие карельского языка.

В июне 1991 года, будучи лаборантом-исследователем, М. Пахомов участвовал в состоявшемся в городе Олонце (Республика Карелия) втором съезде представителей карелов, на котором обсуждались вопросы развития языка и культуры карельского народа. «К сожалению, на съезде мы ничего не услышали о проблемах людиков, так как людиковская интеллигенция была на нем представлена, кажется, только Н. Н. Пахомовым...» – говорила Г. Е. Леттиева на «Круглом столе» журнала «Север», комментируя решения съезда⁸⁰.

Считая своим долгом отстаивать права свободного выбора языка карелов-людиков в качестве языка общения, воспитания, обучения творческой и научной деятельности, Мийкул Пахомов после нескольких лет обучения в аспирантуре Карельского научного центра в 1996 году продолжил свои исследования на кафедре прибалтийско-финских языков Хельсинкского университета. Он успешно сдал экзамены на степень магистра и был зачислен в аспирантуру Хельсинкского университета, где стал работать над диссертацией «Людиковское наречие карельского языка». В 2000-м году М. Пахомов получил звание лицензиата.

⁸⁰ Карелы: пути возрождения («Круглый стол» журнала «Север» в Петрозаводске) / Подгот. В. Судаков // Север. 1991. № 12. С. 121.

Исследование топонимии Кууярви и грамматики людиковского наречия карельского языка склонило М. Пахомова к мнению тех финских исследователей, которые выделяли особое место в группе прибалтийско-финских языков⁸¹ и обычно апеллировали к мнению старожилов людиковского края, которые во время опросов утверждали, что они говорят «не по-вепсски, не по-карельски, а по-людиковски».

Сам М. Пахомов, по предложенной Аймо Туруненом классификации людиковских говоров, пишет на лоянском говоре жителей старинного поселения Лояницы, расположенном в полуоставах километрах от Олонца. На языке людиков поселение называется поэтическим именем Kujär'v, что переводится как Лунное озеро⁸².

Любовь и верность памяти предков воплощается у Мийкула Пахомова в качественно отличные формы: научные исследования, путевые очерки, публикацию фольклорных записей, публицистические статьи, и, наконец, в создание стихов на родном языке. Все эти многообразные творческие интересы объединены одной целью – возрождением и развитием родного языка и этнокультурного наследия карельского народа.

В 1998 году в Хельсинки (Финляндия) было образовано «Людиковское общество» («*Luudiläinen Seura*»), имеющее целью сохранение языка и культуры людиков. Одним из основателей общества стал Мийкул Пахомов. В 1999 году он подготовил на родном наречии книгу для духовного чтения «*D'umalan Poig*» («Сын Божий»). Начиная с 2001 года М. Пахомов работает в православном приходе Хельсинки.

В 2005 году в Хельсинки вышла книга «*Ehtslužb*» («Вечерняя»). Эта книга содержит перевод духовных текстов на людиковское и ливвиковское наречие карельского языка и предназначена для проведения служб на них. М. Пахомов предпринял попытку создать некий вариант единого языка для ливвиков Олонца и южной части собственно карелов. В книге также содержится статья «*Hengelliset käännökset ja karjalankielisen kirjallisuuden synty*» («Переводы духовных текстов и рождение карелоязычной литературы»).

⁸¹ Pahomov M. *Luudin kansan alkuperästä* // *Carelia*. 2007. N:o 6. S. 32.

⁸² Пахомов М. Духовные корни лоянских карел // *Север*. 1997. № 8. С. 139.

Он продолжает с прежней энергией писать стихи и прозу, пробует себя в разных жанрах, занимается переводами, ведет активную просветительскую деятельность. М. Пахомов в соавторстве с учительницей Лидией Поташовой написал и опубликовал букварь людиковского наречия «ABC–kird'» (Хельсинки, 2003), который был адресован младшим школьникам, изучающим язык людиков. В букваре, кроме словаря, были помещены стихи В. Брендоева и М. Пахомова. В 2007 году в Хельсинки вышла книга для чтения «Tervheks!» («Здравствуй!»), в которую М. Пахомов и Л. Поташова включили переводы произведений русской и советской классики (К. Ушинский, Н. Сладков, В. Сухомлинский и др.), русского фольклора, оригинальные произведения литературы и фольклора.

Благодаря семейному воспитанию, под влиянием матери, Майи Федоровны Пахомовой, первой из людиков ставшей известным ученым, Мийкул Пахомов с детства ощущал себя частью народа, знал не только язык, но и карельский фольклор. Находясь в гуще событий писательской жизни (М. Ф. Пахомова была членом Союза писателей), видел в лицо многих известных карельских поэтов и прозаиков. В детском возрасте М. Пахомов стал писать стихи на родном людиковском наречии, а также на финском и русском языках.

По словам самого поэта⁸³, из карельских литераторов ближе других ему было творчество Я. Ругоева, А. Тимонена, П. Воутилайнена, В. Брендоева, из русских – Ю. Линника, А. Вознесенского, В. Высоцкого, Н. Рубцова, М. Пришвина, М. Булгакова, из финских – А. Киви. Но самое большое влияние на становление его как поэта оказало устное народное творчество финно-угорских народов, проживающих как в Карелии (карелов и финнов), так и на близлежащих территориях. Освоение всех глубочайших таинств фольклорной палитры – и особенно эпоса «Калевала» – многому научило М. Пахомова. Фольклор, как и история народа, его этнография и литература, стали предметом раздумий, сферой творческих поисков. Даже псевдоним («miikul» в карельском языке обозначает «Никола зимний») был взят поэтом с опорой на духовный опыт народа: действительно, Николай Пахомов родился зимой.

⁸³ Личный архив Н. В. Чикиной. Переписка с М. Пахомовым за 2003–2005 гг.

Первые стихи М. Пахомова на людиковском наречии были опубликованы в журнале «Punalipri» (ныне «Carelia») в 1989 году, и затем появились на страницах других периодических изданий: в карельязычной газете «Oma Muu» (основана в начале 1990 года), финноязычных газетах и журналах Карелии («Kipinä», «Karjalan Sanomat», «Vienan Viesti» и других), а также в Финляндии в журналах «Karjalan heimo», «Yliopisto», «Karjala», «Savot ja Elias». Стихи М. Пахомова публиковались на страницах изданных в Петрозаводске коллективных сборников «Голоса» (1994), «Волны трав» (1998), «Omil pordahil» («У родного крыльца», 1999).

Кроме стихов, М. Пахомов печатал статьи, фольклорные материалы, переводы духовных текстов, прозу. В начале своего творческого пути поэт активно сотрудничал с молодежным объединением «Тандем» журнала «Punalipri», а в 1991–1994 годах был членом редакционного совета журнала «Carelia».

В первую стихотворную книгу М. Пахомова «Tuohuz ikkunas» («Свеча в окне», Петрозаводск, 1993) вошли лирические стихотворения, поэма «Luudimua» («Земля людиков») и стихи для детей. С одной стороны, молодой поэт исходил из абсолютной значимости фольклора как определенной художественной традиции, а с другой – экспериментировал со свободным стихом. Стихи-откровения о родословном древе соседствовали у него с размышлениями о современной жизни и личными откровениями. Лирические стихи, как правило, отличаются краткостью; они ассоциативны, побуждают искать подтекст:

Veneh vahn	Старая лодка
Airotu	без весел
itki randas.	плачет на берегу.
Uuden venehen	Новой лодки
Lauduole	борта
Anduo	целует море.
meri suud.	

(Перевод О. Мишин)

Эти стихи восходят к образам плачущей лодки в «Калевале» и новой лодке, которую начинает делать Вяйнямейнен. Мысль о неизбежности смены поколений здесь усилена печалью по уходящему и завершается гимном продолжающейся жизни. По мнению

А. И. Мишина⁸⁴, одним из первых внимательно проанализировавшего стихи М. Пахомова, при всех достоинствах поэзии М. Пахомова он иногда останавливается на простой констатации увиденного:

Pimedas	В темноте
Losniba tähted	на небе
Taivahal	сверкают звезды
Da	И
Minun	моя
Langennu sigaret	Брошенная на асфальт
Asfaltal.	сигарета.

(Перевод О. Мишин)

Что же касается включенных в книгу стихов для детей, то основная их тематика – природа. В стихотворении «Vaaged griba» («Белый гриб») рассказывается, как городской мальчик Мишши пошел в лес с отцом, нашел белый гриб и удивился: «Кто этот гном?» В этом сравнении гриба с гномом чувствуется влияние на автора западно-европейской мифологии. В сборник были включены также считалки и потешки.

Прекрасные пейзажи зимнего леса представлены в стихотворении «Täuven suagn» («Зимняя сказка»). Здесь чувствуется влияние прибалтийско-финской традиции, в которой человек и природа едины. Автор проводит ассоциацию человека с объектами природы: бабушка – сосна, сестра – осина.

Täga nukkub pedai-buab –	Здесь спит сосна-бабушка –
Paakaane se peitti.	Мороз ее укрыл.
Toine sizar om huab –	Вторая сестра осина –
Lumišliäpän heitti.	Снежную шляпу надела ⁸⁵ .

В 2000 году Институт Снельмана (Финляндия) выпустил второй стихотворный сборник М. Пахомова «Lüüdiland» («Земля людииков»). Во введении к книге автор изложил историю людииковского народа с древнейших времен до современности. Сами же

⁸⁴ Мишин А. «Дать начало песнопенью...»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 155.

⁸⁵ Здесь и далее без дополнительного указания подстрочный перевод Н. В. Чикиной.

поэтические произведения были рассредоточены в трех частях сборника: красной, синей и зеленой. По мнению М. Пахомова, таким должен быть флаг людиков – трехцветным. Синий цвет говорит о воде, красный – о песчаных берегах и деревьях, зеленый – о красоте и природных богатствах. Название книги было своеобразным симбиозом карельского и английского языков («Lüüdi» переводится с карельского как «людик», «land» с английского как «земля»). В 2001 году М. Пахомов стал членом Союза карельских писателей.

Еще одним примером подобного карельско-английского симбиоза выглядит стихотворение «Lemben story» («Lembi» по-карельски означает совокупность положительных качеств девушки на выданье, «story» по-английски – история, рассказ). Объединение карельского (исчезающего) и английского (самого распространенного в мире) языков, включение такого «союза» в современную европейскую поэзию наблюдалось у М. Пахомова и ранее. В сборнике «Tuohuz ikkunat» было включено стихотворение «Englandilaane pagin» («Английская речь»), в котором второе четверостишие было написано на английском языке. Такого рода попытка объединения может говорить о том, что автор пытается привлечь к своему языку как можно больше внимания и доказать, что поэзия на карельском языке может существовать в разных формах.

Есть у М. Пахомова и перевод с английского песни в исполнении шведской группы «ABBA» «Take A Chance On Me» («Дай мне шанс»), название которой в переводе на карельский язык звучит как «Anda milei čans».

Все это позволяет сделать вывод о том, что М. Пахомов – представитель нового, молодого поколения. Творческий подход поэта отличается от других современных карелоязычных писателей (ливвиков и собственно карелов), что проявляется в более свободном выборе тематики, стихосложения и направленности. В отличие от старшего писательского поколения, которое родилось и выросло в деревне, М. Пахомов представитель города, и урбанизация оказала на него куда большее влияние.

Для М. Пахомова слово является образом предмета, и чем предметнее оно, тем оно прекрасней. Так, стихотворение «МММ» (пять

предложений и пять вопросов) состоит из 40 слов, 34 из которых начинаются на букву «т». Здесь поэтический язык стремится к автономной ценности знака.

Художественное произведение как структура является для М. Пахомова выражением взаимосвязи различных факторов: традиций прошлого, тенденций развития современной европейской поэзии, изменений в сфере общественного сознания.

В стихотворении «Kolme K:d» («Три к») автор пишет о том, что самая дорогая для него буква – это буква «к», потому что на эту букву начинаются три самых дорогих для него слова: Калевала, Кууярви, Карелия.

Kalevala, Kujärv, Kard'al –
omad sanad kaunehed.
Kuna kulgen – sinnai kandan
kallehed K–kird'aimed.

М. Пахомов в своем творчестве обращается и к проблеме карельского языка. Как уже писалось выше, он, наряду с финскими исследователями, считает людиковское наречие карельского языка отдельным языком. Однако он обращался и к вопросу единого литературного карельского языка. В 1998 году поэт написал стихотворение «Karjalan huomnes» («Утро Карелии»), в котором делает попытку представить свой вариант единого карельского языка.

Поэт призывает всех найти «правильные ключи» в вопросе объединения наречий карельского языка в стихотворении «Kard'alaine külü» («Карельская баня»). Он пишет о том, что общие корни объединяют всех карелов, хотя говорят они все немного по-разному.

В стихотворении «Lüüdiland» («Земля людиков») он пишет: «Kus oled siä, Lüüdiland – ei kartoil ole sindai» («Где ты, земля Людиков – нет тебя на карте»). По мнению К. Салламаа, земля Людиков – это земля-утопия, земля-ностальгия⁸⁶.

Идея поиска родной земли в творчестве М. Пахомова воплощена в образе тропы, который проходит через ряд стихотво-

⁸⁶ Sallamaa K. Etnofuturismi – elämänilosofia – energia // Carelia. 2006. N:o 11. S. 124.

рений. «Sa kuna mäned, minun rahvaz...» («Куда ты идешь, мой народ...»), «Oman heimon troppad müö» («По тропе своего народа») и др. Тропа ассоциируется с историческим путем карельского народа.

Людиковскому языку посвящено стихотворение «Lüüdikiel!». Это стихотворение М. Пахомов включил и в созданный им букварь людиковского наречия.

Lapsed lüüdikiš maltetah, Omal kielel pagištah: «Kuulgat, buabad-diedad, müö sanad tiedam!»	Дети людиковский понимают, На родном языке говорят: «Слышите, бабушки-дедушки, мы слова знаем!»
--	--

В стихотворениях «Diedan kodi» («Дом деда»); «D'uured» («Корни»); «Muaman mua» («Земля матери») значительное место отводится родовым корням лирического героя. Эта тема звучит и в стихотворении «Ken miä olen?..» («Кто я?..»):

Pohdaazen ilman – lapsi, Heimole hubale – poiga, Kuujarven Iivun Paušin Obraman Fedyon vunuk...	Ты дитя суровой Похьи, Рода древнего потомок, Из Кууярви Ийву Павши Обрахама Феде внук...
--	--

(Перевод О. Мишин)

В стихотворении «Heimon hanged» («Души племени») поэт размышляет над проблемой быстрой утраты традиций, целых пластов национально-культурного наследия:

Aigoiš huondeksel nouzen, küzün Äniždärven randal: «Kusbo miä löüdän meiden Heimon kird'attoman dälged?»	Рано утром я поднялся, Спросил у Онежского берега: «Где я найду нашего Племени бесписьменного следы?»
---	--

Лирический герой М. Пахомова пытается осмыслить законы современного бытия, понять свое предназначение. Поэт поднимает вечные вопросы о смысле человеческого существования, о личности человека в общей перспективе мироздания:

Lagedas Kosmosas – pöly,
Päivääžen sisteman – muru,
Mual pienel – dyvä...

В безбрежном космосе – пылинка,
В солнечной системе – крошка,
На маленькой земле – зерно...

(Перевод Э. Алто)

Критерий человечности выдвигает в поэзии М. Пахомова на первый план компонент гуманности, «человеческий смысл». Кажется, что отсюда – обилие вопросов в истолковании моральных дилемм и катарсисов лирического героя стихотворений «Mida miä vuotan, igavoin?» («Чего я жду, тоскую?»); «Konzak tulou minun ahtobus?» («Когда придет мой автобус?»).

Лирическому герою поэзии М. Пахомова, человеку «новой цивилизации», вовлеченному в быстрый и трудный ритм городской жизни с ее многочисленными заботами и проблемами, более дорогими становятся картины карельской природы (в стихотворениях: «Kard'alaine keza» («Карельское лето»); «Сoma lopiiheze keza...» («Красивое окончание лета...»); «Keza, anda väged, keza...» («Лето, дай силы, лето...»).

Профессор прибалтийско-финских языков Сеппо Сухонен на презентации книги «Lüüdiland» отметил: «У каждого народа есть свой язык и литература. На людиковском наречии говорит только тысяча человек, но из этой группы вырос говорящий на родном языке писатель и исследователь Мийкул Пахомов»⁸⁷.

В поисках новых возможностей и форм литературного повествования М. Пахомов выступает со стихами на встрече прибалтийско-финских поэтов в Хельсинки (2002), на состязаниях рунопевцев «Калевала ММ-2000» и «Калевала ММ-2002» в финском городе Эспоо, на IV финно-угорской конференции по этнофутуризму в Эстонии в 2001 году.

Мотивы борьбы индивидуальности за свое моральное признание в мире, мотивы одиночества, непонимания, свойственные поэта-этнофутуристам, есть и в творчестве М. Пахомова. Особенно это проявляется в его сборнике «Земля людиков».

В его стихотворениях часто встречаются фразы типа: üksin häin (один он), üksin elädä (один живет), üksinaine ikkun (одинокое окно). В одиночестве лирический герой не может достичь подлинности своего

⁸⁷ Pahomov M. Miikul Pahomov: «Se on minun seiččemen vuvven runoilijan ruado...» // Oma Mua. 2001. 22. tuhuk.

бытия. Если для взрослого героя стихотворения «Kaheksa vuot» («Восемь лет») восемь лет – это мгновение, то в детстве – это целая жизнь.

Как известно, термин «этнофутуризм» возник в Эстонии в конце 1980-х годов. Первоначально он обозначал этносоциодинамические стороны жизни человека, такие как миро- и самоощущения современного человека. Со временем функции этнофутуризма расширились. В частности, Пирет Вийрес отмечал, что этнофутуризм – это вариант общемирового постмодернизма, сформировавшегося в провинции⁸⁸, и что особенность нового типа мышления в финно-угорской среде заключается в том, что этнофутуризм призван объединять унаследование древних традиций народной культуры с их постоянным обновлением, обогащением чертами современного типа мышления. Именно в единстве этих сторон скрывается естественная жизненная энергия культуры⁸⁹.

В свою очередь, единство может быть достигнуто либо совмещением древних национальных традиций и обычаев с современным мироощущением своего народа, либо выражением современного состояния через традиционные формы архаической культуры⁹⁰.

Существуют разные точки зрения на этнофутуризм. По мнению удмуртского поэта В. Шибанова, «этнофутуризм – это птица. Одно крыло которой волочится в древности, а другое крыло в постмодернизме». Финский профессор К. Салламаа подчеркивал, что этнофутуризм направлен против языкового, философского и культурного империализма⁹¹.

Этнофутуризм соответствовал сознанию определенной части интеллигенции, увидевшей опасность разложения, заложенной в потребительском обществе, и стремившейся противостоять этому через обращение к культурным традициям своего народа, через протест против бесчеловечных, разрушительных ценностей современного материального мира.

⁸⁸ Удмуртская литература XX века. Направления и тенденции развития. Ижевск, 1999. С. 260.

⁸⁹ Heinapuu A., Kauksi Ü., Kivisildnik S., Päril-Löhmus M. Etnofuturismi: Ajatustapa ja tulevaisuuden mahdollisuus // Synteesi (Helsinki). 1994. № 4. S. 5–8.

⁹⁰ Удмуртская литература XX века. Там же.

⁹¹ Ropponen V. Ikimüistoista ja upouutta: etnofuturismi yhdistää Udmurtian taiteilijat // Hiidenkivi. 2006. N:o 4. S. 33.

Почти у всех современных карелоязычных поэтов есть стихотворения-воспоминания о людях, что оставили след в духовной жизни карельского народа. Своими произведениями поэты вносят вклад в развитие жанра стихотворного портрета. Наиболее разнообразно этот жанр представлен у М. Пахомова. Что питает интерес к человеческой личности, к характеру выдающихся людей своего народа? В первую очередь, стремление исследовать те духовные родники, которые питают народный характер, те социально-нравственные категории, которые составляют его доминанту. Стихотворения о деятелях национальной культуры не просто дань уважения их памяти, а осмысление продолжающейся традиции.

В современный период карелоязычная поэзия обращается и к исторической проблематике, к размышлениям об истоках карельского национального характера. В истории искал М. Пахомов характеры, которые могли бы воодушевить народ на активные действия. С благодарностью поэт вспоминает подвижников народной культуры и посвящает стихотворение «Kard'alán D'akko» («Карельский Яков») карельскому поэту Яакко Ругоеву; стихотворение «Virđan randal» («На берегу течения») – финскому исследователю Пертти Виртаранта; стихотворение «Kaptan Brendoi» («Капитан Брендоев») – карельскому поэту Владимиру Брендоеву.

При этом вместе с индивидуальными чертами личности М. Пахомов раскрывает и общественное значение своих героев. Таков, например, стихотворный портрет карельского писателя Я. Ругоева, одного из основоположников карельской литературы. Стихотворные портреты карельских писателей – это обращение поэта к родной истории. И в этом смысле можно говорить и об исторической теме в творчестве современных карелоязычных писателей.

Обогащению традиции эпического новыми элементами способствует и переводческая деятельность М. Пахомова. Ему принадлежат переводы русского поэта Андрея Вознесенского, финских поэтов Валтера Ювы и Юрьё Юлхя, карельских поэтов Я. Ругоева и В. Брендоева, ливского поэта Карла Сталтэ. М. Пахомов редактировал переводы на русский и вепский языки стихов финской поэтессы Райсы Лардо, чья книга «Замерзшие птицы падают с веток» была издана на трех языках в Ювяскюля (Финляндия) в 2001 году.

Творчество М. Пахомова можно разделить на две части: исследовательскую и писательскую. Обе составляющие имеют большое значение для развития людиковской литературы и языка. В своей лирике М. Пахомов выражал прежде всего себя и рассчитывал, что читатель примет его субъективность, авторскую манеру и своеобразный язык. В единственной на данный момент поэме «*Luudimua*» поэт свою задачу видел в том, чтобы пробудить у читателей гордость за прошлое своего народа, сделать их соучастниками описываемых событий, захватить реальностью повествования.

Сочетание традиций и новаторства в поэме М. Пахомова «Земля людиков»

Вопрос о соотношении традиционного и новаторского, о преемственности в развитии литературы значительно усложнился на современном этапе, когда наблюдаются процессы взаимодействия и взаимовлияния национальных литератур.

Поэма «*Luudimua*» была опубликована в Петрозаводске в сборнике «*Tuohuz ikkunat*» и свидетельствовала о значительном влиянии карельского фольклора на поэта. В ней широко используются приемы народно-песенного стиля. Поэма написана «калевальской метрикой». Наряду с аллитерацией встречается и явление параллелизма.

В зачине поэмы (стихи 1–22) автор говорит о своем давнем желании воспеть историю земли людиков, родного племени:

Miel' tuli minun piähä,	Мысль пришла в мою голову
Himuotab tozi sanda.	Хочется правду сказать
Rubedank sanelemaha,	Начать рассказ,
Suank d'õ pajatamaha	Получилось уже песнопение
Čoman Kuudamdärven randal,	На берегу красивого Кууярви,
Palolambin pit'kal niemel	На длинных мысах Палоламби
Luudimuan algun sanuud...	Слово о начале земли людиков...

По своей природе зачин поэмы восходит к «Калевале», где есть такие строки:

Мной желанье овладело,
Мне на ум явилась дума:
Дать начало песнопенью,
Повести за словом слово,
Песню племени поведать,
Рода древнего преданье...⁹²

Содержание поэмы «Земля людиков» восходит к древнейшим преданиям людиков и покоится прежде всего на твердом историческом основании, на знании автором быта народа, жизни эпохи, мифологических представлений карелов. Карелы всегда жили среди лесов и озер. Лес «кормил», «поил», «одевал» карела. К примеру, герои поэмы уверены, что водяной дает рыбу, леший дает мясо: «Veden ižand anduu kalad, / Metsan ižand anduu lihad...» («Водяной дает рыбу, / Леший дает мясо...»).

Север воспринимается героями как нечто враждебное, темное и суровое. Страна Похьёла (Север), в представлении древних карелов – это страна тьмы. В эпосе «Калевала» в Похьёле живет старуха Лоухи. Там же проживают и саамы, которые, как и Лоухи, обладают таинственной силой. В поэме М. Пахомова представлен традиционный образ саамов. Они знают заговоры, обращаются к потусторонним силам.

М. Пахомов прав, когда в изображении седой древности рисует в обычаях, обрядности карелов сплав языческих представлений с христианскими воззрениями⁹³.

Говоря о величине земли людиков, М. Пахомов опять-таки использует распространенные в фольклоре мифологические сравнения: «Hebol ajetihe vuoz', soimal soutta pidi koume...» («На лошади ехали год, на лодке плыли три...»).

Соответствует содержанию поэмы метафоричность и архаичность языка. Так, метафорической заменой представлен образ птицы, олицетворяющей предвестника беды: лапландец делает «птицу» (на самом деле стрелу) с железным острым клювом. «Птицу» (стрелу) лапландец делает из ольхи, а как известно,

⁹² Лённрот Э. Калевала: Эпическая поэма на основе древних карельских и финских народных песен / Пер. с фин. Э. Киуру и А. Мишина. Петрозаводск, 2001. С. 17.

⁹³ Прибалтийско-финские народы России. Цит. соч. С. 278.

ольха – одно из деревьев, которое используется в карельской поэзии в качестве поэтического образа.

Молодец в поэме сравнивается с другим деревом – дубом. Дуб имеет целый ряд значений у разных народов. Чаще всего дуб символизирует силу, мощь.

В поэме в качестве метафорической замены используются слова *kandajaane* («мать, матушка») и *kalliž naine* («дорогая, родимая»), которые часто используются в карельском фольклоре для обозначения матери. Поэт оплакивает людиковскую землю, в его воображении соединенную с образом матери: «*Luudin lapsen kandajaane. / Kuudamaažen kalliž naine...*» Слово *kalliž* (дорогая) относится к эмоционально-оценочным, нетропеическим эпитетам. Эпитет несет в себе не только эмоциональную и оценочную функции, но и является средством внутренней организации метафорической замены⁹⁴.

Как в эпосе «Калевала» герои равны друг перед другом, так и в поэме «Земля людиков» нет разделения по социальной принадлежности. Упоминание таких архаичных слов как *emä* (мать, родительница), *uigi* (мужчина), позволяет говорить о сохранившихся в памяти карелов мировоззренческих представлениях.

В поэме нередко идет противопоставление белого и черного цвета. Для обозначения белого цвета используются слова *vaugei* и *vaukta*, которые имеют значение «белый», «светлый». Если в причитаниях они чаще всего являются метафорическими эпитетами (эпитет «белый» очень популярен во всех жанрах карельского и финского фольклора⁹⁵), то в поэме – признаком цвета: Белая река, Белое море, Белое озеро, белые одежды. М. Пахомов использует традиционные при изображении человеческого лица цвета – «белый», «черный» (черные волосы, белое лицо).

Финский исследователь О. Реландер говорил о функции прилагательного «белый» в народной лирике, как об отражении радостного, красивого: «Красивым считался человек светловолосый, светлоглазый»⁹⁶. Таким и представлен образ людика-карела в поэме М. Пахо-

⁹⁴ Степанова А. С. Об особенностях поэтики причитаний // Карельские плачи. Специфика жанра: (Избранные статьи). Петрозаводск, 2003. С. 28.

⁹⁵ Там же. С. 84.

⁹⁶ Relander O. Kuvakielestä vanhemmassa suomalaisessa lyyrillisessä kansanrunoudessa. Helsinki, 1894. S. 230–231.

мова: «Vauktad tukad, vauktad bardad...» («Белые/светлые волосы, белые/светлые бороды...»). Таким образом, изображая карелов, М. Пахомов дает своеобразный коллективный портрет.

Это доброе, положительное отношение автора к своим предкам, этот взгляд «изнутри» людиковского племени не совпадает с восприятием южных карелов северным саамским народом (черноволосям и черноглазым). Идея непримиримой борьбы двух миров глубоко проникла и в непосредственное народное творчество⁹⁷.

Для саамов (как показано в поэме М. Пахомова) людики, по своему внешнему облику резко отличающиеся от привычных представлений, вызывают неприятие (чужой), воспринимаются предвестниками беды; и одновременно предстают как загадочное существо:

Tuli vieraz meiden muaha,	Пришел чужой на нашу землю,
Vauktad tukad, vauktad sobad,	Светлые волосы, светлые одежды,
Pit' kad kuldakynded käziš,	Длинные золотые ногти на руках,
Tuli Čudde Vaugedsilme...	Пришел Чудь Белоглазый...

Под «Чудью» в поэме понимается Волховская Чудь – своеобразный узел связей между прибалтийскими финнами, скандинавами-варягами и восточными славянами, русскими. Последние воспринимали древнегерманское слово *thiudhoо* как *Tjudь* («чужой народ, чужие люди») и соответственно древнегерманское *thiudhiја* как *tjudь* («чужой»). Впоследствии восточные славяне стали применять термин *Tjudь*, превратившийся в Чудь, к прибалтийским финнам (первоначально к Волховской Чуди). Как писал Д. В. Бубрих, лопари (саамы) сохранили воспоминания о нападениях Веси как о нападениях *чуддэ* (*чуддэ* отражает новгородскую озвучку термина *Tjudь*)⁹⁸.

Карелы тоже сохранили предания о противостоянии с саамами. Саамы, по преданиям, обладали большой магической силой. В поэме М. Пахомова есть упоминание о том, как саамы обращаются к сверхъестественным силам: «*Tuldihe tieduunikad,/ Noidat kutstud*

⁹⁷ История советской многонациональной литературы: в 6-ти т. Т. 1. М.: Наука, 1970. С. 46–47.

⁹⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа: Повесть о союзнике и друге русского народа на севере. Петрозаводск, 1947. С. 23–26.

keragale...» («Приходили колдуны,/ Ведьм звали на собрание...»). Однако карелы тоже обладали магическими способностями, о чем свидетельствуют их воспоминания. Например, первые жители севернокарельской деревни Тухкала вынуждены были обратиться к заклинателю деревни Рува за помощью в борьбе с саамами. Он оказался сильнее их и, по преданию, обратил всех в животных⁹⁹.

Таким образом, в сюжете поэмы «Земля людиков» реализованы конкретные исторические впечатления народа, но при этом уловлены лишь общие черты обстановки, взаимоотношений населявших Север народов. В известной степени можно сравнить живопись поэмы М. Пахомова с искусством русской иконописи, которая, писал В. Я. Пропп, «возникает на почве действительности и косвенно отражает ее... Но иконописи чуждо искусство реалистического портрета и бытовой живописи. Иконописец не изображает событий и не портретирует людей. Он их по-своему возвышает и преображает, он создает лики святых»¹⁰⁰.

Многие образы поэмы «Земля людиков» собирательны и несут заряд обобщения. Но помимо таких черт фольклорных образов, как всеобщность, нарицательность, автор «Земли людиков» достигает определенного изобразительного уровня с помощью других известных в фольклористике понятий и терминов. Так, М. Пахомов использует характерный троекратный повтор:

Astui vedhe pien prihač,	Шагнул в воду маленький мальчик,
Astui vedhe guavaz ukko,	Шагнул в воду старик,
Dälges astui vägev uroi,	Следом шагнул молодец,
D’oges piäliči ujui.	Переплыл через реку.

Повторы в фольклоре помогают выделить основной образ, основную мысль. Как и в сказке, лишь на третий раз удастся преодолеть водную преграду, и удача приходит именно к «молодцу». Когда же М. Пахомов пишет, что «Nouzi uroi vedespiä...» («Поднялся

⁹⁹ Лавонен Н. А. Заговоры в кругу религиозно-магических представлений карел (по материалам экспедиций 1975–1984 гг.) // Обряды и верования народов Карелии. Петрозаводск, 1988. С. 136.

¹⁰⁰ Пропп В. Я. Об историзме русского фольклора и методах его изучения // Ученые записки ЛГУ. № 339. Серия филологических наук. Вып. 72. Л., 1968. С. 15–16.

молодец из воды...»), то этот образ невольно заставляет вспомнить образы, встречающиеся в карело-финском фольклоре и «Калевале»: «Nousira merestä miesi, / uros aallosta yleni...». Этот образ перекликается и с «...тридцать витязей прекрасных, чредой из вод выходят ясных...» из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила».

В фольклоре отражен язык народа, его мировоззрение, отмечал В. Я. Пропп¹⁰¹. О влиянии устной народной поэзии говорит и тот факт, что когда-то информация передавалась из уст в уста («Miä kuulín sida diedol, / Diedole pruadied sanui...») («Я слышал их от деду, / Деду прадед сказывал...»)), и автор поэмы подчеркивает это.

Присущие фольклору особенности сюжетосложения, манера эпического повествования, принципы обрисовки характеров – все это помогает автору поэмы «Земля людиков» более широко осмыслить судьбы карельского народа, выразить авторскую веру в его духовные силы.

Тема народа, исторических судеб родины – главная в поэме «Земля людиков». Как говорил М. Горький в 1929 году, обращаясь к крестьянским писателям, «народное творчество дает большой фактический материал по знанию так называемого „народного духа“¹⁰². Из летописных рассказов, древних рун, историко-песенного фольклора М. Пахомов почерпнул многие реалии жизни земли людиков, исторических событий, положений и персонажей. Имеющая повествовательный характер поэма (в ней отсутствуют диалоги), изображает в общих контурах исторический путь карелов-людиков. При этом автор сохраняет известную свободу своего вымысла, оставаясь верным общей направленности событий многовековой давности.

Известная исследовательница северных преданий Беломорско-Онежского региона Н. А. Криничная отмечала, что предания по сравнению с эпосом «гораздо менее каноничны и гораздо более подвержены трансформациям в соответствии с общественно-историческими запросами определенной эпохи. И потому тенденция наполнения традиционных гиперболических образов реальным содержанием с достаточной определенностью в них реализуется»¹⁰³. В качестве примера

¹⁰¹ Пропп В. Я. Фольклор и действительность: избр. ст. М., 1976. С. 16.

¹⁰² Пути развития крестьянской литературы. Стенограммы и материалы Первого Всероссийского съезда крестьянских писателей. М.; Л., 1930. С. 143.

¹⁰³ Криничная Н. А. Персонажи предания: становление и эволюция образов. Л., 1988. С. 176.

она приводила предание о схватке карельских крестьян со шведскими захватчиками, когда в деревне Поросозеро один из «бойких и сильных» крестьян, когда двенадцать шведов явились в деревню, схватил их лодку за нос и опрокинул ее, так что некоторые из шведов утонули, других он послал ко дну ударами аншпуга. По мнению ученого, в этом предании в изображении «воинской» функции персонажей трансформируются в реалистическом направлении связанные с ней гиперболические элементы¹⁰⁴.

Подобное преодоление традиций (в эпоху господства первобытного сознания поединок героя с антагонистом приобретал мифологические очертания) наблюдается и в поэме М. Пахомова «Земля людиков», где уже в реалистическом направлении рисуются достоверные картины древней жизни людиков (поиски ими лучшей земли, схватки с врагами, испытания войной со шведами), причем героические деяния приписываются уже не одному герою, а множеству персонажей, всему племени людиков.

Упоминание в поэме М. Пахомова о Биармии опирается на сведения в скандинавских сагах, в которых «*Vjarmaland*» рисовалась сильным, могущественным государством. При рассмотрении термина «*Vjarmaland*» Д. В. Бубрих напоминал о существовании другого термина – Пермь: «Весь называла Заволочье „*Perämaa*“ („Задняя земля, земля за рубежом“), т. е. „Заволочье“¹⁰⁵. В «Земле людиков» представлены оба термина, причем автор подчеркивает тесные связи Биармии со Швецией, а Перми – с Россией: «*Vjarmaks kutsui sida ruoč, / Permaks kirgui venälaane...*» («Биармейцы позвали сюда шведа, пермяки позвали русского...»).

В середине XII века был построен русский город Вологда (от веского названия реки *Valkedha* или его переработки «Белая»)¹⁰⁶. Упоминание в «Земле людиков» Белой реки позволяет сделать вывод, что действие поэмы относится к данному периоду русской истории.

О степени реальности изображаемых в поэме событий свидетельствует частое упоминание географических мест, связанных с понятием о железе: есть залив Мечей, залив с ржавой водой, указывается место с залежами железной руды (из железа делали нако-

¹⁰⁴ Криничная Н. А. Указ. соч. С. 184–185.

¹⁰⁵ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Цит. соч. С. 30.

¹⁰⁶ Там же. С. 29.

нечники для стрел). Эти приметы соответствуют проживанию людиков по соседству с Заонежьем, богатым железорудными ископаемыми, и отвечают границам диалектологической области северных людиков (севернее села Спаская Губа).

С характерной для древнерусской литературы «мерюю обобщения и минимумом жизненно наблюдаемых деталей»¹⁰⁷ в поэме М. Пахомова упоминаются живущие по соседству финно-угорские народы:

Suves vepsad eletihe,	На юге вепсы жили,
Pohd'aazes – ned lappalaažed,	На севере – лапландцы,
Kard'alaažed – päivänlaskus,	Карелы – на западе,
Komilaažed – päivännouzus.	Коми – на востоке.

Используемая этническая терминология соответствует историческим событиям, происходившим в Карелии, «когда Весь колонизировала Олонецкий перешеек, к югу оказалась территория Веси же Vepsä, а к северу – территория лопарей, Lappi. Соответственно и южные соседи назывались Vepsä, а северные Lappi»¹⁰⁸.

Поэт вводит в поэму много топонимических названий: деревня Виданы, мыс Хийденниemi, Ивановский остров, остров Кижы, водопад Кивач, озеро Укшезеро, деревня Гомсельга. Тем самым автор подчеркивает конкретность описываемых в поэме событий, глубокие корни духовной культуры людиков, оставивших потомкам названия некоторых мест, связанных с именами (Miiklansuari, Iivunsuari); произрастающими в Карелии растениями (в Виданах растет ельник, на Сосновом острове – сосна); с деревенскими праздниками (на острове Кижы проводились игрища).

Как и в свою лирику, так и в поэму «Земля людиков» М. Пахомов вводит образ тропы (troppa), которая в одном случае предстает как жизненная нить (rihmatroppa), ведущая человека по верному пути сохранения традиций карелов-людиков, а в другом случае (когда людики оказываются в Лапландии) тропа (troppa) воспринимается как символ враждебных сил: «Mäni mustad troppad myöti,

¹⁰⁷ Лихачев Д. С. Человек в литературе древней Руси. М., 1970. С. 35.

¹⁰⁸ Бубрих Д. В. Происхождение карельского народа. Цит. соч. С. 39.

/ Mustal tropal – mustad silmäd...» («Шли по черным тропам, / У черной тропы – черные глаза...»).

Завершается «Земля людиков» (заключительная песнь, стихи 170–173) авторским обращением к читателю быть тесно связанным с историей и делами своей родины, беречь и приумножать духовное наследие предков, помнить:

Muga ende eletihe,	Так раньше жили,
Lyydin lapsed ruatihe	Дети людиков трудились
Omal armahal Lyydimual,	На своей любимой земле людиков,
Suuren iänišdärven randal.	На берегу большого Онежского озера.

(Перевод Э. Алто)

Достижения поэмы стали возможны потому, что М. Пахомов в своих поисках опирался не только на национальные традиции, в частности на опыт развития поэмы 1940–1950 годов, но и на традиции фольклора. В поэме М. Пахомова крестьянская фольклорная культура прошлого соединяется с новыми устремлениями коренных народов России, что проявляется в обращении к судьбе своего народа.

При всех достаточно скромных успехах литературы на людиковском наречии карельского языка, при всей малочисленности национальной интеллигенции, в ней усилиями Мийкула Пахомова наблюдается «этнокультурная мобилизация», процесс сохранения и приумножения культурного наследия.

С 2005 года в Финляндии «Людиковское общество» выпускает журнал «Lüüdilaine» («Людик»), который выходит один раз в год. В журнале освещаются вопросы исследования, развития, обучения, сохранения людиковского наречия. Материалы публикуются на финском, русском и карельском языках. Причем, карельские тексты публикуются как на латинице, так и на кириллице. В 2008 году вышел первый номер газеты «Людик». В ней публикуются материалы на русском и карельском языках.

Таким образом, становление литературы на людиковском наречии карельского языка на рубеже XX–XXI веков связано, прежде всего, с развитием в ней жанра поэмы; первые значительные достижения в этой области относятся к началу 1990-х годов и непосредственно связаны с творчеством М. Пахомова. Про-

слеживаются тесные типологические сходства созданных на людиковском наречии стихов и поэмы с нравственно-этической по проблематике поэзии, созданных на ливвиковском и собственно карельском наречиях, а также с современной, сочетающей синтез с анализом, поэзии Финляндии.

Тема национального возрождения, утверждение силы творца истории народа становится главным содержанием поэзии на людиковском наречии карельского языка, берущей истоки непосредственно из устного народного творчества и сближающейся по своей тематике и проблематике с литературой других финно-угорских народов России.

ГЛАВА 4

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА СОБСТВЕННО КАРЕЛЬСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Существует общность в литературе разных народов. Это проявляется в идейном содержании, тематике, сюжетах, образах, поэтических приемах. Общность может быть исконной или приобретенной в результате общения с соседними народами. Сложность национальных традиций, их глубинность следует учитывать при изучении путей становления национальной литературы.

Нельзя забывать, что культура Карелии в силу своего пограничного положения с давних пор испытывала воздействие как русской, так и финской культуры и литературы; как православной, так и лютеранской религии. Принятие карелами православия определило их позицию в отношениях между Западом и Востоком. И, тем не менее, карелам стоило немалых усилий из века в век отстаивать свою этнокультурную индивидуальность.

Все сказанное особенно относится к литературе, развивающейся сегодня на собственно карельском наречии, которое распространено в средней и северной Карелии и имеет сходные черты с финским языком. Известно, что собиравший фольклор в Северной Карелии Элиас Лённрот, принял язык, на котором говорили северные карелы, за диалект финского языка. Современные ученые-языковеды единодушно признают весомую роль, которую карельский язык сыграл в формировании современного финского языка¹⁰⁹.

Поскольку национальное самосознание отражает национальную принадлежность индивида, характеризует его как личность, включенную в систему внутризотических связей и отношений¹¹⁰, то

¹⁰⁹ Хайду П. Уральские языки и народы / Пер. с венг. Е. А. Хелимского; под ред. К. Е. Майтгинской. М., 1985. С. 94.

¹¹⁰ Кожанов А. А. Методика исследования национального самосознания (опыт разработки по материалам Карельской АССР): Автореф. канд. дис. М., 1978. С. 5.

будет уместно напомнить о некоторых особенностях исторической судьбы северных карелов, чья территория расселения на протяжении столетий находилась в западной ее части – под влиянием Финляндии и в восточной – под влиянием России.

Жившие в начале XX века в Кемском уезде (ныне Кемский район Республики Карелия) северные карелы были причислены к Архангельской губернии (ныне Архангельская область). Однако жители западных уездов имели тесные экономические связи с входившим в состав Российского государства Великим княжеством Финляндским и испытывали заметное влияние финской культуры. Об этом свидетельствует переписка уездного земского исправника с архангельским генерал-губернатором, находящаяся в фондах Государственного архива Архангельской области (ГААО), которая содержит ценные сведения об обстановке в национальных районах Беломорской Карелии в 1905–1907 годах и о характере национальных запросов, которые обсуждались на крестьянских сходах в северокарельских волостях до передачи их в Государственную Думу¹¹¹.

Так сложилось, что территория Северной Карелии имеет ряд названий: Беломорская, так называемая *Vienan Karjala*, *Viena*; территория Тунгуды, земля Калевалы. Эти названия имеют глубокие исторические корни. На территории Финляндии до конца XX века существовала губерния Северная Карелия (*Pohjois-Karjala*), которая была расположена на востоке Финляндии. В научной среде сохраняется и название «Беломорская Карелия», которое четко ограничивает территорию Северной Карелии¹¹². Территория Тунгуды – это существовавший ранее Тунгудский район, территория которого с 1955 года вошла в состав Беломорского района Республики Карелия. Когда же говорят о «земле Калевалы», то обычно подразумевают под этим территорию Калеваль-

¹¹¹ Дубровская Е. Ю. О перспективах исследования национального движения карельского народа в начале XX века // Развитие советских финно-угорских народов: история и современность: Тез. докл. Всерос. науч. конф. Сыктывкар, 1991. С. 61.

¹¹² В 1921 году в Хельсинки вышла книга под редакцией А. Р. Ниemi «*Vienan läänin runonlaulajat ja tietäjät*», в которой содержится информация о рунопевцах и знатоках Беломорской Карелии: Архиппе Перттунене, Марие Ремшуевой, Анни Лехтонен, Ондрее Малинене и др.

ского района Республики Карелия. Словом, современная Карелия и историческая Карелия, по мнению Э. Г. Карху, – это разные понятия с точки зрения фольклорной традиции¹¹³.

Среди литературных жанров у большинства малых народов особое место занимает эпос, который несет художественный и, главным образом, национальный смысл в отличие от всех иных явлений литературы¹¹⁴. Калевальскую землю в разные годы посещали финские исследователи Якоб Феллман, Сакари Топелиус (старший), Элиас Лённрот. Целью их поездок было знакомство с Карелией и ее устными традициями. Поездки Э. Леннрота вылились в созданную им на основе древних карельских и финских народных песен эпическую поэму «Калевала»¹¹⁵.

Установление советской власти в Карелии шло в условиях гражданской войны и интервенции. После образования в 1920 году Карельской Трудовой Коммуны в школах Северной Карелии обучение велось на финском языке. Финская классическая литература входила в школьные программы. По словам Я. Ругоева, в понимании этой литературы северные карелы не испытывали языковых затруднений¹¹⁶. Видимо поэтому, в 1940–1980-е годы, когда литература развивалась на финском языке, так много выходцев из Северной Карелии добились успехов на литературном поприще. Подробнее об этом написано в Главе 1.

В «Истории литературы Карелии» творчеству финноязычных авторов посвящен целый том. Э. Л. Алто во втором томе «Финноязычная литература Карелии» осветила творчество северных карелов Я. Ругоева, Н. Яккола, Н. Лайне, А. Тимонена.

Подтверждением роли карелов в развитии финноязычной литературы Карелии является и то, что с 2002 года совместно с

¹¹³ Фонограммархив Института языка, литературы и истории Карельского научного центра Российской академии наук (далее ФА ИЯЛИ КарНЦ РАН). Ф. Э. Г. Карху. Д. 3. Тетрадь 10. Файл 001.

¹¹⁴ Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / Пер. с венг. Йошкар-Ола, 1993. С. 101.

¹¹⁵ Мишин А. «Калевала» – поэма Лённрота // Лённрот Э. Калевала: Эпич. поэма на основе древ. карел. и фин. народ. песен. Изд. третье, доработ. Петрозаводск, 2001. С. 5–15.

¹¹⁶ Корни писательского творчества: (К шестидесятилетию Я. В. Ругоева) / Беседа перевел и оформил Э. Г. Карху // Север. 1978. № 4. С. 127.

финским фондом «Юминкеко» стали переиздаваться книги севернокарельских авторов в серии «Классики карельской литературы». Вновь увидели свет романы О. Степанова, А. Тимонена, рассказы П. Пертту, стихи Я. Ругоева и Н. Лайне. В книгу П. Пертту «След лодки Вяйнямейнена» (2004) вошли два рассказа на карельском языке из его книги «Лукавинки».

В конкурсе «Книга года Республики Карелия» в номинации «Лучшая книга на карельском, вепском и финском языках» в разные годы третьей премии удостоивались роман О. Степанова «Родичи» (2002), книги П. Пертту «След лодки Вяйнямейнена» и Я. Ругоева «Камень в пороге» (2004).

В 1989 году был утвержден алфавит карельского языка на основе латинской графики; встал вопрос о создании карельской письменности на базе разных диалектов: в Республике Карелия – на ливвиковском наречии и беломорских говорах собственно-карельского наречия, в Тверской области – на местных собственно-карельских говорах. В 1990-е годы появился проект создания письменности для людиковского наречия.

Современных писателей с предшествующим поколением объединяют общие особенности образного видения мира, национально-самобытные черты художественного мышления. При изучении современных этнических процессов следует учитывать не только общность разных народов, но и их различия, ибо «поэзия всякого народа находится в тесном соотношении с его историей»¹¹⁷.

Литература на собственно карельском наречии, как и любая национальная литература, базируется на трех «китах»: родном языке, фольклоре и традиции. Фольклор является знаком национального самосознания¹¹⁸. Необходимо учитывать степень его весомости в развитии той или иной национальной традиции.

Близость севернокарельского наречия к финскому языку сыграла свою положительную роль как в становлении литературы на этом наречии, так и в сохранении читательской аудитории, привыкшей к тому, что литературным языком Карелии наряду с русским со времени образования Карельской Трудовой Коммуны и по сей день является

¹¹⁷ Белинский В. Г. Полн. собр. соч. Т. 5. М., 1954. С. 328.

¹¹⁸ Померанцева Э. В. Этнические функции устной прозы народов Поволжья // Отражение межэтнических процессов в устной прозе. М.: Наука, 1979. С. 104.

финский литературный язык с латинской графической основой. При всей распространенности явлений билингвизма в среде северных карелов (многие из них могут говорить и писать на карельском, финском и русском языках) сама открывшаяся в постсоветскую эпоху возможность создавать произведения на родном наречии не могла не привлечь в журналистику и литературу истинных патриотов своего северного края, где были записаны руны эпоса «Калевала», наглядно показавшие красочность и богатство карельского языка.

На первом этапе, в 1990-е годы, на собственно карельском наречии начала формироваться литература христианского просвещения (переводы с библейских и других церковно-религиозных книг). Институт перевода Библии (Финляндия) издал «Iisussan elämä» («Жизнь Иисуса», 1992); «Jevanheli Markin kirjuttamana» («Евангелие от Марка», 1996); «Jevanheli Lukan kirjuttamana» («Евангелие от Луки», 1999), «Apostolijen toiminta» («Деяния святых Апостолов», 2004); «Uusi Šana» («Новый Завет», 2011). Эти издания были поддержаны православной церковью, ибо, по мнению Епископа Петрозаводского и Олонецкого Мануила, для любого народа и в любые времена появление Слова Божия на национальном языке становилось событием духовной истории народа¹¹⁹.

1990-е годы стали периодом осознанного личного участия карельской интеллигенции в создании учебников родных языков на основе новых алфавитов. Напомним, что еще в 1911 году Мункачи писал: «Очень редкие жители Приуралья и Сибири знают буквы... Книгу и буквы для них заменяют живые устные традиции, которые играют здесь намного большую роль, чем у просвещенных народов, поскольку являются средством сохранения исторического сознания...»¹²⁰.

Первыми шагами на пути создания письменности на собственно карельском наречии стал выпуск в 1992 году букваря «Vienan aapini», а в 2004 году – учебно-наглядного пособия «Opassamma vienan kieltä» («Учимся говорить по-карельски»). Появились книги для чтения (для II класса «Kaunista karjalua» («Прекрасный карельский язык», 1993); для III–IV классов «Luvemma vienankarjalaksi» («Читаем на север-

¹¹⁹ Мануил. К Благочестивым читателям слова Божия // Jevanheli Lukan kirjuttamana. Helsinki; Stokholmi, 1999.

¹²⁰ Munkácsi B. Az ural-altaji népek // Egyetemes Irodalomtörténet. IV. szerk. Heinrich Gusztáv. Budapest, 1911. S. 67.

нокарельском», 1995)). В создании учебников и «Книг для чтения» на собственно карельском наречии большая заслуга принадлежит П. М. Зайкову, Р. П. Ремшуевой. Уроженцы Северной Карелии, они с любовью отбирали для чтения школьникам образцы фольклора (сказки, пословицы, поговорки, загадки), переводили на собственно карельское наречие произведения русской классики, создавали оригинальную прозу и поэзию. Заметный вклад в приобщение читателей к богатствам карельского фольклора внесла известный фольклорист А. С. Степанова, опубликовавшая ряд сборников карельских сказок. Она подготовила издание вышедшей в 1991 году и предназначенной учащимся школ хрестоматии по карельскому фольклору «Aukaisen sanaisen arkun» («Песенный откром короб»), куда вошли различные жанры устной народной поэзии. Еще одну хрестоматию «Карельский фольклор», предназначенную для студентов, в 1992 году подготовила и опубликовала Н. А. Лавонен. В 1994 году вышел в свет сборник сказок «Kultariälintu» («Златоглавая птица»), составителями которого являются А. С. Степанова и П. М. Зайков.

Первые книги по обучению грамоте, чтению: азбуки, буквари, книги для чтения, имеют прямое отношение к развитию детской литературы на карельском языке. Эта литература формируется под воздействием русской литературы и карельского фольклора.

Эти издания еще раз подчеркнули тот факт, что литература на собственно карельском наречии принадлежит к словесности, истоки которой идут из богатого народно-поэтического творчества карелов. Прав В. Кожин, который писал, что «каждая литература... исходит из вековых и тысячелетних культурных традиций, которые не находили очевидного для всех воплощения, но тем не менее жили и развивались в самом бытии людей, в нравственном и эстетическом сознании»¹²¹.

Большую роль в развитии карельской культуры и литературы сыграла просветительская деятельность «Oma Maa» («Родная Земля»). На ее страницах стало привычным появление материалов на собственно карельском наречии карельского языка. В ноябре 1999 года вышел первый номер газеты «Vienan Karjala» («Беломорская Карелия»),

¹²¹ Кожин В. Современная жизнь традиций: Размышления об абхазской прозе // Дружба народов. 1977. № 4. С. 252.

что сыграло существенную роль в пробуждении национального самосознания, в развитии литературы и публицистики. Вокруг газеты стали группироваться литературные силы, сформировался круг преданных читателей. Так, жительница д. Паданы Медвежьегорского района А. С. Сидорова хранит все выпуски газеты «Oma Mua» с самого первого номера¹²², настолько сильным, неизгладимым оказалось впечатление от знакомства с печатным словом на родном языке.

Газеты «Oma Mua» и «Vienan Karjala» стали неотъемлемым и живым атрибутом пробужденной национальной культурной жизни. Они находили свой путь к читателю, несмотря на трудности с их распространением. Газеты откликались на жажду народа в живом художественном слове на карельском языке, охотно печатали начинающих авторов и вместе с журналом «Carelia» («Карелия») во многом способствовали развитию литературы на карельском языке.

Для авторов, творивших на собственно карельском наречии, газета «Vienan Karjala» стала своеобразным просветительским центром, уникальным источником познания проблем национально-культурного пробуждения, важным залогом дальнейшего существования письменности.

Газета «Vienan Karjala» способствовала организации и сплочению литературного актива, решившего посвятить свои усилия изданию произведений на собственно карельском наречии. Пройдя путь от создания публикаций на родном языке, переводов религиозных текстов, создания азбуки, грамматик, словарей, учебников, творческая интеллигенция перешла к оригинальным произведениям и переводам классических художественных произведений народов мира. Ранее других жанров стала развиваться поэзия. Гражданская, любовная и пейзажная лирика уроженцев Северной Карелии насыщена элементами народно-поэтического стиля.

Фольклор и есть та многовековая плодотворная почва, на которой ныне расцвела литература на карельском языке. Не случайно подготовленный Э. Г. Карху первый том «Истории литературы Карелии» – «Карельский и ингерманландский фольклор» – посвящен народному творчеству. Взаимопроникновение фольклора и литера-

¹²² Mironova V. Rahmannoit seesjärveläzet jiidih mieleh // Oma Mua. 2005. 21. heinük.

туры – одно из наиболее характерных явлений в литературе на собственно карельском наречии. В карелоязычной поэзии обращение к фольклору занимает существенное место. У разных поэтов характер влияния устного народно-поэтического творчества и его результат неодинаков.

В 1999 году в Петрозаводске был опубликован сборник стихов «Vienani ihanat illat» («Прекрасные вечера Калевалы»), в котором были представлены произведения девяти женщин-поэтов Беломорской Карелии. Они разного возраста, разного происхождения (среди них есть представительницы известных рунопевческих родов), разных судеб. Одни из них (Т. Перттунен, М. Михеева, Н. Хотеева) сохранили размер и ритмомелодику народной песни, демонстрируя верность стихотворной традиции, передававшейся из поколения в поколение; другие (С. Колпакова, М. Туйску, Т. Лехто) – попытались обновить традиционное стихосложение. У каждой свой поэтический голос, но они едины в любовном изображении родного края и его прекрасных людей. Центральное место в творчестве северных карелов занимает понятие «родная земля».

С этническими и религиозными традициями народа связана и образная специфика литературы на собственно карельском наречии, где непреходящее значение имеет фольклорное наследие. Это объяснимо тем, что литературе на собственно карельском наречии в решении проблем национальной самобытности приходится обращаться к фольклорно-мифологическим истокам. Для поэзии северных карелов свойственен так называемый калевальский стих со всеми его поэтическими особенностями (это особая ритмика, параллелизм, аллитерация). Широкое распространение получил жанр сказки.

Верность устной традиции особенно присуща старшему поколению, которое извечно занималось сельскими заботами, охотой, рыболовством, и для которого первостепенную ценность имеют созданные народом и передаваемые из поколения в поколение сокровища духовной культуры, которые впитали народную мудрость, нравственные идеалы и стремления людей.

Эти присущие фольклорным произведениям «изначальные, самые важные нравственные правила, заповеди, которые должны

были свято соблюдаться всеми членами общества»¹²³, раскрыты в сборнике «Kotikyläni Kostamus» («Моя родная деревня Костомукша», Калевала, 1993) составленном Иро Пекшуевой (Ириной Артемовной Пекшуевой), старейшей жительницей Костомукши. Как она сама говорила: «Никого не знаю, кто бы был старше меня. Есть 80 и 82-летние старики, но 87-летнего не знаю никого»¹²⁴. Будучи знатоком карельского фольклора, Иро сама придумывала сказки и стихи. Она родилась 30 апреля 1905 года в маленькой лесной деревушке Суоярви. В семье было 10 детей, но только шестеро выжили (5 девочек и 1 мальчик). Старшей сестрой Иро была мать будущего карельского писателя Яакко Ругоева. В деревне из десяти домов жили представители трех крестьянских родов: Пекшуевы, Ватанены и Ругоевы. Их быт, привычки, обычаи раскрыты в автобиографических рассказах, которые чередуются со стихами Иро Пекшуевой.

В содержании книги доминирует эпическая проблематика, воспеваются любовь к родной земле, долг перед старшими, уважение к труду, забота о детях. Калевальской метрикой написано автобиографическое стихотворение «Laulu ichestäni» («Песня о себе»). Лирическим чувством наполнено стихотворение «Lokkakivi» («Камень»), где автор вспоминает, как с ровесниками играла в детстве на берегу озера Суоярви. О емкости народной памяти свидетельствуют рассказы: «Piipuri» («Трубка»), «Heinääh hakemassa» («За сеном»), «Kalanjako» («Раздел рыбы»), раскрывающие нравственные ценности национального мироотношения.

Представленные в сборнике И. Пекшуевой сказки, потешки, загадки, пословицы и поговорки написаны в традиционной севернокарельской традиции. Например, поговорка «Juakko jalalla, muut hevosella» («Яков ногами, другие на лошади»), пословица «Etsit hyvää, a hyvää ielläh hurräy» («Ищешь хорошего, а хорошее дальше прыгает») и другие. Наряду с авторскими произведениями в книгу были включены и отдельные записи фольклора северных карелов.

Уважением к богатству и разнообразию созданной карельским народом духовной культуре руководствовался и фонд Архиппы Перттунена, профинансировавший издание книги «Priusan kolkkajaiset»

¹²³ Степанова А. С. Предисловие // Песенный открою короб: Хрестоматия по карельскому фольклору. Петрозаводск, 1991. С. 3.

¹²⁴ Peksujeva I. Kotikyläni Kostamus. Kalevala, 1993. S. 7.

(«Стук цепа», Калевала, 1996) Лемпи Люютинен. В нее вошли фольклорные произведения (поговорки, загадки, песни) тети Л. Люютинен Анни Охвовны Салминен и ее матери Катри Охвовны Люютинен, а также оригинальные сказки и стихи самого автора.

В карельских сказках в качестве традиционных зачинов широко используются формулы: «*olira ennein*», «*oli ta eli ennein*», «*olira keppan*» и т. п. Это соответствует зачинам русских сказок: «жил-был», «жила-была», «жили-были» и пр. Такие традиционные особенности сказок наблюдаются в творчестве писательниц – северных карелок.

Несмотря на влияние русских и финнов, у северных карелов есть свои карельские сюжеты. Вряд ли можно отнести к русскому фольклору сказку о неверной жене, написанную Л. Люютинен. В сказке «*Pyhäveli*» («Любовник») о жене-изменщице и ее любовнике использована колыбельная, в контекст которой включен текст обращения жены к любовнику. В этой сказке нет традиционного зачина, зато есть традиционное окончание. Заканчивается сказка традиционными для севернокарельской фольклорной традиции словами: «*Sen pituvuus i starina*» («Такой длины и сказка»).

Окончание сказки во многих случаях обозначается предельно краткой фразой или даже одним словом рассказчика: «Такой длины и сказка». Но можно встретиться и с более развернутыми присказками.

Как краткие, так и развернутые присказки содержат:

1. Извещение рассказчика об окончании сказки: «Такой длины и сказка».
2. Похвалу рассказчику: «листок слушавшему...» и т. п.

Конечно, не все эти элементы присутствуют в каждой сказке.

Сказка «*Köyhä ta pohatta veli*» («Бедный и богатый брат») повествует о доброте бедных и жадности богатых. Сюжет рассказа для детей «*Pieni kontienpentu Miša*» («Маленький медвежонок Миша») построен на перипетиях судьбы медвежонка, которого приручили к себе приехавшие в деревню Хайколя геологи. Автобиографический характер имеет «*Loru itsestäni*» («Потешка о себе»).

Не стоит преувеличивать художественную ценность первых произведений на собственно карельском наречии. Что касается прозы, то это, как правило, цепь эпизодов, связанных между собой не столько развитием характеров действующих лиц, сколько развертыванием сюжета, описанием обстоятельств текущей жизни героев. Такие особен-

ности характерны для ускоренного типа развития младописьменных литератур. И, тем не менее, опираясь на фольклор как на одну из основ своего развития, литература на собственно карельском наречии постепенно обогащалась художественными приемами наиболее полного выявления типических особенностей национального характера.

Фольклорные материалы Северной Карелии использовались писателями в разных формах: иногда устные сюжетные произведения полностью переходили в художественную литературу; в других случаях писатели подвергали литературной обработке основные фольклорные идеи, сюжеты, образы; в третьих – своеобразно заимствовали отдельные идейно-художественные мотивы фольклора, каждый в соответствии с особенностями своей творческой манеры, конкретного художественного замысла. Как отмечал Л. И. Емельянов, в таких случаях авторов «объединяло признание объективного художественного потенциала народного творчества, признание необходимости включить богатейший художественный опыт фольклора в опыт литературный»¹²⁵.

Примером умелого творческого использования фольклорных материалов может служить творчество Раисы Ремшуевой (род. 1950), уроженки деревни Толлорека Калевальского района. После окончания финно-угорского отделения историко-филологического факультета Петрозаводского государственного университета она два десятилетия работала в Институте языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН, изучала карельские народные баллады. В фольклорных экспедициях она собирала руны, плачи, баллады, сказки. Опубликовала сюжетно-тематический каталог «Карельские народные баллады» (1990), научные работы: «Кантелетар» Элиаса Лённрота и народная песня» (1990), «Карельская народная баллада и „Кантелетар“ Элиаса Лённрота» (1993); перевела с финского языка (в соавторстве) «Путешествия Элиаса Лённрота: Путевые заметки, дневники, письма 1828–1842» (1985). Несколько лет Р. Ремшуева преподавала фольклор в Карельском государственном педагогическом университете. Такая увлеченность фольклором во многом объяснялась семейными традициями. Ее мать Александра Андреевна Ремшуева (Сантра Ремшуева, 1912–2010) являлась знатоком рун

¹²⁵ Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. Л., 1978. С. 192.

и традиций северных карелов, а бабушка Мари Кююренен (1883–1979) была известна как хорошая рассказчица, с которой был знаком финский исследователь Пертти Виртаранта.

Поэтому когда Р. Ремшуева обратилась к литературному творчеству, она смогла не только заимствовать из фольклора те или иные изобразительные средства, но и естественно переводить их в план индивидуального художественного творчества. Р. Ремшуева относилась к тому обозначенному Л. Емельяновым литературному поколению, которое «могло относиться к изобразительным средствам, выработанным когда-то литературой в творческом взаимодействии с фольклором, как к традиции собственно литературной»¹²⁶. В 1990-е годы Р. Ремшуева не только возглавляла редакцию газеты «Vienap Karjala», но и приняла участие в переводе Библии; выпустила книги для детей «Ihmehhete» («Чудесный родник», Petroskoi, 1999) и «Kolo-kolo kotasie» (Петрозаводск, 2006); приняла участие в создании учебников для Северной Карелии; перевела роман Л. Кунтиярви «Вместе вознеслись» («Yhessä yletti», Petroskoi, 2004) на собственно карельское наречие карельского языка; и наконец, вышла к читателям со стихами на родном языке. Свое творчество автор подписывает, используя псевдонимы Iro Joki и Sara Kuitin.

Книга для чтения «Чудесный родник» включает в себя как произведения фольклора, так и художественной литературы. Художественная литература носит переводной характер. Первая часть книги содержит обработки рассказов Л. Толстого, В. Сухомлинского, Е. Чарушина, К. Ушинского и др. Вторая – переводы сказок народов мира, карельские сказки, потешки, игры, загадки.

В коллективном сборнике «Omil pordahil», Р. Ремшуева опубликовала стихотворение «Ihahko tosieh?» («Неужели это правда?»), где использовала оригинальную форму народной кумулятивной песни с цепочкой одинаковых по синтаксису предложений:

Olin eklein Lumimuašša,	Я была вчера в снежном царстве.
Kummua šielä nävin:	Там я видела диво дивное:
Lumimiehiet lumipäiset	Снежные мужи со снежными головами
Lumičäijyö juutih.	Попивали там снежный чай.

(Перевод А. Мишин)

¹²⁶ Емельянов Л. И. Методологические вопросы фольклористики. Л., 1978. С. 185.

Литературовед А. Мишин справедливо отметил в приведенных строках энергию и выразительность образов¹²⁷, самобытность художественного мышления автора.

В данном стихотворении идет повествование о трех царствах, в которых побывала рассказчица: снежном, листовном, цветочном. Это указывает на тесную связь автора с фольклорной традицией. Как в карельской, так и в русской традиции есть сказки о трех царствах: золотом, серебряном и медном. Сказки с такими сюжетами встречаются и у финноугорских народов, например у эстонцев¹²⁸. Здесь Р. Ремшуева несколько отходит от сложившейся традиции, заменяя золотое, серебряное и медное царства снежным, листовным и цветочным.

Пишущие на собственно карельском наречии литераторы обычно обладают серьезным опытом и способны заставить людей по-новому взглянуть на явления жизни. Они, как правило, вышли из крестьянской среды и выступают противниками обезчеловечения человека, что присуще «бульварной» литературе с ее культом жестокости, развращенности и цинизма. Их сила – в глубоких жизненных корнях, в том, что они с любовью освещают бытие земляков, внушают веру в силу добра, гуманности – при всем несовершенстве мира и пороках современного собственнического общества.

Такой была нравственно-общественная позиция начавшего писать стихи уже в конце жизни заслуженного работника культуры Карелии Вейкко Федоровича Пяллинена (1921–2001), известного в Калевале музыканта. Увлечение народной культурой перешло у Вейкко Пяллинена в сочинение песенной и танцевальной музыки. Ему принадлежит авторство ряда песен на стихи поэтов Я. Ругоева, Т. Сумманена, Л. Хело, В. Эрвасти. Для некоторых своих мелодий В. Пяллинен сам написал слова. Сочинял он и стихи для детей. В 1996 году он составил сборник песен «Kalevalan kehto» («Колыбель Калевалы»), в который вошли тридцать песен на финском и карельском языках.

Стихотворение В. Пяллинена «Leppä» («Ольха»), опубликованное в сборнике «Omil pordahil», рисует образ дерева, которое

¹²⁷ Мишин А. «Дать начало песнопенью...»: (Современная карелоязычная литература в исторической перспективе) // Север. 2000. № 10. С. 157.

¹²⁸ Вийдалеп Р. Я. Отражение эстонско-русских отношений в эстонских народных сказках // Краткие сообщения Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. М., 1950. Вып. 12.

несмотря на все невзгоды северной природы, остается зеленым до самых заморозков, напоминая своей жизнестойкостью о крепости духа и мужестве карельского народа.

Внутренней чистотой и цельностью, точностью наблюдений отличаются стихи уроженки деревни Вокनावолок Калевальского района Валентины Ивановны Каракиной. Она приобщилась к творчеству уже в зрелом возрасте. Будучи филологом, она долгое время работала в школе и петрозаводском педагогическом училище № 1. Затем ее пригласили в карелоязычную газету «Oma Mua», где она начала с переводов статей на карельский язык, а затем стала писать сказки и стихотворения для детей и публиковать их в детском журнале «Kipinä» («Искорка»). В 2005 году В. Каракина выпустила книгу для детей «Rohkie tijani» («Смелая синичка») на собственно карельском наречии.

Цикл стихотворений В. Каракиной «Runoja lapsilla» («Стихи детям») весело и занимательно знакомит юных читателей с обитателями леса – с зайцем: «Pitkäkorva, ristisuu,/ Lyhyhäntä jänis...» («Длинное ухо, рот крестом,/ Короткохвостый заяц...»); с белочкой:

Oravaini, oravaini,
Mečan paras hyppijäini.
Eläy kuusen latvassa
Lämpimässä pesässä.

Белочка, белочка,
Лучший лесной прыгунок.
Живет под веткой ели
В теплом гнезде.

(Подстрочный перевод Н. В. Чикина)

Героем сказки «Surullini starina» («Грустная сказка») является лето, которое не хочет уходить, дать дорогу осени и зиме. Ему помогает ласточка, готовая сшить лету теплую зимнюю одежду. Но ход времени не остановить, и лету все равно придется уйти, и тогда опадет листва с деревьев, настанет осень. В описании этого круговорота природы звучит философская тема вечности жизни.

Сказки В. Каракиной учат детей видеть и понимать природу, ценить и любить ее красоту, прислушиваться к позывным из мира птиц и зверей. Сказки «Meččo ta kurki» («Глухарь и журавль»), «Mistä päin tuuli?» («Откуда ветер?»), «Repo lapsilikkana» («Лисаньянка») рисуют разнообразие и загадочность лесной жизни, призывают детей уметь наблюдать, удивляться, тревожиться и заботиться о судьбе живой природы.

В сказках усматриваются две эмоциональные категории – радость и грусть. Обе эти категории присущи фольклору всех народов. Глухарь и журавль из сказки В. Каракиной полетели осенью на юг, но глухарь не смог покинуть родную землю и остался зимовать. С тех пор журавль, улетая на юг, поет грустную песню о родной земле и о друге, который остается зимовать. И опять в этом сказочном сюжете заложена мысль о важности вслушиваться в голоса живого, быть мудрее, сильнее, добрее.

Специфика фольклорных связей проявилась в заимствовании В. Каракиной из народной сказки для своих произведений ряда типов, созданных народом, наподобие тех, что встречаются в карельских сказках о животных. В произведениях писателя лиса – хитрая плутовка, волк – серый бок.

Свои карельские названия получают медведь, заяц: Kontie Pihkasilmä-Lynkkäpolvi, Hukka Harmuakylki, Jänis Viäräsilmä, Repo-kuoma. В них разработана извечная тема борьбы добра со злом. Рассказы «Rohkie tijani» («Смелая синичка») и «Taistelu vejen alla» («Сражение под водой») призывают понять законы, по которым развивается природа, не причинять ей вреда, радоваться плеску волн, пению птиц.

Водным стихиям посвящены сказки «Veteheni» («Водяной») и «Joven ta järven pakina» («Разговор реки и озера»). В сюжете сказки «Водяной» (дед помогает водяному, за что тот обещает всегда наполнять его сети рыбой) использован мотив верований карелов в то, что водяной дает рыбу, а рыба для жителей деревни – это второй хлеб. Примечателен для сказки характерный для устного народного творчества троекратный повтор: три дня дед выполнял задание, три дня бушевала буря.

В форме народной потешки написано стихотворение Лидии Юркиной «Avoi-voi» («Авой-вой»). Шесть строф этого стихотворения начинаются одинаково: «Läksimmä myö ukon kera / D'ärvellä verkkoloja laškemah» («Отправились мы с мужем / На озеро сети ставить»); «Läksimmä myö ukon kera / Illalla verkkoloja kaščomah» («Отправились мы с мужем / Вечером сети смотреть»); «Läksimmä myö ukon kera / Kezällä heinee niittämäh» («Отправились мы с мужем / Летом сено косить»); «Läksimmä myö ukon kera / Sygyzellä kartafeida kaivamah» («Отправились

мы с мужем / Осенью картофель копать»); «Läksimmä myö ukon kera / Mečšah marjoo keremäh» («Отправились мы с мужем / В лес ягоды собирать»); «Läksimmä myö ukon kera / Suovattana kylyh kyl'vemäh» («Отправились мы с мужем / В субботу в бане париться») и каждый раз супругов постигает неудача: они забывают, то одно, то другое. Стихотворение подчеркивает жизнерадостный, оптимистический характер народа, духовное родство с устным народным творчеством.

Еще одно новое имя в литературе на собственно карельском наречии – Мийхкали Степанов (псевд., наст. имя Михаил Степанов), сын Ортые Степанова. Он пишет стихи о родовых корнях, о нравственных правилах жизни, завещанных предками. На эту тему – цикл его произведений, публиковавшихся в журнале «Carelia» («Карелия»), начиная с 2001 года.

Дореволюционной жизни крестьян Беломорской Карелии посвящена пьеса Сеппо Кантерво (псевд.; наст. имя Сергей Сергеевич Пронин) «Laukkurit» («Коробейники»). Она была поставлена в апреле 2005 г. в Национальном театре Республики Карелия и вошла с другими пьесами в сборник «Занавес», посвященный 75-летию Национального театра Республики Карелия. Герои пьесы говорят как на финском, так и на карельском языках.

Литература на собственно карельском наречии находится в процессе освоения целостности народного бытия и сознания. При всей скромности ее творческих успехов нельзя забывать, насколько значимо появление современной художественной литературы, не дающей «уснуть уставшему, время от времени затухающему национальному сознанию, которое по своему абсолютно суверенному характеру достоверно и действительно только в своей оригинальности»¹²⁹.

¹²⁹ Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / Пер. с венг. Йошкар-Ола, 1993. С. 190.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги исследования, можно утверждать, что литература на карельском языке в Республике Карелия существует и активно развивается. За значительно короткий промежуток времени (1990–2005 гг.) удалось не только возобновить письменность, но и достичь определенных результатов. Из писателей выделились отдельные лидеры, творчество которых уже заняло свое место в российском литературоведении.

Высокое патриотическое чувство любви к своему народу рождало стихи и прозу на карельском языке, которые внесли значительный вклад в развитие духовного и художественного самосознания карелов. Будучи одной из младописьменных литератур России, литература на карельском языке брала на себя обязанность быть исследователем не только духовных качеств человеческой личности, но и характерных особенностей национального быта, истории народа, особенностей его жизненного уклада, актуальных проблем современности.

Несмотря на проживание в одном регионе, карелы не смогли пока выработать единый письменный язык, поэтому литература развивается на всех трех наречиях карельского языка. Существенное влияние на развитие литературы оказывали русская и финская литературные традиции, а также фольклор.

Художественное мышление писателей, богатое фольклорными традициями карельского народа, рисовало различные картины, которые в дальнейшем выросли в произведения. Авторы, как правило, выросшие в деревне, с молоком матери впитывали нравственные и эстетические идеалы, выработанные народом, и на их основе формировали представления о человеке, правде, красоте. В их поэзии и прозе можно найти различные художественные средства и приемы изображения действительности, свойственные народному творчеству. Характерная для стихотворений и поэм пишущих на карельском языке Александра Волкова, Николая Пахомова, Василия Иванова, Ольги Мишиной, Раисы Ремшуевой, Валентины Каракиной и других

полнота изображения народной жизни, этнографическая многокрасочность рисунка во многом обязаны широкому использованию народно-поэтических форм. Влиянием родного фольклора можно объяснить и тот факт, что в современной литературе на карельском языке преобладает лирическая поэзия, в которой чувства и мысли авторов полностью слиты с жизнью и духовным миром земляков.

Наблюдается общность представлений с другими финно-угорскими народами. Особенно это проявляется в поэзии и связано с символикой. Если в обращенной к народно-поэтическим традициям поэзии на карельском языке связь с фольклором обнаруживается прямо и открыто, то в национальной прозе связь художника с народным творчеством проявляется в глубине постижения им самого народа, его жизни, его нравов, обычаев, чаяний. М. Горький говорил, что типы, созданные народом, представляют собой гармоничное сочетание мысли и чувства, и что это сочетание составляет отличительную черту героев народного творчества, возможную «лишь при непосредственном участии создателя в творческой работе действительности, в борьбе за обновление жизни»¹³⁰.

В конце XX – начале XXI века писатели-карелы во многом способствовали активизации чувств национального самосознания. Возрожденческие устремления прибалтийско-финских народов Карелии изменили место писателя в обществе и взаимоотношения его с ним. На рубеже XXI века литература на карельском языке стала средством выражения своих личных взглядов на жизнь, способом познания самого себя.

Поскольку в сознании писателей право карельского народа на национально-культурную преемственность занимало главное место, то и в созданных ими произведениях на первый план выходил национальный характер с его внутренним состоянием и вытекающими отсюда образом взаимоотношений с миром. Свидетельством этого является роман П. Семенова «Маша из Пухтасъярви». Роман насыщен живыми, исторически точными, эмоционально-окрашенными бытовыми деталями и зарисовками из жизни простой карельской женщины. Не взирая ни на какие, даже самые тяжелые обстоятельства,

¹³⁰ Горький М. Собр. соч.: в 30-ти т. Т. 27. М., 1953. С. 305.

героиня сохраняет верность присущим карельскому крестьянству «вечным», высоким и благородным, истинно человеческим качествам и свойствам. Эта «исконность» непреходящих национальных черт обогащается, углубляется в условиях вынужденного противостояния общественным условиям, в жесткой борьбе за кусок хлеба, за простое выживание, требующее от человека всех его духовных и физических сил. «Через призму восприятия Маши из Пухтасъярви, ее жизни, отображается жизнь карельского народа, его обычаи, нравы, занятия – все то, что характерно для сельского жителя карельской деревни»¹³¹, – писал В. Рягоев, отмечая умение автора естественно включить в сюжет повествования карельские пословицы, поговорки, фразеологизмы, что является свидетельством глубокого освоения богатств родного языка.

Современная литература на карельском языке находится в поиске жанрового многообразия, поскольку в ней осмысляется целый период в жизни карельского народа. Но особое место приобретают в прозе эпические жанры (повесть, роман), а в поэзии – лиро-эпические (поэма).

Известной объективной закономерностью, свойственной младописьменным литературам, стало непосредственное обращение к фактам жизни, стремление к документальному воспроизведению событий. Такой присущий литературе на карельском языке «очерковый реализм» выступает в качестве эстетической доминанты в книге П. Семенова «Труженики» (1998), в книгах О. Мишиной «Колесо» (1996) и «Цветок Марии» (2003). «Очерковый реализм» объяснялся различными причинами: с одной стороны, желанием писателей быть доступным и понятным массовому (а это значило – живущему в деревне и знающему карельский язык) читателю, а с другой стороны – их недостаточным профессиональным мастерством, что не позволяло строить концептуально сложные произведения, допускающие свободную игру фантазии.

Очерковость была присуща не только прозе, но и поэзии, где публицистические рассуждения о судьбе карельского народа, конкретные зарисовки злободневных фактов и событий, призывы к

¹³¹ R'agojev V. Algusanat // Sem'onov P. Puhtasjärven Maša: Romuanu. Petroskoi, 2004. S. 5.

коренному населению Карелии защитить чувство национального достоинства, читать и писать на родном языке превалировали в художественно-изобразительном плане над развернутым психологизмом, изображением и раскрытием жизни человеческого духа.

Литература на карельском языке в конце XX – начале XXI века пребывала в процессе внутреннего изменения и развития. Для нее были характерны два типа изобразительности: реалистический (прослеживающий эволюцию характера под влиянием обстоятельств) и романтический (отличающийся повышенной эмоциональностью стиля, широким употреблением метафоры, вниманием к личности, противостоящей враждебному ей внешнему миру).

Наблюдается известная национально-историческая обусловленность распространения в литературе на карельском языке преимущественно реалистического типа изобразительности: здесь, на Севере, климат суров и беспощаден к людям, а просто выживание требует долгого изнурительного труда; здесь жизнь разворачивается спокойно, замедленно, – как нетороплив и обстоятелен в деталях эпос «Калевала», материалом для которого послужили карельские эпические руны, лирические и обрядовые песни, заговоры и заклинания, пословицы и поговорки, и где эпические события взаимосвязаны вокруг основного сюжета – борьбы за счастье и процветание народов страны Калевалы.

Что же касается романтизма, то он особенно интенсивно проявляется в поэзии (книги стихов Н. Пахомова «Свеча в окне» и «Земля людиков»), где материальная сторона бытия образует лишь внешнюю оболочку истинной жизни человеческого духа.

Для современных писателей, создающих произведения на карельском языке, характерны общность творческого подхода к явлениям жизни. Большинство из них начали писать на карельском языке только в 1990-е годы, уже в зрелом возрасте¹³², и не случайно в их произведениях нередко на первый план выходит сам автор, выражающий свое отношение к окружающему миру, оперирующий фактами своей биографии.

¹³² На «очень позднее начало литературного творчества на карельском языке» не без сожаления указывал П. М. Семенов (род. 1934).

На этом раннем этапе развития национальной литературы преждевременно ждать от авторов совершенного художественного исполнения, внутренней и внешней гармоничности произведений. По мнению Р. Коломайнена, «одни тексты остаются еще на уровне любительской литературы, другие, правда, относительно немногие, можно расценивать как профессионально зрелые»¹³³.

Нельзя забывать, что на развитие литературы отрицательное влияние оказало нигилистическое отношение к культурному наследию карелов в 1920–1930-е годы. Издававшийся в 1930-е годы на карельском языке (на кириллической основе) журнал «Карелия» просуществовал лишь два года и был закрыт, а литература республики долгое время существовала лишь на финском и русском языках.

К концу 1980-х годов нарастающими темпами развивались процессы этнокультурной и языковой ассимиляции карелов, о чем на страницах петрозаводской газеты «Комсомолец» 15 ноября 1988 года свидетельствовал социолог Е. И. Клементьев: «Утрата значительного слоя культурного наследия, вековых традиций, стирание и исчезновение признаков, придающих материальной и духовной культуре карелов неповторимый этнический колорит, довольно ощутимы. Скорее, условно можно говорить о бытовании устно-поэтического творчества, богатейшими россыпями которого был известен наш край далеко за его пределами. Ушли в прошлое руны, не так уж часто услышишь карельскую песню, не балует слух детей карельская сказка. Забываются народные промыслы, утрачиваются традиции народного изобразительного искусства. Неполноценное знание родного языка ослабило культурную память, вызвало неустойчивость национального самосознания».

За прошедшие полтора десятилетия в Карелии многое сделано в создании условий для сохранения, развития и расширения сферы применения карельского языка. «До совершенства, до стадии растворения диалектов в едином карельском литературном языке еще очень далеко, – говорила Т. С. Клеерова на заседании Прави-

¹³³ Коломайнен Р. Опыт публикации карелоязычных текстов в журнале «Карелия» // Развитие карельского языка в Республике Карелия: состояние, проблемы, перспективы: Материалы Респуб. науч.-практ. конф. 26–27 июня 2007 г. Петрозаводск, 2007. С. 43.

тельства Республики Карелия 25 февраля 1997 года – Мы – реалисты, и прекрасно понимаем, что язык не создается начальственным решением. Он функционирует по своим естественным законам... Отсутствие литературной традиции – явление, не зависящее от желания народа, ибо существовал запрет на развитие карельского литературного языка. И все же отдельные образцы в разные века, в разные эпохи существовали»¹³⁴.

Своеобразие и неповторимость литературы на карельском языке состоит в культуре карельского народа. Литература развивается на латинской графической основе, что отличает ее от финно-угорских литератур Поволжья. Являясь молодой литературой, она еще не достигла тех высот, которые существуют у других литератур.

Созданные карельскими писателями произведения прозы, поэзии, драматургии стали живыми и непосредственными свидетельствами современников, которые встали плечом к плечу с народом в процессе национально-культурного возрождения, становления карельской литературной традиции, укрепления национального самосознания прибалтийско-финских народов Карелии.

¹³⁴ Текущий архив Государственного комитета по делам национальной политики Республики Карелия.

Библиография работ автора по теме

Актуальные вопросы развития карелоязычной литературы на рубеже XXI века // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 318–321.

Александр Лукич Волков – певец Сямозерья // Сямозерские чтения: (доклады и материалы). Петрозаводск, 2006. С. 182–185.

Если в стих ты ставишь слово „миели“...»: (о литературе на карельском языке) // Север. 2008. № 7/8. С. 33–37; INF. 2008. № 8. С. 26–37.

«Калевала» в творчестве З. Дубининой и М. Пахомова // «Калевала» в контексте региональной и мировой культуры: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 160-летию полн. изд. «Калевалы». Петрозаводск, 2010. С. 67–73.

Карелия – наш родной дом: о современной литературе на карельском языке // Taival. 2006. С. 151–156.

Карелоязычная литература Карелии: современное состояние и перспективы // Художественная словесность финно-угорских народов: от истоков к современности. Йошкар-Ола, 2008. С. 154–165.

Карелоязычная литература: проблемы становления // В. И. Лыткин: грани наследия: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 115-летию со дня рожд. выдающегося финно-угроведа Вас. Ильича Лыткина. Сыктывкар, 25–26 нояб. 2010 г. Сыктывкар, 2010. С. 152–155.

Категория судьбы в произведениях карелов // Финно-угорская филология: проблемы и перспективы развития: Материалы Всерос. науч.-практ. конф. Йошкар-Ола, 2010. С. 117–120.

Литература на карельском языке конца XX – начала XXI века (собственно карельское наречие) // Карелия на этнокультурной и политической карте России: Материалы науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Респ. Карелия. Петрозаводск, 21 мая 2010 г. Петрозаводск, 2010. С. 164–168.

Мийкул Пахомов – основоположник людиковской литературы // Congressus XI Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars II: Summaria acroasium in sectionibus. Piliscsaba, 2010. С. 256–257.

Образы «своих» и «чужих» в современной карелоязычной литературе // Рябининские чтения-2011: Материалы VI науч. конф. по изучению и актуализации культурного наследия Русского Севера. Петрозаводск, 2011. С. 470–472.

Проблема национального художественного самосознания // Вестник Поморского университета. 2006. № 8. Серия «Гуманитарные и социальные науки». С. 205–208.

Пути становления карелоязычной литературы // Тверские карелы: история, язык, культура: Материалы междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 20-летию образования о-ва культуры тверских карел (Тверь, 29–30 окт. 2010 г.). Тверь, 2011. С. 145–150.

Родной берег: своеобразие произведений современной карелоязычной литературы // *Karelia Written and Sung: Representation of Locality in Soviet and Russian Contexts*. Jyväskylä, 2010. S. 141–158.

Современное состояние и перспективы развития литературы на трех диалектах карельского языка // Современное состояние и перспективы развития карельского, вепсского и финского языков в Республике Карелия: Материалы науч.-практ. конф. 31 окт. 2002 г. Петрозаводск: Периодика, 2004. С. 75–76.

Современное состояние литературы на карельском языке в Республике Карелия // *Folkloristica & Ethnologia. Litteratura. Archaeologia & Anthropologia & Ethnic Historia: Summaria acroasium in sectionibus. Pars III*. Jyväskylä, 2005. С. 188–189.

Современное состояние литературы на ливвиковском наречии карельского языка // Межкультурные взаимодействия в полиэтничном пространстве пограничного региона: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 75-летию Ин-та яз., лит. и истории КарНЦ РАН. Петрозаводск, 2005. С. 224–228.

Современное состояние литературы на людиковском наречии карельского языка // Бубриховские чтения: Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2005. С. 322–330.

Сочетание традиций и новаторства в поэме М. Пахомова «*Luudimua*» («Земля людиков») // Северная Европа в XXI веке: природа, культура, экономика: Материалы Междунар. науч. конф., посвящ. 60-летию КарНЦ РАН (24–27 окт. 2006 г.). Петрозаводск, 2006. С. 210–212.

Становление и развитие литературы на карельском языке на рубеже XXI века // *INF*. 2006. № 7. С. 11–16.

Становление литературы у людиков // *Lüüdiläine*. 2006. *Lyydiläisen Seuran vuosijulkaisu*. С. 12–18.

Творчество Мийкула Пахомова // *Lüüdiläine*. 2008. *Lyydiläisen Seuran vuosijulkaisu* 2007. С. 33–36.

Hiän suatto sanuo karjalaisista // *Vienan Karjala*. 2003. 10. sulak.

Karjalan literatuurin enziaskelii // *Oma Mua*. 2002. 19. talvik.

Karjalankielisen kirjallisuuden nykytila // *Carelia*. 2006. N:o 6. S. 97–102; N:o 10. S. 113–124; N:o 12. S. 97–103; 2007. N:o 1. S. 113–117; N:o 6. S. 112–124.

Karjalankielisen kirjallisuuden nykytilanne Karjalan tasavallassa // Tutkielmia vähemmistökielistä Jäämereltä Liivinrantaan: Vähemmistökielten tutkimus- ja koulutusverkoston raportti VI / Toim. H. Holmi, H. Sulkala. Oulu, 2006. S. 102–107.

Karjalankielisen kirjallisuuden kehittymisen tiet // Taival. 2011. S. 59–61.

Lapsusaijan muistelemiset – kirjutuksen’eron kuivamatoi kaivo // Oma Mua. 2003. 23. pakkask.

Muissot kuvassutah yhennäkösissä unissa // Vienan Karjala. 2001. 8. maalisk.

Содержание

Введение	3
ГЛАВА 1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ	13
Из истории создания литературы на карельском языке	13
Проблема национального художественного самосознания	28
ГЛАВА 2. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЛИВВИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА	35
Эстетика жизненной правды в произведениях писателей-ливвиков конца XX – начала XXI веков	35
Развитие стилистической системы карельского языка в поэзии, прозе и драматургии в постсоветскую эпоху	49
ГЛАВА 3. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА ЛЮДИКОВСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА	72
Творчество М. Пахомова	72
Сочетание традиций и новаторства в поэме М. Пахомова «Земля людиков»	84
ГЛАВА 4. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ НА СОБСТВЕННО КАРЕЛЬСКОМ НАРЕЧИИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА	94
Заключение	110
Библиография работ автора по теме	116

Научное издание

Н. В. Чикина

**СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ
НА КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Утверждено к печати Ученым советом
Института языка, литературы и истории
Карельского научного центра Российской академии наук*

Редактор М. А. Радостина
Оригинал-макет Н. Н. Сабанцева

Сдано в печать 29.11.2011 г. Формат 60x84¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Times. Печать офсетная.
Уч.-изд. л. 6,0. Усл. печ. л. 7,0. Тираж 200.
Изд. № 245. Заказ № 3.

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, Петрозаводск, пр. А. Невского, 50